

СМЕНА

№6 ИЮНЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

О жизни и творчестве художницы Артемизии Джентилески
читайте на стр. 64

Замечательные современники

<i>Олег Финько</i>	Дорога из тайги 4
<i>Елена Воробьева</i>	Дмитрий Брусникин: «Театр — это то, что происходит здесь и сейчас 76

Поэзия

<i>Наталья Бородкина</i>	Стихи 25
<i>Александр Клиндухов</i>	Стихи 60

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Светя другим, сгораю сам30
--------------------------------	---

Минувшее

<i>Денис Логинов</i>	Африканский принц 48
----------------------	-----------------------------------

Судьба художника

<i>Ирина Опимах</i>	Первая леди живописи 64
---------------------	--------------------------------------

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Искушение Михаила Булгакова 82
--------------------	---

Литературные страницы МСПС

<i>Иван Переверзин</i>	Постижение любви 104
------------------------	-----------------------------------

Детектив

<i>Андрей Дышев</i>	Убить остров 134
---------------------	-------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер и режиссер театра и кино
Дмитрий Брусникин

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8200

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 17.05.2016

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«Сергей Петрович Боткин — выдающийся врач-терапевт, один из основоположников физиологического направления русской научной клинической медицины, крупный общественный деятель, надворный советник, лейб-медик императрицы Марии Александровны... Именно он впервые открыл и описал вирусный гепатит, называемый часто «болезнью Боткина». Именно он создал первую бесплатную больницу, и его именем названа больница в Москве. Но все удалось не сразу и не просто...

Светлана **Бестужева-Лада** «Лучший диагност России»

«Жизнь этой незаурядной женщины вместила очень многое. В свое время Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф-Будберг блистала в самых фешенебельных салонах Москвы, Петербурга, Берлина, Лондона и считалась одной из умнейших женщин своего времени. Ее любили такие непохожие друг на друга мужчины, как британский разведчик Роберт Локкарт и два больших писателя — Максим Горький и Герберт Уэллс...

Алла **Зубкова** «Баронесса Мура»

«Он занимался сугубо специальными исследованиями и даже не стремился придать своим работам законченный вид, мало заботясь об академической карьере, которая обеспечила бы ему безбедное существование. Со стороны он выглядел «вольным художником», не признающим авторитетов и официальных инстанций, анархистом, отвергающим традиционные устои научного сообщества. Он был ученым-одиночкой, энтузиастом и мечтателем, по сути, трудился в полной изоляции, почти не поддерживая связи с профессиональной средой. Главной его заслугой явилось практическое доказательство видового единства человечества, опровергающее все расистские теории тогдашнего и нынешнего времени.

Юрий **Осипов** «"Белый папуас" Берега Маклая»

«Профессор Принстонского университета Ричард Готт назвал имя первого в мире путешественника в будущее: это российский космонавт Сергей Авдеев. Готт подсчитал, что именно Авдеев, свыше двух лет находившийся на космической станции «Мир», оказался в будущем примерно... на 1/50 секунды! Сегодня мировой рекорд по общей продолжительности пребывания в космосе принадлежит другому россиянину — Сергею Крикалеву, но Авдеева этот факт нисколько не расстраивает — он живет будущим космоса и больше переживает пор поводу дальнейшего развития российской космической отрасли.

Андрей **Колобаев** «Путешественник в будущее»

«Окончание детектива Андрея **Дышева** «Убить остров»

Нынче все еще модно бранить депутатов Государственной Думы. И основания для этого, наверное, бывают. Но ведь подавляющее большинство из них это порядочные и честные люди. А многие — талантливы.

Подтверждением тому — Олег Александрович Финько.

Рабочий на Приморском руднике, магаданский золотоискатель, бетонщик, специальный корреспондент «Комсомольской правды», секретарь райкома комсомола, декан факультета в университете, доцент МГУ им. Ломоносова; заведующий редакцией издательства «Современник», заместитель главного редактора издательства — «Художественная литература», главный редактор издательства «Искусство», главный редактор «Юридической газеты», депутат Государственной Думы России четырех созывов.

А когда стране было нужно, он мог оказаться в длительной командировке... Выпускник Высших офицерских курсов «Выстрел», но таких как он, в армии, посмеиваясь, называют «Пиджак». В отличие от кадровых офицеров, их призывают, время от времени, по необходимости. Но и ценят, если есть за что. О.А. Финько дорос до полковника. Награжден именным холодным оружием.

Кажется, все это трудно вместить в одну жизнь. Но ему удается. Он из тех, кого считают неумными трудоголиками.

Ко всему сказанному, напомним, что это интересный, проникновенный писатель. Автор семи книг прозы.

Летом нынешнего года выходит в свет его новая книга «А ночью плакала душа!», которая заинтересует очень многих читателей, поскольку в ней описаны интересные герои, события и есть весьма ехидные эпиграммы на известных людей. Автор не щадит ни себя, ни других и при этом умудряется оставаться доброжелательным.

Предлагаем вашему вниманию, уважаемые читатели, одну главу из этой книги.

Олег Финько

Дорога из тайги

Давно пишу и прозу и стихи. Люблю публицистику. По образованию и опыту работы я — юрист и журналист.

Работаю с четырнадцать лет, по трудовой книжке — с пятнадцати. В семье было шестеро детей, двое еще маленькими умерли в войну. Маме — учительнице и бабушке — акушерке прокормить нас было нелегко. А безотцовщина, в войну и после нее, не была редкостью. Самое памятное воспоминание детства — чувство голода. Но это было знакомо многим, я не первый и не последний.

На Дальний Восток уехал по комсомольской путевке. Там, в основном, и набирался ума-разума. Работал на руднике «Дальний», в предгорьях Сихотэ-Алиня, в старательской

артели на Колыме, на стройках Хабаровского края, долго жил в городе-мечте, красавце Владивостоке.

Дальневосточные впечатления остались в стихах и в прозе. Работал с вербованными, приезжавшими на Восток за большими деньгами. Не разбогатов, многие из них со временем становились старожилками. Трудился с бывшими заключенными, за каждым — трагедия. Изредка встречались такие типы, что ненавидели все человечество. Большинство относилось к годам заключения, как к случайной неприятности, которую следует забыть. Но от привычек, приобретенных в лагерях, отвыкнуть было трудно. Устроиться им на приличное место работы и сейчас нелегко.

У нас в стране зекам сочувствуют только в песнях шансона, а на деле чаще смотрят на них косо — кто знает, чего можно ждать от бывшего преступника. Хотя отбывшие наказание ничем не хуже обычных обывателей. Их нужно поддержать в первое время. Большая их часть становится нормальными и даже благочестивыми людьми, а кто-то окончательно скатится, пополнив ряды неблагополучных граждан. Кому что на роду написано.

Мыл золото со старообрядцами, полагавшимися только на себя и на единоверцев. Добрая православная вера, бытовавшая до церковных реформ. А где реформы, там люди расходятся и во взглядах, и в поступках.

Чту комсомол, с которым был связан немало лет. Отличная молодежная организация, которой так не хватает в современности. Главное, не тащить в нее всех подряд, а завлекать тех, кто этого желает.

На Дальнем Востоке, когда юношеские мечты в пух и прах разбила жестокая реальность, понял, что я такой же, как все прочие рабочие, и в жизни могу рассчитывать только на себя, иногда на друзей. На руднике трудились и беспредельщики. Гришку Заравняева, мы с ним в одной бригаде вагонетки тягали, я однажды в зарослях у тропинки в барак заметил. Светлячки его выдали. Притаился с топором, поджидая бригадира, он с ним не ладил. Еле отговорил парня от задуманной расправы. Гришка был здоровенным, ленивым красавцем. Женщи-

ны к нему липли, едва увидев. Недалекий, коварный. Позже его жестокость все равно нашла выход.

Много молодых, среди которых хватало романтиков. Были и простые работяги, думающие о том, как заработать копейку для семьи, и мужики с широкой душой, с государственным, и даже с философским мышлением. Среди простых людей немало мудрецов, не обязательно искать их только в университетах. Они вокруг нас. Прислушивайтесь чаще.

После возвращения в Москву удивить меня образцами чести, человеческими характерами, пороками или удалью было уже трудно. На Дальнем Востоке все более сконцентрировано и видно, как через увеличительное стекло. Все проще и жестче. Ненависть, порой, с последствиями, после которых в тайге находили кости неизвестных. Дружба, какой в столицах поискать. Хотя в вечную дружбу я не верю, судьба разводит самых закадычных друзей. И любовь до гробовой доски редкость. Доверие, почти полное. Взаимовыручка — пара горстей сухой картошки — на всех. В мои годы на Дальнем Востоке продавали много сушеных овощей: морковку, лук, картошку. Разваришь, бывало, и получается густой суп — пюре, кондер, что надо. Воровство у своих — тяжкий, жестоко наказуемый грех. За подобное как-то, по случаю отсутствия милиции, вербованного парня затолкали в тумбочку, перевязали, чтобы дверца не открылась, и с кры-

ши барака сбросили. Выжил бродяга. Говорили: быть ему долгожителем. После этого, честнее его в поселке никого не было.

В Москве жил неподалеку от Разгуляя и Елоховского собора, на улице Бакунинской, в нашем доме сейчас располагается банк. Там уже нет моих московских соседей по коммуналке и друзей-товарищей. Теперь я редко слышу торжественный колокольный звон, будоражащий и обостряющий чувство вечности. Этот звон заставил меня задуматься о высшем духовном наследии предков — о вере в Создателя, о цели нашего появления на земле, о божественных книгах — Библии, Коране. Об отношении Создателя к конкретной личности. То есть то, что одолевает каждого нормального человека после тридцати пяти, когда знаешь цену хлеба. А в старом доме, где я жил, ныне в ходу ассигнации, кредиты, счета, золотые и серебряные монеты. Да по ночам бродит туманное привидение, напоминающее жестоко убиенную лет двадцать назад старуху-сутенерку. В конце жизни бабке пришлось рассчитаться за разгульную жизнь. Поговаривали, что это Серега, афганец-инвалид, ее отправил в преисподнюю, за то, что она его дочку Тamarку к веселой жизни приобщила, та по рукам пошла. Новая реальность нашей нравственности и построенной на ней, не всегда понятной экономике.

Затем долгие десятилетия жил с семьей на Патриарших прудах, которые любил в разное время суток:

часто в сумерках, нередко на рассвете и ночью. Видел их летними ясными днями, когда сквозь голубое небо можно заметить полуденную прозрачную и будто призрачную луну. И это не выдумка. «Патрики» были для меня местом жительства тела, души, семьи, любви и раздумий. Сосредоточием московской жизни. В окна квартиры зимой прорывалась музыка с катка, а летом доносился людской шум. Видел пруд и по ночам, а однажды за мной по аллее (!) погнался сумасшедший автомобиль, набитый пьяными отморозками.

Здесь бегала и моя очаровательная маленькая дочка Елена, которая, незаметно для меня, здесь и повзрослела. Патриаршие пруды — это судьба.

Отсюда я увез отпевать в храм Божий, находящийся неподалеку от Рижского вокзала, свою жену Эллу Михайловну Шпанову, прожившую со мной нелегкие, но прекрасные годы. А за пару десятков лет до этого обстоятельства заставили ее провести наш медовый год в Афганистане, среди первых ласточек, предвещавших кровавую непогоду Афгана. Часть впечатлений нашла отражение в стихах.

Дальневосточная жизнь заметно повлияла на мою сущность. Но человек создает свою внутреннюю архитектуру всю жизнь, до последнего, затухающего вздоха.

Преподавал в Дальневосточном университете (ДВГУ). Позже, в Московском государственном университете им. Ломоносова, вел курс

журналистского мастерства. Мои студенты уже давно превратились в маститых журналистов. Некоторые, наверное, наиболее талантливые или удачливые, будучи прекрасными организаторами, возглавили солидные издания: «Комсомольскую правду», «Новые известия», «Известия подмосковные» и дальневосточные газеты.

Я трудился в издательствах и газетах, а потом неожиданно быстро оказался в центре политической жизни страны.

В конце восьмидесятых стал главным редактором «Юридической газеты», которую я создал при поддержке Союза юристов СССР и ряда государственных органов СССР (руководители Союза юристов — прекрасные правоведы, интеллигентные люди Андрей Адамович Требков, Виктор Игнатьевич Марьенко).

Я до сих пор воспринимаю разрушение Советского Союза как личное несчастье. Страна нуждалась в умелой, деликатной перестройке экономики, промышленности, сельского хозяйства, а не в развале государства, не в доведении до нищеты половины граждан России, не в утере нравственных принципов. На совести М. Горбачева, Б. Ельцина и иже с ними тьма убитых, преждевременно умерших сограждан и людей, развращенных беспределом.

Будь все деликатнее и умнее, Борис Березовский так бы и остался уважаемым ученым, профессором математики, Эдуард Бурбулис преподавал бы марксистско-ленинскую

философию в вузе и охмурял знаниями восторженных студенток, Егор Гайдар с большим большевистским рвением разоблачал бы инакомыслящих и оппортунистов в журнале «Коммунист». А вот Жорес Алферов в любом случае был бы почитаемым Нобелевским лауреатом и патриотически настроенным гражданином, Владимир Бортко — замечательным кинорежиссером, фильмы которого помнил весь Советский Союз и страны народной демократии, Светлана Савицкая, как и ныне, — отважным космонавтом. Ей завидовали и подражали тысячи девчонок, а сотни парней-романтиков присылали ей письма с признанием в любви.

Сейчас главных «перестройщиков» нередко пытаются обелить. Но черного кобеля не отмоешь добела.

Вспомните, как недавно распиналось телевидение по случаю какого-то юбилея М. Горбачева. Чуть не вылизывали его. По поводу открытия мемориального комплекса Б. Ельцина восторженности в СМИ было поменьше. В Екатеринбурге у населения жилищных проблем не перечсть, а тут Б. Ельцину отстроили громадный мемориальный дворец — прихожане окрестных церквей завидовали... Ведь храмы в русских городах всегда были самыми прекрасными и величавыми строениями, а тут отстроили храм Лукавому. Есть от чего опечалиться.

Перестройка жизненного уклада в державе назревала. Ею, в первую очередь, занимался недалекий, но гибкий, державший нос по ветру

М. Горбачев. Его карьера была катастрофой для продуманной кадровой политики коммунистов. Но и на старуху бывает проруха. Будь по-иному, при другом генсеке, даже в кризисные годы сохранили бы земли России, не раздробили бы ее народ. А националистического джина в республиках не выпустили бы еще лет пятьдесят. Живем мы, русские, довольно дружно и терпимо с татарами, с мордвой, с чувашами, осетинами, и десятками других исконно российских народов. «Перестройщики» имели возможность остаться в памяти народа приличными людьми. О том же Б.Н. Ельцине вспоминали бы как о хорошем строителе, партийном руководителе со сложным характером, любителе заложить за воротник. Да кто в те времена не пил...

Б.Н. Ельцин — это тоже пробоина в кадровой политике КПСС. Таких ошибок в последние годы было много, перечислять не хочется. А разве сейчас в других партиях иначе? Если кто-то высказывается не так, как ждет его руководство, или проголодает иначе, чем другие, он может получить ярлык неуживчивого.

Мой коллега, депутат Госдумы В.В. Якушев из Народного фронта — уралец. Валерий Васильевич любит докапываться до правды и говорить ее в лицо. Он наивно думает, что, если говорил правду В.В. Путину, и президент России нормально воспринимал доводы металлурга, то можно откровенно говорить и в Думе. Ан, нет, в глазах однопартийцев он выглядит неудобным чудаком,

единороссы из его фракции, бывает, недовольны им. Предполагаю, что правильный и нужный обществу В.В. Якушев больше не будет избран депутатом. Причины найдутся.

Побольше бы таких чудаков.

В России временами любят почудить, людей посмешить. Вот и царя Николая II, которого в народе называли кровавым, умудрились возвести в святые. Это ли не издевка над православием?! На нем кровищи столько, что не отмыть. Б.Н. Ельцин и тогдашний патриарх ставили трагикомедию, а российские верующие и атеисты согласно кивали головами. Конечно, отвратительно, что Николай II расстреляли вместе с детьми. Но в России, да и во всем мире, такие трагедии бывали и бывают не редко. Чувство жалости, сожаления, печали при осознании этого гнусного преступления — да! Но возводить в святые человека, на совести которого множество жертв и поверженная Россия, — это не просто злая шутка, это кощунство.

По натуре я, вероятно, все же консерватор. Я мечтаю о благополучной стабильности для России. Ныне мне вооруженные кровопролитные революционные пассажи не по душе. В Гражданскую войну моего красного деда Василия зарубили белые. Он еще не остыл, как бабушку, Антонину Яковлевну Лазько, в девичестве Саржевскую, пытали, вздергивая в петле. Делали это белые, которых до сих пор в нашей

стране романтизируют. А другой дед — Михаил, белый, завершил жизнь где-то на Колыме или на Севере. И у красных, и у белых за спиной есть и хорошее, и плохое. В Гражданской войне победителей не было, были жертвы и общее горе.

У меня к Дальнему Востоку особый интерес — деды познали изнанку Северо-Востока, а я с юности вдоволь побродил по ставшему мне родным тихоокеанскому региону. Считаю себя коренным дальневосточником, там мои родные могилы. Там я, думаю, что с пользой, растратил свою зеленую и зрелую молодость.

Когда меня спрашивают, какой я — красный или белый — отвечаю: я советский! Воспитан советским строем и тем лучшим, что было в Коммунистической партии. Я такой, каким является большинство нашего населения. А хорошего в советское время было много, и мы это помним. Вот почему мне нравятся социалистические идеи: бесплатное образование, здравоохранение, забота о матерях, о ветеранах, государственная поддержка сельского хозяйства, направляющая плановость экономики — эти и многие другие проблемы легли в основу программы партии «Справедливая Россия».

Советская власть была моей властью. Поэтому в девяностых годах я защищал ее. И путем мирного противостояния в составе Фронта Национального спасения (к слову сказать, вместе с Г.А. Зюгановым, который

вел себя в ФНС очень достойно и, по сути, являлся его неформальным руководителем). И во время расстрела возле телецентра в Останкино, откуда я вырвался, как ни странно, живым и здоровым. Впервые увидел, как по приказу захвативших власть демократов либерального прозападного толка умело расстреливали безоружную толпу, а убежавших давили бронетранспортерами. Туда я попал как журналист, который все видел, слышал и фиксировал. Это был первый силовой опыт демократической власти, которая обвиняла советскую власть за жестокость, но с первых дней своего существования в начале девяностых умудрилась умертвить тысячи ею недобровольных и расстрелять свой парламент. Клеймила показушная демократия Советский Союз, но чем сама была лучше? Горя она принесла куда больше.

И в те же осенние расстрельные дни 1993-го я оказался в Белом доме, где был и по совести, и по долгу службы — я занимал должность главного редактора уже «Юридической газеты России», издания Верховного Совета Российской Федерации. Здесь отделался сломанным ребром и долгим кашлем — удары прикладами давали о себе знать. Но я не в обиде на карателей, каждый из нас защищал свои идеалы, и хорошо, что бои у Белого дома не переросли в Гражданскую войну. Другой вопрос — это те, кто дал приказ о расстреле Белого дома... К этим лицам особый счет. Их либерализм

ограничился захватом власти в стране. Получил дикарь в руки компьютер, а что делать с ним, так и не понял. Разломал.

Помню, что Егор Гайдар призывал москвичей принять участие в бойне у Белого дома. По его приказу раздавали оружие. А миллионы рублей, которые он затребовал из банка, куда-то исчезли. Есть свидетели, а что толку? Что упало, то пропало. Говорят, что полнотелые люди по натуре добрые. Ошибаются. Может быть, полненький Гайдар в семье был добряком и даже «подкаблучником», но для страны он оказался редким злыднем. Наверняка встретились на том свете отец и сын Гайдары. И что же сказал отец, коммунист Тимур Гайдар, своему сыну, коммунисту Егору Гайдару? Не был ли похож этот разговор на знаменитый диалог из повести Н. Гоголя «Тарас Бульба»?

После расстрела Белого дома я остался жив и, слава Богу. Дочке Елене не пришлось жить сиротой.

Понимаю, но недолюбливаю тех, кто, перевирая историю, льет грязь на Россию. Тех, кто спит и видит, что страна снова окажется в крови или в услужении у закордонных интриганов. Это, как правило, либералы-западники (частично, «болотоходцы»), получающие инструкции у кукловодов в американских посольствах (истина, много раз получавшая подтверждение и в России, и за рубежом).

На нынешнем этапе я принимаю только конструктивную оппозицию

и, в случае необходимости (но такой необходимости я не вижу в ближайших десятилетиях), только законный путь передачи власти от одной политической силы к другой. Только выборы! Созреет народ для перемен, попробуйте. Но сегодня русские и россияне сыты по горло разгулом девяностых, и просто так их с панталыку не сбить. Любая власть умеет себя защищать. Кроме, к сожалению, советской — она себя защитит от внешней и внутренней контры не сумела, и причины не только в заинтересованных международных силах, но и во внутреннем предательстве со стороны тогдашних руководителей КПСС. И в экономическом напряжении, которое ускорило события в державе. Хотя бывали в стране годы и потяжелее, чем в конце восьмидесятых.

Конструктивная оппозиция сейчас сосредоточена в думских партиях. Одни лица, из числа оппозиции, мне по душе, к другим отношусь с недоверием, а к третьим просто душа не лежит. Все, как у всех.

Из числа других оппонентов власти с уважением отношусь к прекрасному писателю и патриоту Эдуарду Вениаминовичу Савенко — Э. Лимонову, раньше других познавшего суть капиталистического рая. Ему довелось жить в США, в Италии, во Франции. Предпочитает родину — Россию. Вы, читатель, надеюсь, не забыли, что именно Эдуард Лимонov и его соратники жестко отстаивали права на собственность России — на Крым — еще в те времена,

когда остальные и не думали об этом и не представляли националистической опасности, которая уже шагала по Украине. В девяностых Э. Лимонова арестовывали в Севастополе, где он со своими однопартийцами активными действиями напоминал о том, что крымская земля — это Россия. Обществу и власти хорошо бы прислушиваться к Эдуарду Лимонову. За внешней эпатажной формой у писателя и политика богатое и мудрое содержание.

Пишу о В.В. Жириновском. Вот несколько фактов, характеризующих его. Когда перед публикацией книги я дал прочитать рукопись поэмы В.В. Жириновскому, аппаратчики ЛДПР запротестовали, им текст не понравился. А Владимир Вольфович позвонил мне поздно вечером и попросил устранить две фактические ошибки, все остальное — одобрил. Ну, скажите, кто бы еще, кроме В.В. Жириновского, так воспринимал право человека на творчество, на свободу слова, право на чужое мнение?! И так бы относился к критике в свой адрес.

В.В. Жириновский умеет подтверждать свою незаурядность. В 1993 году, накануне расстрела Белого дома, он позвонил мне домой и порекомендовал не ходить в здание Верховного Совета. Я не стал спорить, хотя понимал, что идти обязан. И через полчаса ушел. К вечеру он позвонил снова. Ответила моя дочь Елена. Узнав от нее, что я все-таки ушел, он с огорчением сказал:

«Вот упрямый, я так и знал, что пойдет. Будем надеяться на лучшее...»

В начале девяностых годов В.В. Жириновский и я летали в Ирак на первую встречу с Саддамом Хусейном и его премьер-министром Тарраки. Из Аммана в Багдад мы добирались на джипе. На втором автомобиле — вооруженная иракская охрана. За пару часов до Багдада попали под жесткий обстрел, в те годы напряжение вокруг Ирака уже сгущалось. Спас нас туман. Владимир Вольфович, лежа на моем плаще, на земле возле пробитого пулями джипа, изредка постреливал на шум в туман из автомата, который забрал у раненого водителя, подначивал меня и травил анекдоты. Но по тому, что анекдоты были древние, я понял, что и он волновался, но вида не подавал. Потом он бинтовал водителя полосками моей (а не своей!) рубашки и что-то приговаривал добрым, успокаивающим голосом. Такой голос у него бывает не часто.

Я мирно покинул ЛДПР. Сразу после создания партии «Справедливая Россия» вступил в нее, так как предпочитал пропагандировать социалистические идеи. Затем уехал в Воронеж, там сложилась сложная ситуация, и был нужен мой партийно-организационный опыт. В Воронеже я был избран руководителем областной организации партии «Справедливая Россия».

Оказаться в области, после того как я уже побывал три созыва депутатом Государственной Думы, заместителем В.В. Жириновского в Либе-

рально-демократической партии и руководителем Центрального аппарата ЛДПР, не простое испытание, амбиции пришлось пересматривать. Я переместился поближе к земле. Это как падение в ледяную воду. Но для равновесия в жизни и для понимания, что ты ничем не лучше всех остальных, — помогает. Трудно падать первый раз, а потом это куда проще, привычнее.

Месяцев через шесть, уже после того, как организация была восстановлена, мне в Воронеж неожиданно позвонил В.В. Жириновский. Его не интересовала моя работа в партии «Справедливая Россия», он ничего не предлагал и не ждал просьб от меня. Он расспрашивал, как я устроился, где живу, с кем оставил дочку. Сообщил, что, несмотря на то, что я ушел из ЛДПР, он за прежние заслуги выделил мне премию, которая мне пригодится на новом необходимом месте. (От премии я, правда, отказался, посчитал, что брать ее уже неприлично.) Голос у Владимира Вольфовича был заботливый, но усталый. Меня этот звонок и разговор тронул, ведь мы с ним в это время уже шли разными политическими дорогами.

Скажите, читатель, а вам часто звонят руководители думских партий? В.В. Жириновский не только жесткий политик, он чуткий и заботливый человек. И как-нибудь может позвонить вам...

Довелось мне встречаться не только с Б.Н. Ельциным, но и с В.В. Пути-

ным. Разница огромная. Один — злопамятный, решительный партизан, не разбирающийся ни в стратегии, ни в тактике, готовый крушить и своих, и чужих. В уличной «стенке на стенку» ему цены не было бы. Кулачный боец. Другой — прекрасный организатор, человек с аналитическим умом. Принимающий продуманные решения, осторожно работающий с кадрами и ценящий их. Кстати, познакомила меня с В.В. Путиным приятная молодая женщина — дочь Б.Н. Ельцина Татьяна Дьяченко, которая относилась к Путину очень уважительно.

Я был уверен, что деятельность в ФСБ — это только ступенька на пути В.В. Путина к Кремлю. Так и оказалось. Сейчас, видя, как В.В. Путин отстаивает честь страны, какую роль играет на международной сцене, помня, что именно он вернул России Крым, я горжусь президентом России.

Какая-нибудь прозападная рохля не подошла бы сейчас на роль Президента России. История и современность нуждаются в сильных личностях. Простой народ ждет от В.В. Путина большего спроса с чиновников и жесткости к коррупционерам.

До начала восхождения страны всему народу придется потерпеть два-три года. Сотня с лишним миллионов россиян, которым В.В. Путин вернул чувство достоинства и гордости за Россию, воспринимают сейчас своего президента как благо. Но нерешенных проблем в государстве предостаточно, иначе и быть не могло. Я надеюсь, что и лет через

десять после ухода В.В. Путина с поста президента, о нем будут отзываться так же хорошо, как говорю сейчас о нем я.

Американцы, лауреаты Нобелевской премии по экономике Л. Клейн, В. Леонтьев, Дж. Тобин, резко критиковали реформы России. С ними были солидарны международные авторитеты в области экономики Дж. Гэдбрейт и М. Интрилигейтор, которые российские реформы считали авантюрой. Я бы добавил, авантюрой от Сатаны.

Нобелевский лауреат по экономике, американец с русскими корнями Василий Леонтьев утверждал, что после непродуманных реформ, шокотерапии и приватизации Е. Гайдара, В. Черномырдина и А. Чубайса понадобится не менее 70 лет для восстановления экономики России.

Вдумайтесь — мы потеряли семьдесят лет! Американцы знали, о чем говорили. Поэтому представлять Е.Т. Гайдара, кадрового службиста КПСС (другого в журнале «Коммунист» держать бы не стали), как специалиста в области государственного управления и в экономике — смешно. Это быстро поняли депутаты Государственной Думы РФ, которые ни разу (!) не поддержали Б.Н. Ельцина, предлагавшего невежду в реформах Гайдара на должность Председателя правительства России. Он так и пробыл в свое время «исполняющим обязанности...», что не помешало ему наломать дров.

Я уверен, что с созданием новой экономической политики В.В. Путин справится значительно раньше, чем утверждали российские и зарубежные специалисты. Путин идет неизведанными тропами. Опыт перехода от социализма к капитализму в мире отсутствует. Нет и соответствующих кадров. А искать и выращивать их — дело не простое. Поиск толковых, грамотных специалистов всегда был проблемой России. Хотя, признаюсь, капитализм мне не по душе, я всегда предпочитал социалистический путь развития.

Но я, как и миллионы россиян, согласен на общество, построенное по теории конвергенции, то есть на объединении лучшего, что есть в социализме и в капитализме.

В книге я рассказываю и о современных государственных деятелях. О нынешнем вице-премьере Д.О. Рогозине. Знаю его по совместной работе в Госдуме. Коммуникабельный, доброжелательный человек, прекрасный организатор, великолепный аналитик, личность, знающая себе цену. В свое время Д.О. Рогозин помог «Юридической газете», сохранить помещение редакции от посягательства преступной группы. Слава Богу, отбились с его помощью, без жертв с обеих сторон. Большого беспредела, чем был в девяностые, нам уже не увидеть. Вот пример: одно время я помогал скрываться своему другу — доктору юридических наук, ректору

Юридического института О.Е. Кутафину с его красивой и умной женой Натальей Николаевной, так как на него готовилось покушение. Вдумайтесь, не бизнесмен, не банкир, а ректор, профессор, юрист опасался за свою жизнь! Реальная угроза исходила от чиновника с высокого этажа власти. Сейчас этот чиновник сменил кресло на меньшее, но все равно сидит у государственной кормушки, жив и здоров.

Д.О. Rogozin — единственный депутат Госдумы, осмелившийся в ответ на оскорбительные слова В.В. Жириновского швырнуть в того тяжелую папку с документами. Иного способа успокоить Владимира Вольфовича в тот момент не было. После полета папки (она не попала в цель), конфликт в зале сразу же был исчерпан. Да и кто осмелится спорить в оскорбительных тонах со спортивно сложенным и решительным Д.О. Rogozinym.

У меня прекрасное мнение о сотрудниках Администрации президента: Дмитрие Козаке, надежном и честном человеке, организаторе и исполнителе, каких поискать. О прекрасном, вдумчивом аналитике Сергее Звереве (однофамильце и тезке известного цирюльника и шоумена). Об Александре Косопкине, представлявшем Администрацию президента в Государственной Думе. Редкие отпуска проводил на море — яхтсмен. Вежливый, добродушный, но настойчивый, он деликатно, чтобы не оскорблять самолюбие, подсказывал депутатам, избранным по од-

номандатным округам и не входящим во фракции, как голосовать по тому или иному законопроекту.

О современных чиновниках, депутатах и воинствующих либералах, с которыми я сталкиваюсь, — в этой книге упоминаний мало. Но о них мои «заметки на салфетках» — в очередной книге.

Изменения в элите России налицо. И хорошие, и не очень. Даю некоторые штрихи о своих нынешних коллегам по партии «Справедливая Россия». Подавляющее большинство членов партии и депутатов партийной фракции «Справедливая Россия» в Госдуме — это приличные, достойные люди, прекрасные организаторы, толковые депутаты. На вскидку, из тех, кто был депутатами первых созывов, с уважением называю: уральца В.К. Гартунга — его выступления в Думе слушать одно удовольствие, все практично, перспективно и все обоснованно, М.В. Емельянова — депутата из Ростова на Дону, который всю свою жизнь сосредоточил на работе в Думе и в партии. Иной раз думаю, да есть ли у него время на личную жизнь? Свободолюбивую и справедливую дальневосточницу С.П. Горячеву, давно ставшую ярким политиком федерального масштаба, работающего депутата и талантливого писателя, автора десятков книг, патриота Ярославской области А.Н. Грешневикова, ученого, мыслителя и спорщика сибиряка В.М. Зубова, всем хорошо известную актрису Е.Г. Драпко. Но ведь, в семье не без урода, —

заметьте, это утверждаю не я, а народная поговорка. Есть такие исключения и в нашей партии, они больно бьют по ее престижу.

Отмечу, что в современной Государственной Думе депутаты фракции «Справедливой России» внесли большое количество актуальных законопроектов социальной направленности. У депутатов оказались железные нервы. Некоторые, особенно важные законопроекты вносились по несколько раз, несмотря на отказы депутатов других фракций подержать их.

В девяностые годы отношения во власти были проще, чем нынче. Как Председателю Комитета Госдумы РФ по СМИ и связи мне не составляло труда попасть на заседание Правительства или на прием к руководителям Администрации президента А.Б. Чубайсу, В.Б. Юмашеву.

В те времена высшие чиновники отличались демократичностью и умением слушать. Другой вопрос, какие выводы они делали после встреч. Но, свидетельствую, что А.Б. Чубайс терпеливо относился к свободе слова в СМИ. А о доброжелательном демократизме В. Юмашева и говорить нечего. Прежде мы с ним работали в одном коллективе, как тогда говорили: «на этаже», в «Комсомольской правде», под руководством главного редактора писателя В.Н. Ганичева, а затем оба принимали активное участие в судьбе Евгении Давиташвили (Джуны). Юмашев, к слову сказать, автор первой интересной, насы-

щенной фактами книги о Джуне. Это правдивая книга уже давно стала библиографической редкостью.

А.Б. Чубайс без восторга, но с интересом читал о себе критические статьи и заинтересованно рассматривал карикатуры художника В. Полухина, публиковавшиеся в «Юридической газете». Годы спустя он попросил меня подарить ему подборку карикатур.

Хотя я не замечаю какого-либо открытого давления на федеральные СМИ и в нынешние дни. Другой вопрос, региональная и районная печать, там все бывает, нередко, «кто девушку угощает, тот ее и танцует». В печати и на телевидении обоснованно меньше злобы, ибо все понимают, что смена социально-экономических отношений в стране надолго. Бороться с этим бесполезно, но думать, каким образом стране сделать рывок в развитии экономики, следует и власти, и всем оппозиционным партиям. Что до зачастую высосанной из пальца критики со стороны либералов-западников о жестком зажиме СМИ в России, так этого им бы хотелось. Писали и пишут в наших СМИ, о чем хотят (или то, что заказывают и что оплачивают).

В ранние советские годы бороться с инакомыслящими было проще. Посадили коммунисты предшественников нынешних либералов — западников на пароход и отправили, живыми-здоровыми, на постоянное местожительство за границу. Еще и пособие выдали, что вполне соответствовало их желанию. Заметьте,

отправили не на Колыму, не на Соловки, а в Западную Европу. Это был предупреждающий жест, который не все оценили.

Нынче так поступать нельзя, из-за прав либералов (хотя они на наши права чихать хотели) и из-за внутренней душевной щедрости нынешнего российского человека, в том числе президента России. Да, да! Я не оговорился. Захотят, пускай сами едут, куда угодно. Сейчас можно по всему свету колесить и выступать с лекциями о том, как плохо жить в России. А потом в эту же оболганную ими Россию возвращаться на ПМЖ.

Но хороших людей в России всегда было больше. Помню встречи с В.И. Матвиенко, до ее отъезда на губернаторство в Санкт-Петербург. Она была заместителем премьер-министра России. Без проволочек сотрудничала с депутатами Госдумы. Легкая на подъем, демократичная, прекрасный организатор. Мудрая, внимательная и красивая женщина. Ах, где мои семнадцать лет! Я бы встречал рассветы, глядя на ее окна. Если Валентина Ивановна давала обещание, то, как правило, выполняла его. «Юридическая газета» многим обязана ей. Могу повториться: с Валентиной Ивановной было легко и продуктивно работать.

На кремлевских приемах я сталкивался с демократами из числа руководящей элиты страны, со временем превратившихся в критиков со-

временной России. В свое время у них с властью была трогательная взаимная любовь, их назначали на большие посты, учитывали их пожелания и даже капризы. В начале девяностых годов многие из них, к примеру, Б. Немцов, В. Рыжков, М. Касьянов, И. Хакамада, Н. Сванидзе, занимали государственные должности и помогали рулить экономикой страны. Дорулили до тупика. Но умудрились изрядно подкрепить свое материальное благополучие.

М. Касьянову в обществе и в СМИ даже дали прозвище «Миша два процента». Сейчас он разъезжает по миру, вываливая гадости о России и обещая, что, после того как станет президентом России, отдаст Украине российский Крым. А почему не отдать еще Саратов или Архангельск?

На приемах в Кремле кого только не бывало. Однажды появилась моя бывшая коллега по редакции «Юридической газеты» Валерия Новодворская. В быту добрейший, заботливый человек, но стоило ей выйти в люди, происходило превращение — Валерия воевала с людьми и со странами, но чаще предпочитала оскорблять советскую власть и ее сторонников. Хотя иной раз и демократической власти от нее доставалось.

Приличных людей в России было всегда больше, чем оголтелых разрушителей или коррупционеров. В.М. Зубов, мой нынешний коллега, депутат Госдумы, ученый, безусловно, честный, независимый и благо-

родный человек. Он отслужил губернатором Красноярского края, но так и не разбогател. Только хорошие слова я могу найти в адрес своего коллеги по третьему созыву Госдумы В.И. Шпорта — губернатора Хабаровского края. До Госдумы он был одним из руководителей авиационного завода в Комсомольске-на-Амуре. Специалист высокого класса. Цену зарплате и премиям познал в среде рабочих. Доброжелательный и общительный, чего и остальным губернаторам желаю. Чванства с его стороны, даже если очень пожелаешь, не увидишь.

Таких, известных мне, положительных примеров немало. Говорить огульно, что все, побывавшие во власти в те или в нынешние времена, ворюги и коррупционеры — это жуткий оговор. Но в народе принято считать, что, если среди чиновников хотя бы десятая часть жуликов и вымогателей, то «под сурдинку» всех можно считать такими. Это несправедливо. Коррупция заразна, и виновато в этом все общество — от дворника до министров-капиталистов.

В третьем созыве в Думу пришли депутаты, которые сейчас занимают ответственные посты: шахтер, профсоюзный деятель из Новокузнецка С.И. Неверов — простой, приветливый, доступный человек. Но когда дело доходило до принципиальных проблем, он становился дотошливым и неуступчивым. Ска-

зывалось славное начало горного инженера и профсоюзного деятеля. Он и сейчас умудряется оставаться работающим, общительным депутатом. Как федерального партийного босса я его не знаю, а вот в Новокузнецке слышал о Неверове много хорошего. На мой взгляд, это патриот и порядочный человек из народа. Кто-то поинтересуется, почему я предлагал его избрать губернатором Санкт-Петербурга. Потому что в Кемеровской области губернатором до сих пор трудится уважаемый мною опытный руководитель А. Тулеев, которого я знаю с конца восьмидесятых. О его судьбе роман бы написать. А в Санкт-Петербурге такой организованный человек как С.И. Неверов был бы к месту. Как, к примеру, С.С. Собянин в Москве — свежая струя воздуха, единение глубинки со столицами.

На федеральной арене в третьем созыве появился депутат Госдумы В.В. Володин. За него говорила его биография — доктор юридических наук, профессор университета, юрист — теоретик и практик. Это сразу настроило меня на доброжелательное отношение. Толковых юристов в Думе всегда не хватало. Будучи главным редактором «Юридической газеты», я слышал от юристов (в частности, от А.А. Требкова, руководителя Международного союза юристов, и от А.В. Гусева, ныне директора Судебного департамента) хорошие отзывы о В.В. Володине. Приличный человек. Опытный юрист. За словом в карман не лезет. Стра-

тег. Избиратели не ошиблись: дока по части законотворчества, умелый организатор, прекрасный оратор, он уже в третьем созыве заставил говорить о себе хорошо даже представителей оппозиции. Отпахал депутатом не один созыв, был автором многих востребованных обществом законов. И, на мой взгляд, заслуженно взлетел в Администрацию президента РФ.

У меня нет просьб к В.В. Володину, на прием к нему я не собираюсь. Просто отдаю дань приличному человеку на государственной должности и утверждаю, что не все так плохо на нашем правящем этаже, если там есть такие личности, как В.В. Володин.

Честных и справедливых людей в ветвях власти большинство, но к благоденствию страны ведут разные пути. Это отличает и партии. Знающих, толковых и патриотичных людей хватает не только в среде парламентской оппозиции, их множество и в правящей партии. А наши споры и частые задорные оценки чаще происходят от различной идеологической направленности партий. Забота у нас одна — благополучие России, но предлагаемые методы для достижения благополучия нередко разные.

Такие личности, как Б.В. Грызлов, Н.Д. Ковалев (с этим совестливым, но принципиальным человеком мне довелось работать в комиссии Госдумы по борьбе с коррупцией), В.В. Володин, С.И. Неверов, А.А. Кокошин, П.В. Крашенинников, В.А. Васильев, В.Н. Плигин,

М.И. Лапшин, Ю.А. Липатов, В.С. Мокрый, мне кажется, в девяностые годы составляли «золотой фонд» правящей элиты. И не говорить об этом, значит, передергивать факты.

В среде оппозиции, вялой интеллигенции и обывателей считается хорошим тоном ругать правящие партии. Так было по отношению к КПСС, которую до сих пор огульно обвиняют во всех грехах, даже в ущерб истории России и ее международному значению. Сейчас в СМИ у журналистов пользуется успехом игра: «расскажи гадость о коммунистах». Хотя вся страна до сих пор живет за счет наследства, оставленного КПСС и советской властью. Любите историю своей страны, друзья!

Ныне всех собак вешают на «Единую Россию». И по делу, и для того, чтобы языки почесать. Тому есть реальные причины, но есть застарелое лукавство — ругать легче, чем заниматься делом самим. Не мне давать советы партии, к которой я не имею отношения, но, вероятно, «Единую Россию» нужно очищать от приспособленцев. Предполагаю, что правящей партии пора отработать результативное взаимодействие с думскими партиями. Сейчас она подавляет их на заседаниях Думы не столько аргументами, не стремлением отобрать среди законопроектов наиболее интересные, прогрессивные, а чаще своей депутатской массой, количеством кнопок для голосования. И не всегда понятно, из чего при

этом исходит руководство фракции. Это бросается в глаза. Наладить взаимопонимание между фракциями в Госдуме неимоверно трудно. Это должна быть ювелирная работа. Правящей партии нужно учитывать в первую очередь интересы страны, затем свои партийные интересы. Далее найти компромиссы во взаимоотношениях с другими партиями, не сбиваясь со своего курса.

Представьте, что завтра на смену «Единой России» придет «Справедливая Россия», КПРФ или ЛДПР. Намного ли их поведение будет отличаться от поведения нынешней правящей партии? Не будет ли все жестче? Ответа я не знаю... К слову, большая часть специалистов-чиновников останется на местах. И так же, как ныне, вам будут хамить в конторах ЖКХ и обманывать в банках при получении кредитов. И маловероятно, что упадут цены на новостройки. И выправить экономику страны за год-два, по щучьему велению, ни одна партия не сможет. И в новой правящей партии найдутся депутаты, которые будут лоббировать плохие законы или заниматься коррупцией. Это общие беды.

На все необходимо время. Только считать бы это время не четвертями века, а хотя бы пятилетками. Чтобы одно поколение могло лицезреть изменения к лучшему. Благие изменения в обществе должны происходить быстрее.

Непонятно, почему не принимаются социально важные законопроекты, предлагаемые депутатами

«Справедливой России», КПРФ, ЛДПР. На многие из них и расходы из казны невелики, а польза реальна. Повторяю, это важно учитывать, что во всех думских партиях большинство их членов составляют патриоты, и разночтения зачастую сводятся к разным путям развития экономики, к социальным проблемам, к практике сотрудничества с правительством. И к не оправдавшему себя опыту приватизации в нашей стране.

Мне до сих пор непонятно, как можно было согласиться с планом А.Б. Чубайса разбить единую энергетическую систему страны и раздать ее обломки сотне с лишним частных компаний. Новая структура способствует повышению цен на электроэнергию, а значит, тормозит развитие экономики страны. Вам известно, читатель, что электроэнергия, продаваемая за рубеж, нередко дешевле, чем та, которую продают на внутреннем рынке?! На мой взгляд, пришла пора начинать скупать местные компании электрических сетей по продуманным, справедливым ценам в пользу государства. В противном случае мы усугубим дальнейшие сложности восстановления экономики страны.

Так как же выправить экономическую ситуацию в России? Не смотреть с завистью на Германию или Китай, а, наоборот, стать образцом экономического возрождения? Не смею утверждать, что в России ничего не делается. Нет, прогресс за-

метен, особенно в оборонке. Но чаще он замедленный и бессистемный. А свободный рынок в стране не готов быть должным регулятором. Пока не готов. Дальше будет видно.

Нужен коллектив энтузиастов-экономистов для разработки концепции программы многолетнего развития страны. Соберите «вкусную солянку»: несколько нынешних скептиков из института Гайдара (и там есть перспективно мыслящие патриоты). Кого-то из старорежимных советских экономистов, среди них всегда было много светлых голов, знающих, что такое хорошо, а что такое плохо в социализме и познавших азы свободного рынка. Кого-то из экономистов-практиков, а также депутатов с перспективным мышлением и опытных производителей.

Америку открывать не придется. У нас в стране все было. Только в Советском Союзе могли построить завод за два-три месяца и сразу производить военную (и гражданскую) продукцию. Такого опыта у нас много. Строили новые города. Создавали в государстве республики-государства, которых никогда в истории не существовало. Перекрывали громадные заливы. Наметьте отрасли, которые должны развиваться приоритетно — средств на все сразу не хватит.

Учтите детали — вставьте в экономическую программу строительство заводов по переработке нефти, хватит продавать сырье по дешевке. Это дополнительные золо-

тые рубли. Запретите продавать за рубеж цельный лес — только переработанную древесину, а это новые предприятия, новые доходы, новые рабочие места. Не позволяйте «дерипаскам» загрязнять Байкал. Дополнительно очистив воду из источников озера, ее надо продавать за границу как питьевую. Только в двух странах в мире, в том числе в России, нет дефицита питьевой воды. Прибыль от такого бизнеса будет выше, чем у фирм Кока-кола и Пепси вместе взятых. Скоро питьевая вода по цене будет превосходить стоимость нефти.

Нельзя администрировать с наукой. Дайте ученым гранты под фундаментальные работы, под перспективу и под практические научные разработки, с последующим использованием в промышленности. Гранты — и спрос за результат. Сегодня наука в России — падчерица, но завтра она может вытащить перспективные отрасли. Это ключ в прекрасное будущее.

Кадры! Врут, когда говорят, что великие стройки СССР создавались только зеками. Да. Были заключенные, но для них работа была стимулом для освобождения. Существовали военно-строительные части; комсомольцы-добровольцы; вербованные рабочие из глубинки России.

Сейчас многие специалисты, рабочие спиваются без работы в селах и небольших городах, а могли бы строить Россию. В тысячах магазинов «Пятерочек», «Перекрестков» основная сила — мигранты из Средней

Азии, а россияне еле концы с концами сводят. Попутно начните спрос с руководства торговых фирм. Но большая часть их руководителей сидит за границей и дает указания оттуда. Это ползучая торговая оккупация России.

Я не призываю отказываться от того хорошего, что наработано за границей, от квалифицированных иностранных специалистов. Но нужен разумный баланс, чтобы россияне не играли только вторые роли.

А почему отказались от государственной системы вербовки рабочих для нужд хозяйства, вы не задумывались? От недомыслия или осознанно?

Вовсе не уэльсовский романтик Владимир Путин реально строит космодром, коллаидер в Дубне, возрождает прекрасные города — Владивосток, Санкт-Петербург, Казань, Грозный, Сочи, находит возможность омоложения старинных городов. Но не все же взваливать на плечи президента. Пятилетние планы развития России заставят чиновников быть более ответственными, дадут возможности для бизнеса.

Требуется усиление дисциплины, обязательности. Уточнение административного и уголовного кодекса. От ручного управления страной к опыту забытых советских экономистов и лучших образцов зарубежного опыта Форда, Карнеги, Леонтьева.

Важно помнить, что В.В. Путин не любит чехарды с кадрами, относится к ним терпеливо. Не имея кадро-

вого резерва, нет смысла торопливо менять ведущие фигуры. Правительство должно работать! Этого требует от него партия «Справедливая Россия» и миллионы граждан, которые подписывают соответствующие письма. Следует создать перспективные планы на несколько пятилеток и следить за их неукоснительным выполнением. Определить приоритетные отрасли. Сделать два шага назад, чтобы идти путем перспективы и оздоровления экономики.

Д.А. Медведев давно прошел «курс молодого бойца», отслужил сверхурочно и понял плюсы и минусы своей заколдованной должности. Его задача — найти гениев, практиков, специалистов (из думских партий), поставить цель, «показать морковку» и сотворить план перехода от однобокой вялой практики к цивилизованному плану перспективного развития России. А попутно заглянуть в материалы X съезда РСДРП (б) и проанализировать ошибки девяностых годов, там есть чему поучиться.

Достигнет успехов — Д.А. Медведеву Нобелевскую премию. В.В. Путина спасем от рутины и дадим ему возможность вести государство к процветанию. Думским партиям — слава! За то, что они нашли общий язык во имя процветания России. То есть, каждой сестре по серьгам.

Только хватит ли у руководства страны желания работать на пределе сил, сделать два шага назад, подготовить экономический рывок.

В начале девяностых годов я дважды избирался в Политсовет «Фронта национального спасения» России. Работал в нем под руководством Г.А. Зюганова. В нем видел не только народного лидера, но и мужественную, яркую личность. Он не щадил себя в трудные для Отечества дни. Возглавив соратников, Г.А. Зюганов сохранил и укрепил КПРФ, превратив ее в одну из первых скрипок политического оркестра страны. Г.А. Зюганов — это политический лидер, реально влияющий на судьбу страны.

В Государственную Думу народ до сих пор избирает членов КПРФ: редко улыбающегося Н.М. Харитонова, таким он кажется себе более важным, деятельного С.Н. Решульского, В.С. Романова — сдержанного секретаря обкома, он обычно молчит, но если скажет, слово — золото, не стареющего мыслями пропагандиста и агитатора, газетчика В.В. Чикина, не терпящую фальши Т.В. Плетневу — я знаю ее с первого созыва Думы, оптимиста и хорошего друга В.П. Пешкова, методичного И.И. Мельникова, всегда готового к полемике Н.В. Коломейцева, активного депутата и надежного товарища И.И. Никитчука.

Приглядитесь к работе депутата Государственной Думы многих созывов О.Н. Смолина. Это славный общительный человек, со здоровым началом. Он незрячий, поэтому держит в памяти весь положительный и отрицательный опыт об-

разовательной системы России. О.Н. Смолин — человек с необычайной внутренней стойкостью и высокой культурой.

Книгу стихов, в том числе и о рабочих буднях Государственной Думы, я подготовил, будучи депутатом первых трех созывов Думы. Было время для того, чтобы заметить недостатки и достоинства депутатов. Недобросовестные лица врут, утверждая, что в Думе нет порядочных, знающих депутатов. Чушь. Подавляющая часть депутатов всех фракций — это честные, благородные и квалифицированные законодатели. Со всеми приличествующими людям недостатками. Даже в СМИ заметно меньше шуток о «тупых» депутатах.

О Ельцине я написал уже после его ухода из жизни. А. Яковлев, которому я прочитал четверостишия о нем, тут же отказал мне в обещанном интервью для «Юридической газеты» и при встрече перестал здороваться. Знать, задело.

Я показал стихи о Б. Березовском его соратнику Бадри Шалвовичу Патаркацишвили, с которым у меня были доброжелательные отношения. Прочитав, он порекомендовал порвать стихи и никому их не показывать. То же самое посоветовал Иван Петрович Рыбкин. Но я послушался и передал стихи Б. Березовскому. Лучше бы я этого не делал. При встрече в Администрации

президента он с улыбкой посоветовал мне не увлекаться поэзией, так как она плохо сказывается на личном благополучии. Действительно, критические стихи о нем оказались дорогим удовольствием. После его отъезда за границу я дописал два четырехстишия.

Могу отметить великодушие и доброжелательность спикера первого созыва Государственной Думы И.П. Рыбкина, который работал в тяжелейших условиях политической неопределенности и нестабильности первого созыва. В том, что Б.Н. Ельцин не разогнал первый состав Думы, заслуга И.П. Рыбкина. Это правильный человек. Жаль, что он отошел от политической работы. Взаимоотношения с Б. Березовским в какой-то мере упали на него тенью. Но ведь не И.П. Рыбкин назначил себе в Совет безопасности заместителем Б. Березовского. Кто и для чего назначал этого авантюриста — интересный вопрос. Читайте книги И.П. Рыбкина, там много ответов на заковыристые вопросы.

Рано или поздно Д.А. Медведев покинет свой пост. А кто ему на смену? Такого человека еще только предстоит найти. Ау! Столыпины, вы где? Надо В.В. Володина просить, он ведь из Саратова, где губернаторствовал Столыпин, пускай там самородка поищет. Или сам сгодится? Вот уж кто погоняет правительство, не даст ему дремать!

На моих глазах покати́лась к закату карьера Григория Явлинского.

Бывший вице-премьер, удачливый оппозиционер некогда подавал большие надежды. Но судьба оказалась немилостива к незаурядному человеку. Сказалась рыхлость политической позиции — он так и не определился окончательно, кто он — демократ, либерал, социалист. Нередко в нем боролся классический «западник» с человеком, который получил образование и воспитание в советскую эпоху. Явлинский — это мятущийся в сомнениях интеллигент, экономист, бывший на подступах к пониманию основ экономики переходного периода, ученый и практик, пытавшийся найти выход для России в смутный период. А тут еще какие-то твари над сыном произдевались, ломая руки, едва не сделав юношу инвалидом. Г. Явлинский — готовый прообраз для романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака. И для чеховских героев подошел бы. Этот незаурядный человек все больше времени проводит под серым небом Англии, о возвращении Явлинского в большую политику России говорить не приходится, его яркие годы безвозвратно ушли.

Аналитикам и историкам Дума разных созывов даст превосходный материал. Одни депутаты — старожилы Думы — стали серьезными государственными деятелями, а другие — из козлят превратились в библейских козлищ, позабывших все заповеди Божьи. □

Наталья Бородкина

ИЕРУСАЛИМ

А, в общем, я нигде и не была...
Все как-то мимо, мимо,
 мимо, мимо.

Расправить бы два белые крыла
И полететь к стенам Иерусалима.

Бродить по древним улочкам
 кривым,
И чувствовать пронзительно,
 всей кожей,
Каким Он был — не сказочным —
 живым,
И потому еще, еще дороже.

Вбирать ступней тяжелый
 жар камней,
Что помнят ног Его прикосновенье,
И чувствовать чем дальше,
 тем сильней
Безжалостной Голгофы
 приближенье.

За шагом шаг и — сердце
 на разрыв,
И мечется душа в безмолвном
 крике,
Как будто слышу горестный
 призыв,

Как будто вижу свет в печальном
 лике.

Стенания и выкрики толпы
Забуть мечтают каменные стены,
Но нет спасенья, глухи и слепы
Невольные свидетели измены.

Его священной кровью прожжена
Земля насквозь у страшного
 распяты,
И в море слез нет берега и дна,
И в месиве толпы — враги
 и братья.

Провалы искаженных злобой ртов
В чудовищной, безликой
 круговерти,
И смешан с диким запахом цветов
Безумный, тошнотворный запах
 смерти.

Наполнен воздух гибельным
 метаньем
Слепой толпы, ревущей, словно
 зверь,
Известным лишь Ему
 предначертаньем

Свершился день — он в Вечности
теперь.

Я рухну, разбивая в кровь колени,
О, как же эта истина проста!
Мы — люди, совершая
преступленья,
Вновь распинаем нашего Христа!

И наши торопливые молитвы,
И весь красивый наш
самообман —
Ничто на бесконечном поле битвы
Добра со злом — иллюзия, туман.

А нам пора бы крикнуть
что есть мочи,
Неистово и страшно голосить,
Пока душа еще спасенья хочет:
«Спаси нас, Боже! Господи,
спаси!
Спаси от бедствий, нами
сотворенных,
От мести мертвых, подлости
живых,
От дней без цели и без смысла
проведенных,
А, главное, спаси... от нас самих...»

ТАМ, ГДЕ ЛЕГКО И СВЕТЛО

Растворится ночь в синеве ясноглазого утра,
И у теней ночных нет ни шанса — их время ушло.
Этой ночью во сне я была удивительно мудрой,
И летала душа в тех мирах, где легко и светло.
Где Вселенная спит на руках милосердного Бога,
Где у каждой души есть свой вечный единственный дом,
И куда мы уйдем отдохнуть перед новой дорогой,
И куда мы вернемся...обратно...когда-то...потом...

БЕЖИМ... БЕЖИМ...

Бежим, бежим по замкнутому кругу,
Как будто приговорены друг к другу.
Благословенны, прокляты ли узы,
Хранящие невечные союзы?

Вольны ли мы собой распорядиться,
Иль истинным покоем насладиться —
Удел лишь избранных, и мы — не в их числе
На этой грешной и святой земле?

Готовы ль рассказать, что в сердце носим?
О чем в тиши ночей мы Бога просим?
Способны ль плакать в детской простоте?
О нет, о нет, ведь мы уже не те...

Нам завещал Всевышний быть, как дети,
Но мы забыли заповеди эти.
Мы быстро повзрослели, вот беда,
И нам детьми не стать уж никогда.

ВЕЧНЫЙ СПОР

Украдкой, еле слышно, чуть дыша,
На ушко шепчет мне моя душа,
Что я должна быть очень осторожна,
Что в этом страшном мире жить так сложно...
Мой разум мне другое говорит:
«Не слушай, что душа тебе твердит.
Она стара и слишком много знает.
То плачет, то без умолку болтает.
Нам старый опыт тот не пригодится.
Должны с тобой мы к новому стремиться!»
И только к болтовне их вечной глух
Проснувшийся во мне вселенский Дух.
Горя огнем негаснущей свечи,
Он знает все, поэтому...молчит.

МНЕ ПРИСНИЛИСЬ СТИХИ

Мне приснились стихи — чуть с наклоном
прилежные строчки.
Их писала чужая, в манжете из кружев рука.
Перстень с камнем лиловым, мизинец изогнут
слегка,
И прозрачная ткань удивительно белой сорочки.

Кто же это писал? Суждено ли узнать мне ответ?
Как сухая пустыня, впитала я каждое слово,
Повторяя, как мантру, стихи эти снова и снова,
А проснись, как понять — они будут мои или нет?

НАС НЕТ С ТОБОЙ НИГДЕ

Так тихо потому, что улетели птицы.
Так грустно потому, что не сбылись мечты.
Чуть теплится любовь, и по ночам не спится.
И самым дорогим мне стал, увы, не ты.

И в дымном сентябре, где жгут сухие травы,
И в сумрачном саду забытая скамья,
Нет смысла вспоминать, как были мы неправы,
Ведь в этом сентябре с тобой, увы, не я.

И там, где запах волн пронзительный и едкий
Слит с запахами роз и зреющей айвы,
Где тучные плоды к земле склоняют ветки,
И там не мы с тобой. Не мы с тобой, увы.

И где заросший пруд свои кувшинки прячет,
Скрывая омуты в таинственной воде,
И ива, наклонясь, уже привычно плачет,
И там — не мы с тобой. Нас нет с тобой. Нигде...

НЕ ХОРОНИ ПАМЯТЬ

Не хорони память под бременем
Жухлой листвы, дождя морозящего.
Не добивай убитую временем
Нашу любовь, пощады просящую.

Не говори фразами стылыми.
Льдинки из слов в бусы не связывай.

Днями пустыми, ночами унылыми
Богом прошу, меня не наказывай.

Не исполняй свои обещания.
Знаю, цена им — медный пятак.
И не целуй меня на прощание.
Чем без любви, уж лучше никак...

РАССВЕТ

Просыпайся скорее! Встает лучезарный рассвет!
Ты пропустишь его, а другого такого не будет.
В мире все уникально, ни в чем повторения нет.
Только спят и не видят рассвета уставшие люди.

Просыпайся скорее! И в честь восходящего дня
Раствори свое сердце в потоке звенящего света.
В лепестках тишины искупай на рассвете меня,
Чтобы я поняла, как ты благодарен за это.

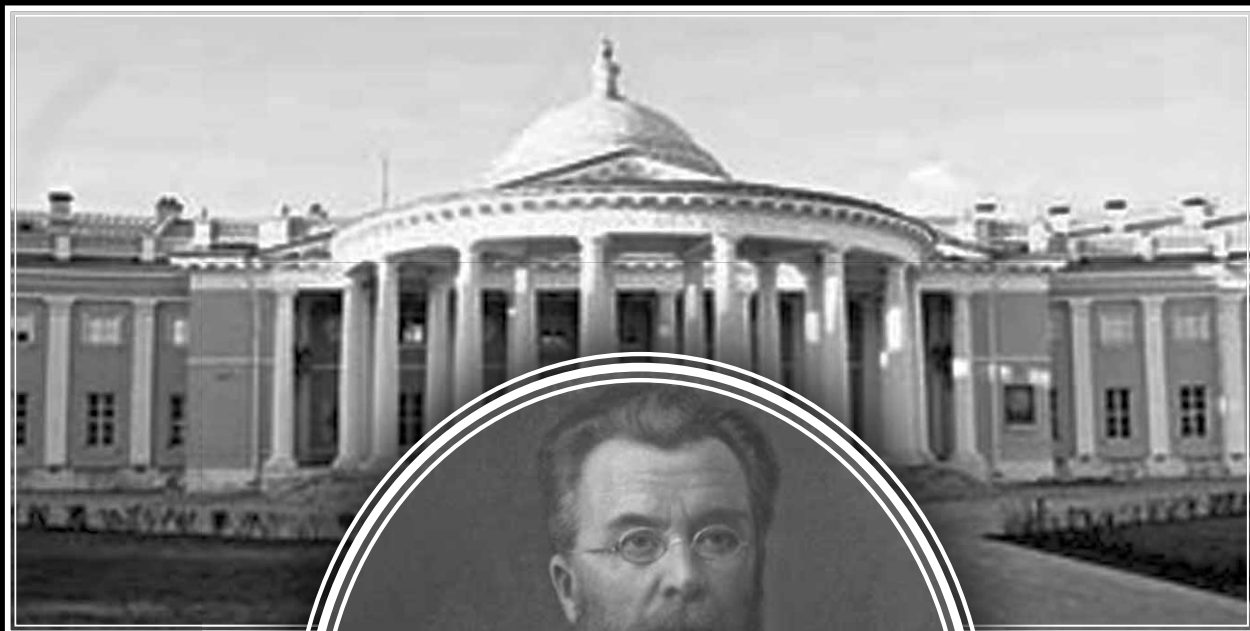
Чтоб увидела я, как наполнились светом глаза,
Как застыли в безмолвном восторге деревья
и птицы.
Чтоб почудилось мне, как скупая мужская слеза
Не от горя, от счастья украдкой скользнула
с ресницы.

УТРО

Светлый день едва затеплил в небесах
свою лампаду,
Замер мир от предвкушенья новизны
и красоты,
Разлилась под тихой высью несказанная
отрада,
И глаза свои раскрыли удивленные цветы.

Шелест трав в алмазных росах заглушило
птичье пенье,
И вздохнула полной грудью благодарная
Земля,
И застыло Мирозданье на короткое
мгновенье,
Начиная Время Жизни с первозданного
нуля. □

Светлана
Бестужева-Лада

**СВЕТА ДРУГИМ,
СГОРАЮ САМ**

«Склиф», у «Склифа», про «Склиф» — эти расхожие фразы частенько встречаются в разговорах о болезнях или операциях. И никто уже не задумывается, почему один из крупнейших медицинских центров Москвы так называется.

А потому, что в 1923 году советское правительство за заслуги перед Отечеством присвоило имя Склифосовского Московскому институту скорой помощи, основанному на базе одной из старейших столичных больниц — Шереметевской. В ее стенах оказывалась помощь раненым во время Отечественной войны 1812 года, русско-турецкой войны, Севастопольской кампании, русско-японской войны и в дни восстания рабочих в декабре 1905-го.

Институт считается преемником развития постулатов Склифосовского в сфере военно-полевой хирургии и в подготовке хирургов широкого профиля. Он настолько известен и популярен среди россиян, что длинную фамилию Склифосовского сократили до домашнего ласкового — «Склиф».

Так кто же был тот человек, имя которого стало фактически нарицательным? Николай Васильевич Склифосовский появился на свет 6 апреля 1836 года в семье обнищавшего дворянина. Жили Склифосовские на хуторе, расположенном в Херсонской губернии, неподалеку от города Дубоссары. Николай был у родителей девятым ребенком, а всего в семье насчитывалось двенадцать детей.

Фамилия деда по отцовской линии Склифосовского — Склифос (Sclifos). Фамилию видоизменил отец, приняв елеопомазание в русской православной церкви в Дубоссарах, где был крещен и будущий известный врач. Василий Павлович служил

в Дубоссарской карантинной конторе рядовым письмоводителем. Получал он мало, зарабатываемых денег Склифосовским едва хватало на пропитание. А время было трудное. В 1830 году внезапно началась эпидемия тифа, а за ней последовала вспышка холеры. Согласно сохранившейся статистике тех лет, из 200 рождающихся детей, около сотни умирало, не дожив и до одного года.

Несмотря на загруженность по службе, отец Николая успевал уделять достаточно внимания своим детям. В частности, Василий Павлович сам выучил их грамоте и приобщил к чтению, однако надежд дать ребятишкам какое-нибудь стоящее

образование у него не было: с каждым годом материальное положение семейства Склифосовских все ухудшалось.

В конце концов, на семейном совете было принято решение отправить младших ребятишек в приют. Так юный Коля оказался в Одесском сиротском доме. С малых лет ему довелось изведать горькие чувства одиночества и бездомности, спасение от которых очень скоро он начал находить в учебе. Особенно заинтересовали его естественные на-

уки, иностранные и древние языки, история и литература.

Учение стало для мальчика не только отдушиной, но и целью — победить неласковую судьбу, преодолеть трудные житейские обстоятельства и свое незавидное положение.

Каким-то чудом ему, блестяще сдавшему вступительные экзамены, удалось поступить в Одесскую гимназию на казенный счет. Гимназию Николай окончил в числе лучших учеников. Серебряная медаль и отличный аттестат давали ему опреде-

ленные льготы при поступлении в университет. Стоит добавить, что к тому времени юноша, выросший на рассказах отца о работе в годы холерной эпидемии, уже точно знал, чем хочет заниматься в будущем — лечить людей.

Совет университета принял постановление «О помещении воспитанника Одесского приказа общественного призрения Николая Склифосовского на казенное содержание» после того, как все экзамены юный абитуриент выдержал на «отлично», кроме физики и зоологии, которые сдал на «хорошо».

Руководство университета было в восторге от трудолюбия нового студента, и уже вскоре после начала обучения появился приказ о переводе воспитанника Одесского приказа Склифосовского Николая на казенное содержание.

В то время в университете работали истинные энтузиасты своего дела, среди которых выделялись: Федор Иноземцев, применивший одним из первых эфирный наркоз, и выдающийся физиолог Василий Басов, преподававший курс теоретической хирургии. Именно эти два светоча медицинской науки оказали решающее влияние на выбор Николаем Васильевичем врачебного профиля, а также на его увлеченность топографической анатомией и хирургией.

Кроме этого, молодой студент самостоятельно изучал труды основоположника отечественной воен-

но-полевой хирургии Николая Пирогова. Впоследствии, касаясь заслуг Николая Ивановича, Склифосовский скажет:

«Начала, внесенные Пироговым в науку, останутся вечным вкладом и не сотрутся с ее скрижалей, пока не замрет последний звук красочной русской речи...»

Склифосовский стал учеником выдающегося хирурга Ф.И. Иноземцева, вечного соперника Николая Ивановича Пирогова. Но в материальном плане он по-прежнему находился в тяжелой и унижительной зависимости от одесской системы благотворительности. Все студенческие годы пришлось жить на мизерную стипендию, которую, к тому же, частенько задерживали.

Даже когда Николай Васильевич с блеском окончил в 1859 году медицинский факультет университета и один из немногих получил право держать экзамен на степень доктора медицины, он не получил последнюю полагающуюся ему стипендию. Пришлось обращаться с особым прошением к руководству университета.

В 1859 году двадцатитрехлетний юноша устроился в хирургическое отделение одной из городских больниц Одессы в качестве обычного ординатора. Тем не менее, эта скромная должность позволила Склифосовскому обрести давно желаемую им материальную независимость и профессиональную самостоятельность.

В городской больнице Николай Васильевич проработал десять лет, в течение которых набирался опыта. В эти годы он подробно изучал анатомию, много времени уделял вскрытию трупов. Отсутствие вентиляции и плохое оборудование секционной его не смущало. За изучением строения человеческого организма Склифосовский засиживался до полного изнеможения, однажды его даже обнаружили лежащим около трупа в глубоком обмороке.

Именно в эти десять лет Николай Васильевич набрался основательно-го опыта для своей будущей деятельности. Ради того, чтобы иметь возможность ежедневно делать операции и работать в патологоанатомическом отделении, он даже отказался от предложенного ему места главного врача больницы. Регалии для него не имели никакого значения, важна была только хирургия. Как таковая.

В 1863 году, когда ему исполнилось двадцать семь лет, он успешно защитил в Харьковском университете докторскую диссертацию, после этого — по традиции — был на два года командирован за границу для «усовершенствования». За пару лет Склифосовский успел побывать в Германии и Франции — поработать в Патологоанатомическом институте Рудольфа Вирхова, в клинике выдающегося хирурга Бернгардта фон Лангенбека, у хирурга Августа Нелатона, а также съездить в Англию и Шотландию — ознако-

миться с местными медицинскими школами и поработать в Эдинбургском университете. В дальнейшем он всегда внимательно следил за развитием европейской науки и поддерживал связь с крупнейшими зарубежными клиниками, нередко посещая их и принимая участие в международных съездах.

В Германии, Франции и Англии Склифосовский увидел все, что могла показать молодому хирургу мировая медицинская наука. Как раз в те годы были открыты бактерии раневой инфекции, вошел в практику «противогнилостный» метод Листера (антисептика), общий наркоз эфиром и хлороформом, принципиально изменился сам подход к хирургии.

До применения наркоза все, даже самые сложные операции, длились не дольше двух-трех минут, чтобы избежать смертельных последствий болевого шока. Среди хирургов выработались настоящие виртуозы, способные любую операцию провести буквально за считанные секунды.

К сожалению, отсутствие стерильности при операциях часто приводило к печальным итогам. Склифосовскому принадлежит заслуга внедрения в русскую хирургическую практику антисептики, то есть активного обеззараживания с помощью химических средств.

Впрочем, антисептический метод просуществовал недолго. Лет через пятнадцать он уступил место более прогрессивному — асептическому,

«безгнилостному». Стало понятно, что ранее применяемые для очистки ран антисептические растворы — карболовая кислота и сулема — воздействовали не только на бактерии, но и непосредственно на живые ткани организма. Гораздо эффективнее можно было решать эти проблемы установкой неких искусственных преград на путях проникновения бактерий в рану. Например, кипячение или воздействие пара под повышенным давлением практически уничтожало не только

Крупные специалисты России и Европы не только не желали признавать ее эффективность, но даже потешались над данным методом борьбы с микробами. Чтобы внедрить антисептический метод в России, нужен был крайне сильный авторитет как среди ученых и профессоров Европы, так и среди русских врачей и широкой публики. Именно Склифосовскому принадлежит огромная заслуга внедрения в практику отечественных врачей-хирургов принципов антисептики, а позже и асептики.

В одесском университете в то время работали истинные энтузиасты своего дела, среди которых выделялись Федор Иноземцев, одним из первых применивший эфирный наркоз, и физиолог Василий Басов. Именно они оказали решающее влияние на выбор Склифосовским врачебного профиля, а также на его увлеченность топографической анатомией и хирургией

микробы, но и все виды их спор. В результате, воздействию высокой температуры стало подвергаться все, что употреблялось при ведении операций: повязки, халаты, перчатки, инструменты, даже для обработки рук был разработан специальный антисептический способ.

Однако, как это часто случается, передовые открытия не всегда легко входили в повседневную жизнь. Так произошло и с антисептикой.

После окончания стажировки Николай Васильевич решил как можно ближе ознакомиться с военно-полевой хирургией. Испросив разрешения у русского правительства, он отправился на франко-прусскую войну и активно работал в лазаретах, на перевязочных пунктах, даже принял участие в самом крупном сражении той кампании — битве при Садове (3 июля 1866), за что был удостоен Железного креста.

А вот в личной жизни молодого врача, к сожалению, не все было безоблачно.

О первом браке Николая Васильевича известно очень мало. Жена Елизавета Григорьевна, которую он очень любил, умерла от тифа в двадцать четыре года, оставив троих малышей — Ольгу, Николая и Константина. Всю жизнь бросающий вызов смерти и практически всегда выигрывающий эту схватку, Склифосовский оказался совершенно бессилён перед личной трагедией. В те дни ему казалось, что все кончено. Он — врач, подающий надежды, не смог спасти собственную жену. Зачем ему в таком случае продолжать учиться, зачем необходимо сутками торчать в операционной? Однако постепенно чувство бессилия и вины стало отступать. А вскоре в его жизни появилась новая любовь.

Софья Александровна работала в их доме гувернанткой и умела отлично ладить с детьми — стоило ей только зайти к ним в комнату, и она тут же наполнялась смехом, радостными криками и шумной возней. Со временем молодой гувернантке удалось стать другом не только детям знаменитого доктора, но и ему самому. Дружба переросла в любовь, и через какое-то время они поженились.

Их брак оказался на удивление счастливым и прочным. У них родилось четверо малышей — Александр, Борис, Владимир и Тамара.

Все дети отлично ладили между собой. Софья Александровна же умело управлялась с хозяйством, понимала супруга с полуслова и никогда не проводила черты между детьми Елизаветы Григорьевны и своими.

По окончании войны молодой врач вернулся в родное хирургическое отделение Одесской больницы, однако имя его уже стало известно в медицинском мире, и в этом же году, благодаря рекомендации знаменитого Пирогова, Николай Васильевич был приглашен на место главы кафедры хирургии Киевского университета. Он с радостью принял почетную должность, но оставался на ней недолго, так как, будучи истинным сторонником методов Пирогова, в первую очередь для хирурга ставил важность и значение практического образования, в частности опыт военно-полевой хирургии.

Разрабатывая новые подходы к ведению хирургических операций, Склифосовский не забывал об анатомии и регулярно посещал анатомический театр, *«... чтобы проштудировать анатомически какую-нибудь область или определить более верный и целесообразный путь в глубину тела»*.

Очень строго Николай Васильевич относился к операциям, производимым на дому. Видные сановники XIX века, богатые купцы и промышленники, вообще состоятельные люди при острых заболеваниях, требующих хирургического вмешательства, как правило, приглашали

хирургов на дом, категорически отказываясь от лечения в плохо устроенных городских больницах. Обработка комнат, в которых должна была производиться операция, велась чрезвычайно тщательно и по особой методике.

Благодаря возросшему научному авторитету и достигнутым успехам в хирургии в начале 1870 года Н.В. Склифосовский, по рекомендации Н.И. Пирогова, был приглашен занять кафедру хирургии в Киевском университете. Когда в Одессе об этом стало известно, городская дума на экстренном заседании вынесла постановление:

«За заслуги Н.В. Склифосовского и приносимую им пользу городу

и больнице предложить ему профессорское жалованье с целью удержать его в Одессе».

Этот эпизод служит доказательством признания заслуг молодого ученого, сумевшего завоевать большой авторитет среди городского населения. Склифосовский, однако, в Одессе не остался, так как его не удовлетворяла одна лишь практическая медицина: Николая Васильевича влекло к педагогической деятельности, особенно интересовали его вопросы военно-полевой хирургии.

Спустя год ему пришло еще одно приглашение, на этот раз из петербургской Медико-хирургической академии. Он перешел туда и преподавал сначала хирургическую патологию,

*Супруга
Николая
Васильевича —
Софья
Александровна*

заведую одновременно хирургическим отделением военного госпиталя, а с 1878 возглавил хирургическую клинику баронета Якова Виллие.

«...В академии, — писал профессор В.В. Кованов, — преподавательский талант Н.В. Склифосовского развернулся в полном блеске, и он скоро сделался одним из популярнейших профессоров». Но этого он достиг не сразу. Получить призна-

ние среди профессоров академии и расположить в свою пользу студентов было не так легко. Особенно трудно было вначале молодому профессору, не имевшему достаточно педагогического опыта, вступившему в состав преподавателей академии помимо желания многих ее членов.

Сторонники старых традиций, вопреки здравому смыслу, идя напе-

рекорд новому, прогрессивному веянию в хирургии, открыто выступили против введения противогнилостного метода лечения ран, который, как мы знаем, успешно в числе первых начал применять Н.В. Склифосовский. Выступая против Н.В. Склифосовского, являвшегося инициатором нового метода в России, они доходили иногда до неприличных выпадов.

Так бывший в то время студентом, а позднее профессором А.С. Таубер в своих записках, изданных под псевдонимом А. Сталь, приводит случай, когда профессор Корженевский, хирург французской школы, заведовавший академической хирургической клиникой, на лекции студентам IV курса иронически говорил по поводу листеровского метода: *«Не смешно ли, что такой крупный человек, как Склифосовский, боится таких мелких творений, как бактерии, которых он не видит!»*

В 1876 году Николай Васильевич вновь отправился на войну, на этот раз в Черногорию, в качестве консультанта по хирургии при Красном Кресте.

Русско-турецкая война (1877–1878), разгоревшаяся вскоре после этого, также призвала его в действующую армию. На ней отважному врачу пришлось тяжелее всего. Он перевязывал раненых бойцов в ходе переправы через Дунай, трудился хирургом на Шипке и под Плевной.

Его супруга Софья Александровна, последовавшая за мужем, вспоминала:

«После множества операций кряду в жаркой и душной операционной, надышавшись йодоформом, эфиром, карболкой, Николай приходил ко мне с ужасной головной болью...»

Оказываемая хирургом помощь нередко проходила под вражескими пулями, крики и стоны раненых приглушались грохотом канонады, а Николай Васильевич рисковал жизнью не меньше солдат на передовой. Ради работы и спасения человеческих жизней он забывал про все, и по несколько суток мог находиться за операционным столом, оставаясь без сна и пищи. В частности, при контратаках войск Сулеймана-паши Склифосовский оперировал четыре дня подряд без отдыха и под неприятельским огнем!

Через его руки прошла не одна сотня пострадавших в боях солдат — согласно отчетам за тот период, в его госпиталях побывало свыше 10 тысяч русских воинов. Многие участники сражений остались живы только благодаря Николаю Васильевичу.

Поучаствовав в четырех войнах, Склифосовский приобрел громадный опыт лечения раненых и организации медицинского обеспечения. Тщательный анализ переломов и огнестрельных ран дал ему возможность предложить ряд важных лечебных и организационных мер, а введенная им дезинфекция операционного места и инструментов в разы уменьшила смертность.

Подобно Пирогову, наиглавнейшей задачей, требующей своевременного и квалифицированного решения, он считал сортировку раненых. В ходе сортировки Склифосовский предложил собственную систему разделения пациентов на четыре категории: нетранспортабельных, подлежащих гипсованию, требующих обычной перевязки, и легко раненых, быстро возвращающихся на фронт.

раненых бойцов в одном месте, поскольку это неизбежно приведет к вспышке инфекции и гибели огромного количества людей. Он ратовал за широкое использование палаток для устройства раненых, поступающих после сражений в лазареты в огромных количествах, и очень сокрушался, что это предложение Пирогова не нашло должного практического применения в нашей армии.

В о время русско-турецкой войны Склифосовский был призван в действующую армию. Через его руки прошла не одна сотня пострадавших в боях солдат. Многие участники сражений остались живы только благодаря Николаю Васильевичу

В категорию нетранспортабельных, оставляемых в госпитале, доктор относил раненых со сложными огнестрельными ранениями крупных суставов и с проникающими ранениями живота и груди. Кроме того, считая их транспортировку на крестьянских телегах по грунтовым дорогам крайне вредной, врач установил сроки эвакуации больных разных категорий.

Принципы организации помощи раненым, заложенные Пироговым и Склифосовским, были востребованы в годы Великой Отечественной войны и осуществлялись на практике сотрудниками института.

Николай Васильевич считал недопустимым сосредотачивать ра-

Также Склифосовский первым предложил идею использовать для эвакуации раненых железнодорожный транспорт. А еще он придумал организовывать подвижные «летучие команды», работающие в местах максимального скопления раненых.

В русско-турецкой войне Николай Васильевич находился в первых рядах Дунайской армии. Он не только развертывал госпитали, но и сам не раз под пулями противника оказывал практическую помощь солдатам. Это была школа, которую невозможно было переоценить.

Развивая взгляды великого русского хирурга Н.И. Пирогова, Склифосовский разработал принцип при-

ближения медицинской помощи к месту боя, принцип «сберегательно-го лечения» огнестрельных ранений, и ввел в широкое употребление применение гипсовых повязок как средство иммобилизации при ранениях конечностей.

В 1893 году Николай Васильевич вернулся в Петербург и занял место директора Клинического Елепинского института усовершенствования врачей, одновременно заведя там хирургическим отделением. К слову, получив новое назначение, он долго колебался с переездом — в Москве оставалась огромная школа учеников и ассистентов. Но, как ни было ему трудно, знаменитый врач принял ре-

шение возглавить институт, в котором предстояло не учить студентов азам медицины, а готовить врачей и докторов высшей квалификации, приезжающих сюда со всей России. Николай Васильевич с жаром взялся за дело. За семь лет заведования институтом Склифосовский выстроил новые здания и электрифицировал их, перестроил операционные в соответствии с последними требованиями асептической хирургии, выбил средства не только на строительство, но и на увеличение окладов и штатов, установил первый в нашей стране рентгеновский кабинет, почти в два раза удвоил казенные субсидии заведения. Институт превратился

*Николай
Васильевич
с дочерью
Тамарой*

в учреждение, которым могла гордиться вся Европа. Неудивительно, что в день двадцатипятилетия профессорской работы среди сотен телеграмм, полученных Николаем Васильевичем, одна из Лозанны гласила:

«Вы возглавляете учреждение, которому завидуют другие народы Европы».

А в другом послании говорилось:

«Из охладевшей руки знаменитого Пирогова Вы подняли знамя учителя хирургии и высоко его несете впереди многочисленных соратников и учеников».

Как истинный ученый Николай Васильевич придавал огромное значение обмену опытом среди хирур-

гов. Он являлся учредителем Общества русских врачей, учредителем и председателем первого и шестого съездов хирургов страны, организатором, председателем и участником Пироговских съездов, а также почетным членом двадцати различных медицинских обществ России.

Огромный талант общественного деятеля и организатора проявился у Склифосовского в ходе подготовки и проведения двенадцатого Международного конгресса врачей-хирургов, прошедшего в августе 1897 года в Москве и привлечшего большое количество участников. Накануне открытия съезда состоялось торжественное открытие памятника Николаю Пирогову. Памятник появился лишь благодаря энергии и инициативе Николая Васильевича, лично добившегося на его установку «высочайшего разрешения». Соорудили памятник на собранные Склифосовским частные пожертвования, а не на казенные средства.

К слову, в России это был первый памятник великому врачу. В присутствии крупнейших деятелей медицины со всей Европы Склифосовский при открытии памятника произнес:

«Собирание земли русской отныне закончено, а пора детства, культурных заимствований и подражательности миновала. Мы вступили в колею самостоятельной жизни. Есть у нас своя наука, своя литература и искусство, на всех поприщах культуры мы стали деятельными и самостоятельными. ...Народ, у ко-

торого был свой Пирогов, имеет право гордиться, поскольку с именем этим связана целая эпоха врачебноведения».

Николай Васильевич, избранный президентом конгресса, прекрасно понимал огромное научное и политическое значение международного съезда врачей, впервые собравшихся в России. Эта встреча продемонстрировала всему ученому миру значение и силу русской науки. Иностранные лекари воочию смогли убедиться в достижениях нашей медицины. Миф об их мнимом превосходстве над русскими врачами был окончательно развеян.

Чувство восхищения, испытываемое участниками от организации и проведения конгресса, видно из благодарственной речи немецкого ученого Рудольфа Вирхова, обратившегося от имени съезда к Склифосовскому:

«Мы нашли здесь президента, авторитет которого признан представителями всех областей медицинской науки, человека, знающего все требования врачебной практики и обладающего духом братства и чувством любви к человечеству... Наконец мы здесь встретили молодежь, умную и крепкую, подготовленную к прогрессу будущего, надежду этой доблестной и великой нации».

Сам Николай Васильевич своей преданностью делу и самоотверженностью завоевал не только все-российскую славу. Его знали и любили во всем мире: за честность,

за объективность в научной работе, за скромность и интеллигентность. Ни при каких обстоятельствах Склифосовский не изменял своим джентльменским правилам, никто не видел его всплывшим или вышедшим из себя. А, вместе с тем, известно, что он был увлекающимся и эмоциональным человеком.

Склифосовский был организатором, почетным председателем и активным участником специальных Пироговских медицинских съездов. Проводились эти съезды членами Общества русских врачей — научного общества дореволюционной России, объединившего представителей всех медицинских специальностей. Собиралось на эти съезды по две, а то и по две с половиной тысячи человек, то есть приезжал почти каждый девятый врач России.

Кстати, молодой врач, будущий знаменитый писатель А.П. Чехов получил диплом об окончании Московского университета из рук декана медицинского факультета Н.В. Склифосовского.

В целом же значение Николая Васильевича в истории отечественной хирургии очень велико. Его исключительная одаренность, неустанные занятия в операционной, секционной, на поле боя, в отечественных и зарубежных клиниках, в библиотеках со временем принесли свои плоды. Николай Васильевич блестяще овладел оперативной техникой, многие болезни, с которыми большинство докторов тех лет не могли

справиться, он перевел в разряд излечимых, и даже выдающиеся хирурги с благоговением отмечали, какие у Склифосовского «золотые руки».

Ряд уникальных операций, проведенных им впервые, стали в мировой хирургии классическими. Оперативное лечение грыж брюшной стенки, мозговых грыж, рака челюстей и языка, рака желудка, пищевода, гортани, зоба, оперативное удаление яичников, камней мочевого пузыря, хирургическое лечение заболеваний желчного пузыря.

Также выдающийся русский доктор стал пионером операций в челюстно-лицевой хирургии, особенно при существенных дефектах лица. Он первым использовал местное обезболивание раствором кокаина, смастерил аппарат для поддержания наркоза и с его помощью провел редкую операцию — усечение половин верхней челюсти.

Заслугой Николая Васильевича также явилось появление в хирургической практике (с 1898 года) рентгенологических исследований. А еще легендарный врач стал «отцом» русской стоматологии и родоначальником научного зубо врачевания — хирург был отменным диагностом, теоретиком и «оператором» новой науки.

Все свои проведенные исследования и операции он скрупулезно излагал на бумаге. Склифосовский — автор 114 научных работ, отражающих новаторские идеи и личный

опыт выдающегося врача и ставших ценным вкладом в сокровищницу мировой науки.

Кроме чтения теории, Склифосовский уделял много внимания практическим занятиям со студентами, проводящимися в операционных, перевязочных, у постелей больных. Он стремился лично показать и технику сложных операций, и выполнение простых хирургических манипуляций. Учащиеся восхищались его мастерскими приемами при опери-

тических и научных деятелей в сфере хирургии — Яковлев, Спижарный, Добротворский, Сарычев и многие другие.

Интересы Николая Васильевича также были довольно обширны — он обожал музыку, литературу и живопись. Его супруга, Софья Александровна, являлась лауреатом международного музыкального конкурса Венской консерватории, а дочь Ольга училась у Николая Рубинштейна. У Склифосовских в гостях часто бы-

Значение Склифософского в истории отечественной хирургии очень велико. Выдающиеся мировые хирурги отмечали его исключительную одаренность, блестящее владение оперативной техникой, умение лечить болезни, с которыми большинство врачей того времени не могли справиться, и с благоговением говорили, что у Склифософского «золотые руки»

ровании труднодоступных областей. Наставляя студентов правилам ухода за больными, Николай Васильевич всегда подчеркивал важность сохранения психики пациента от лишних волнений. В конце такого обучения студенты были прекрасно подготовлены к самостоятельной врачебной деятельности. За период работы Склифосовского в Москве выпуск врачей значительно увеличился, а из окончивших ординатуру вышло немало выдающихся прак-

вали художник Василий Верещагин, юрист Анатолий Кони и композитор Петр Ильич Чайковский. Великий врач дружил с Сергеем Боткиным, до глубокой ночи засиживался у композитора и одновременно профессора химии Александра Бородин, встречался с Алексеем Толстым.

Летом Николай Васильевич ездил отдохнуть в свое имение в Полтаве. Оно стояло на берегу реки Ворскла, и каждый день, независимо от погоды, Склифосовский ходил

купаться. Купался он, к слову, круглый год и в Петербурге, и в Москве. Зимой специально для него делали прорубь, и каждое утро доктор окунался в ледяную воду.

Во время отдыха в своем имении жить жизнью отпускника, коротающего дни за чашкой чая в разговорах с соседями, Николай Васильевич не умел. Он ежедневно принимал у себя дома больных, разъезжал по хуторам и раздавал лекарственные средства, принимал роды. Нередко (удивительный факт!) даже приплачивал заболевшим людям. Выписать рецепт бедняку, дать ему денег на микстуры и пилюли для легендарного врача было нормой. Жители из окружающих деревень, прежде не мечтавшие и о фельдшере, толпами шли к нему. Операции разной степени сложности Склифосовский проводил в Полтавской земской больнице.

В 1901 году Склифосовский, в связи с возрастом (ему шел шестьдесят шестой год), вышел в отставку и переехал в свое поместье Яковцы в Полтавской губернии, где и прожил последние годы жизни. Свой досуг врач делил между работой в саду (он обожал садоводство) и изучением новых книг по медицине и хирургических журналов «Летопись русских хирургов» и «Хирургическая летопись» — редактором и основателем которых он являлся, тратя на их издание крупные суммы из личных средств.

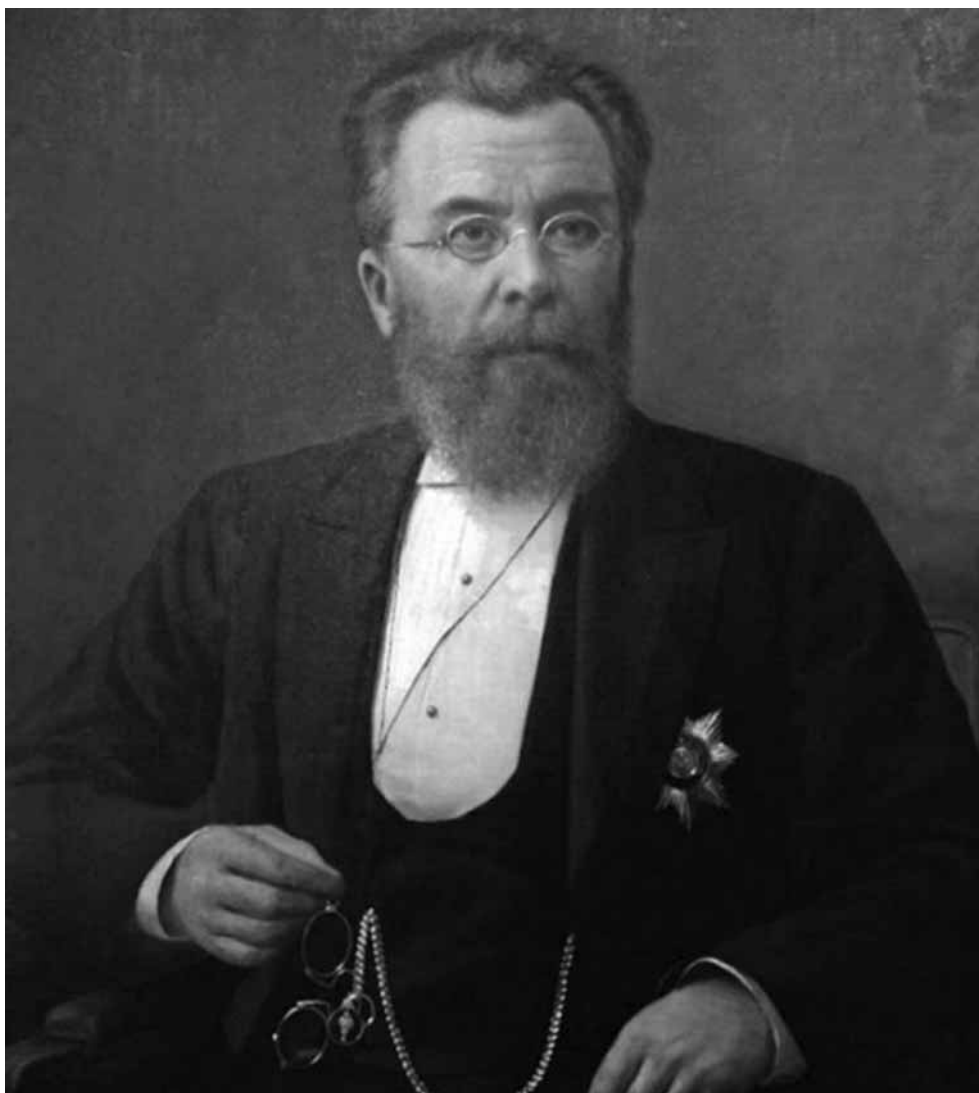
Несколько апоплексических ударов положили конец жизни выдающегося врача — 13 декабря 1904

года в час ночи его не стало. Похоронен Склифосовский был в месте, памятном для всей России, там, где произошла Полтавская битва.

В это же время в Москве проходил очередной съезд русских хирургов. Весть о кончине Николая Васильевича омрачила его открытие. *«Скончался, бесспорно, один из самых выдающихся врачей нашего Отечества, чье имя находится на втором месте после имени знаменитого Пирогова»*, — говорилось на съезде.

К сожалению, трагичной оказалась жизнь родных великого врача. Так, старшая дочь Николая София была инвалидом. О судьбе девочки известно очень мало. По слухам, она утопилась в реке. Сын Борис умер еще в младенчестве, Константин не дожил до семнадцати лет из-за туберкулеза почек. А после этого случилась беда с Владимиром, который во время учебы в Санкт-Петербургском университете увлекся политикой и вступил в тайную террористическую организацию. 16-летнему Владимиру поручили убить губернатора Полтавы, который был другом семьи Склифосовских. Володя приехал в имение в подавленном состоянии, так как понимал, что не сможет убить своего давнего знакомого, однако признаться в этом «товарищам» не решался. В итоге он застрелился в своей комнате.

Смерть третьего сына подкосила Склифосовского. Он оставил работу, перестал заниматься своим до-

мом, садом... Возвел в честь Владимира школу для крестьян. Велел похоронить себя возле сына, а поместье запретил называть Отрадным.

Николая убили на Японской войне вскоре после смерти отца, а Александр пропал во время Гражданской войны. Младшая дочь Тамара и престарелая вдова Софья Александровна были зверски убиты бандитами в 1919 году в своем собственном доме.

До пожилого возраста из всех детей великого хирурга дожила лишь старшая дочь Ольга. Она вышла за-

муж за известного врача и ученика Склифосовского — Михаила Яковлева.

Более 80 лет за могилами великого ученого и его сына никто не ухаживал. Лишь в 1966 году перед международной конференцией хирургов там высадили парк.

В семидесятых годах прошлого века на могиле Николая Васильевича Склифосовского поставили памятник, на котором на русском и латинском языках была высечена надпись: «Светя другим, сгораю сам». □

Денис Логинов

АФРИКАНСКИЙ

С 1706 года арапчонок был при царе всюду. Спустя год государь отправился в город Вильно для свидания с польским королем Августом, и там в польском костеле вместе с польской королевой окрестил Ибрагима,

дав ему при крещении свое имя — Петр.

Но маленький Ибрагим, дорожа именем, данным ему родителями, так плакал, когда его называли по-другому, что, в конце концов, выну-

ПРИНЦ

Он прекрасно помнил роскошный дворец отца в Абиссинии, девятнадцать своих братьев и любимую сестру Лагань. Помнил, как был похищен турками и стал заложником султана, который держал его в заточении. Если бы не царское происхождение, быть бы ему евнухом при султанском гареме: такова была судьба почти всех черных рабов в Османской империи.

Но произошло невероятное. Российский император пожелал раздобыть для себя «маленьких африканят с хорошими способностями». Трудно сказать, почему Петру Первому пришла такая идея, и зачем ему понадобились маленькие негры. Но царская воля — закон.

В Африку ехать далеко и боязно, поэтому русский посол в Константинополе проведал, что в темнице при дворе султана томится маленький арап знатного рода, и вознамерился вызволить его, чтобы переслать в подарок своему императору.

С помощью щедро одаренного главного визиря посол тайно освободил мальчика из заключения и вместе с двумя другими темнокожими мальчиками, купленными на базаре, счастливо переправил в Россию, в царский дворец.

Этот «африканенок» царского происхождения впоследствии стал прадедом А.С. Пушкина — Абрамом Петровичем Ганнибалом.

дил окружающих уважить его волю, и все стали звать его по-прежнему Ибрагимом или Абрамом.

Судьба двух других негрят неизвестна, скорее всего, они не вынесли тягот дороги и перемены кли-

мата, а, может быть, стали жертвой какой-то болезни. Никаких сведений о них не сохранилось.

Зато сохранились свидетельства о том, что в Россию приезжал один из братьев Ибрагима-Абрама

и предлагал за него богатый выкуп, но Петр I не согласился возвратить своего крестника.

Свою звучную фамилию (вместе с дворянством) крестник Петра получил в честь знаменитого карфагенского полководца, победителя римлян. Еще одна прихоть Петра — он желал, чтобы его арапчонок стал великим человеком и доказал всем, что от цвета кожи умственные способности никак не зависят. В 1709 году царь взял с собой Абрама на Украину, где тот участвовал в Полтавском бою в качестве барабанщика...

питомца, где тот в течение почти шести лет учился в высшей инженерной школе. Здесь он получил специальность инженера-строителя, стал ученым, педагогом, хорошо освоил общий «политес», изучил латинский и французский языки...

Из России Ибрагим уехал с рекомендательным письмом Петра I лично герцогу де Меню, родственнику короля Людовика XV, который командовал всей артиллерией во французской армии.

Париж трудно было удивить арапом: почти в каждом знатном доме прислуживали один или несколько

Париж трудно было удивить арапом: почти в каждом знатном доме прислуживали один или несколько арапчат. Но молодой, изящный темнокожий ученый мгновенно стал объектом восхищения парижанок

А после того, как шумно и весело отпраздновали победу (а заодно и рождение у Петра дочери Елизаветы), царь лично обучил своего арапчонка русской грамоте, но потом, не имея достаточного времени (да и достаточных знаний), приставил к мальчику хороших учителей, прививая любовь к знаниям и к чтению книг.

Петр понимал, насколько юноша одарен, и в 1717 году, направляя талантливую молодежь за границу для обучения разным наукам и художествам, послал во Францию и своего

арапчат. Но молодой, изящный, темнокожий ученый мгновенно стал объектом восхищения парижанок. И не только восхищения. Говорили, что во Франции у Ибрагима осталось несколько незаконнорожденных детей с самыми разными оттенками кожи. Но это — только ничем не подкрепленные слухи.

Именно в это время началась очередная война между французами и испанцами, и «арап Петра Великого» добровольно вступил во французскую армию. В этой войне

он отличился во многих сражениях и получил от французского командования награду за проявленную в боях храбрость. Когда война закончилась, он поселился в Париже и рассчитывал безбедно прожить там остаток жизни, но...

Осенью 1723 года уже чувствующий себя не вполне здоровым император Петр написал Ибрагиму, что очень хочет видеть его подле себя, но неволить к возвращению не станет, только просит поступить согласно велению собственного

сердца. Никогда не забывавший доброты к нему русского императора, Ибрагим выехал в Россию.

А ведь мог и не согласиться. И никогда бы не возшло «солнце русской поэзии», не учился бы в лицее смуглый отрок с курчавыми волосами, не...

Но «арап Петра Великого» вернулся в Россию. Император Петр за двадцать восемь верст от Петербурга по осенней распутице выехал его встречать и повез прямо к себе с дороги!

Герб Ганнибалов

Абрам (Ибрагим) Ганнибал — впоследствии крупный инженер-строитель, один из высокообразованных людей петровского времени, остался жить при особе великого царя. Служил ему камердинером, секретарем, писцом, переводчиком, толково исполнял многие важные поручения царя, копировал чертежи проектов зданий и сооружений, парковых затей в Петербурге, Петергофе, Стрельне и прочее, и прочее.

Кончина Петра I была, казалось, крушением всей судьбы его воспитанника. Мало кто разделял петровские причуды, и уж совсем никому не был нужен черный высокообразованный человек, пусть и ставший вполне европейцем. Меншиков, открыто ревновавший Ибрагима к императору и ставший после смерти

последнего всевластным при императрице Екатерине, очень скоро нашел способ избавиться от «арапа».

Единственной отдушиной для вольномыслящих людей в ту пору был салон княгини Волконской, урожденной Бестужевой-Рюминой. Аграфена Петровна, или, как ее звали друзья, Асечка, не нашла счастья в браке с князем Никитой Волконским, прославившимся своей глупостью. Зато Асечка наслаждалась обществом своих молодых друзей, которые часто приезжали к ней по вечерам. Среди них были: Александр Бутурлин, Семен Маврин, дипломат Исаак Веселовский, Егор Пашков, Иван Черкасов — в будущем влиятельный кабинет-секретарь императрицы Елизаветы Петровны.

Часто в салоне Асечки бывал и Абрам Петрович Ганнибал, крестник Петра Великого, блестящий гвардейский офицер и инженер, недавно вернувшийся из Франции, где он прославился как военными, так и любовными подвигами. Конечно, всех этих молодых людей притягивала хозяйка салона Асечка, обаятельная и веселая женщина.

Как это часто бывает в молодежных компаниях, друзья создали некий собственный мир шуточных отношений, со своими обычаями, смешными церемониями, словечками и прозвищами. Они любили собираться вместе, поболтать, потанцевать, выпить вошедшего в моду «кофию», без которого после Петра уже не могло жить русское общество.

Непринужденная обстановка вечеров у Асечки не походила на натужное веселье ассамблей.

Об этих теплых отношениях говорят сохранившиеся письма Асечки и ее друзей. «Милая сударыня Асечка Ивановна!» — начинает свое письмо Ганнибал, шутливо описывает

командировку, остальных понизили в должности.

Екатерина I умерла 6 мая 1727 года, а уже 8-го Ганнибал скакал в Казань, дабы, как предписывалось ему, инженеру-фортификатору, «осмотреть тамошнюю крепость», составить проект и строить новую цита-

Ганнибал — впоследствии крупный инженер-строитель, один из высокообразованных людей петровского времени — по просьбе государя вернулся из Парижа в Россию. Он служил ему камердинером, секретарем, писцом, переводчиком. А кончина Петра I стала, казалось, крушением всей судьбы его любимого воспитанника

свою жизнь и заканчивает письмо приветом от «Черного Абрама».

Салон Асечки погубила, как часто бывает, болтовня. Асечка была гоф-дамой Екатерины I, и как-то раз она принесла в салон самую свежую сплетню: Меншиков уговаривает государыню завещать престол великому князю Петру (сыну казненного царевича Алексея) и хочет выдать за него свою дочь Марию.

Как только Меншиков узнал об утечке из дворцовых покоев столь важной для него информации, он тотчас же расправился с Асечкой и ее друзьями. Княгине Волконской было велено немедленно ехать в ее подмосковную деревню, Семена Маврина сослали в Сибирь, Абрама Ганнибала отправили в дальнюю

даль. Такое задание дается не одному человеку и не на один год.

Но не успел Абрам, фактически высланный из столицы без средств к существованию, достать из походного сундука свою готовальню, как получил новый указ Меншикова: «ехать без всякого замедления» в Тобольск и там строить новую крепость.

Ганнибал был в отчаянии. Он понимал, что обуявшая Меншикова градостроительная лихорадка — лишь предлог для ссылки «Черного Абрама». Из Казани он послал на имя светлейшего редкостное по самоуничижению письмо:

«Не погуби меня до конца имени своего ради; и кого давить такому превысокому лицу? Такого гада и самая последняя креатура на земле

[раздавит], которого червя и трава может сего света лишить: нищ, сир, беззаступен, иностранец, наг, бос, алчен, жаден. Помилуй, заступник и отец!»

Не помогло! Не успел Абрам приехать в Тобольск, как сибирский губернатор М. В. Долгорукий получил указ Меншикова: Арапа немедленно отправить строить, конечно же, новую крепость на китайскую границу. При этом учредить за ним «крепкий присмотр», чтобы — не дай Бог! — не ушел в Китай.

Ганнибал предвидел предстоящие испытания. Уезжая из Казани, он написал Асечке, что в Тобольске его наверняка ждет *«третий ордер, куда далее ехать, как изволят. Я всюду готов ехать без всякой печали, кроме того, что меня лишили моих друзей»*.

Впрочем, сибирский губернатор, прежде чем послать Абрама в Селенгинск, на китайскую границу, сожалел над крестником Петра Великого и выдал ему на прокорм сто рублей. У Ганнибала оставалась единственная надежда — на заступничество своих верных друзей, которым он часто слал отчаянные письма.

Друзья хлопотали, но проходили недели, месяцы, потом потянулись годы, а курьера с указом о возвращении все не было. Это казалось Ганнибалу странным. Ведь осенью 1727 года ему стало известно, что ненавистный гонитель его, Меншиков, низвергнут и отправлен в Сибирь.

Но Арап не знал старинного русского правила: власть никого зря

не наказывает. И раз уж ты оказался в опале, не жди, что тебе тотчас даруют свободу, если прежнего тирана сменит новый. Увы, граф Петр Толстой, сосланный в 1727 году Меншиковым, умер через два года, почти одновременно с Меншиковым, в сырой башне Соловецкого монастыря. Его «подельники» Антон Девьер, Григорий Скорняков-Писарев, Франциско Санти выжили, но выбрались из Сибири почти спустя двадцать лет, по воле императрицы Елизаветы. Опальный человек — меченый, чумной, иметь с ним дело никто не хочет, проявлять к нему гуманность опасно.

Пашков писал Черкасову о своих напрасных хлопотах о судьбах Ганнибала и Маврина:

«Многие об них сожалеют, а заступаться при дворе никто не хочет за повреждением себя».

Более того, после крушения Меншикова дела Асечки и ее друзей пошли еще хуже. На княгиню донесли «куда надлежит» ее же дворовые: она-де в своей деревне, где ей предписано начальством быть неотлучно, смиренно не сидит, тайно ездит в Москву, встречается с приятелями, пишет какие-то письма.

Асечку тотчас арестовали, забрали все ее бумаги и открыли новое следственное дело. «Верховники» (члены Верховного тайного совета), прочитав с большим интересом личную переписку княгини Волконской, в 1728 году постановили, что она и ее друзья *«все делали пар-*

В Париже

тии и искали при дворе Ея императорского величества для собственной своей пользы делать интриги и теми интригами причинять при дворе беспокойство». К этому делу следователи привязали покойного к тому времени австрийского посланника Рабутина. Получился почти настоящий заговор. Асечку заточили в монастырь, Черкасова сослали в Астрахань, а Веселовского — еще дальше, в Персию.

Бомбардир-поручика Преображенского полка Абрама Ганнибала приказано было перевести в майо-

ры Тобольского гарнизона и за переписку с государственной преступницей княгиней Волконской взять под арест.

Так в декабре 1729 года закончилась сибирская командировка «Черного Абрама». По указу из Москвы сибирский губернатор направил в Селенгинск нарочного офицера, которому было предписано явиться к Ганнибалу «на квартиру внезапно», арестовать преступника, отобрать «все обретающиеся при нем письма», обыскать все вещи, пролистать каждую книгу, нет ли там какого крамоль-

ного клочка бумаги. Затем Ганнибала отвезли под конвоем в Тобольск.

Сидение Ганнибала в тобольской тюрьме длилось несколько месяцев. Наконец из Москвы пришло радостное известие: власть «верховников» кончилась, новая государыня Анна Иоанновна разогнала Верховный тайный совет. Но Абраму и его друзьям от этого легче не стало.

Императрица предписала ужесточить для княгини Волконской мона-

бился перевода Ганнибала из Сибири в Эстляндию, к инженерным делам прибалтийских крепостей. Нам стоит сердечно поблагодарить за это Миниха. Не вытащи он арапа из Сибири, так и увял бы сын Африки в захолустном, заснеженном Тобольске, возможно, спился бы, пропал ни за грош — и никогда на свете не появился бы великий Пушкин.

Воевать больше Ибрагиму Петровичу не пришлось. Всю свою даль-

Н

аконец фортуна вновь улыбнулась Абраму Петровичу. В связи с коронацией, Елизавета Петровна объявила ряд пожалований, множество опальных людей были возвращены из ссылки в столицу и получили в награду имущество, земельные угодья и другие блага. Получил свою долю царской милости и «арап Петра Великого», жестко гонимый при разных «временщиках». Царица пожаловала ему генеральский чин, наградила богатыми землями в Псковской губернии и передала в «вечное владение» имение Петровское

стырский режим, посадить ее на хлеб и воду. Не выдержав неволи, Асечка в 1731 году умерла. Пашков, Черкасов, Маврин выбрались из своих тумтараканей только через несколько лет. Салон прелестной Асечки уже больше никогда не собрался вновь.

Ганнибалу повезло больше других. О нем вспомнил набравший силу при Анне Иоанновне фельдмаршал Миних, знавший Абрама как дельного инженера. В 1731 году Миних до-

нейшую жизнь он только строил: крепости, доки, арсеналы. Вел фортификационные работы в Кронштадте и Петропавловской крепости.

Все происшедшее с ним потрясло Ганнибала до глубины души. Веселый «Черный Абрам», экзотичный любимец парижских и петербургских дам, крестник Петра, блестящий гвардеец, переменялся до не-узнаваемости. Он стал желчным мизантропом, впадавшим в панику

при звуке дорожного колокольчика, так как полагал, что приехали за ним...

Тем не менее, Ганнибал решил, что пора заняться и личной жизнью, то есть продолжением рода. Но ни повесть Пушкина «Арап Петра Великого», ни фильм «Сказ о том, как царь Петр арапа женил» не имеют к действительности ни малейшего отношения. Петр давно умер, а его крестник озаботился поисками достойной невесты лишь в 1731 году. Да и характер у Ибрагима Петровича с годами стал крутым.

Первый брак оказался крайне неудачным, хотя супругу Ганнибал выбирал долго и тщательно, да и женихом был завидным — пусть ликом черен, да в чинах и при деньгах. Красавицу-гречанку Евдокию Диопер, дочь капитана галерного флота, сосватал Ибрагиму ее отец, невзирая на слезы и мольбы дочери, любившей совсем другого — флотского поручика Александра Кайсаровича, о чем, разумеется, стало известно ее супругу, и с самого начала обрекло брак на несчастье.

Когда Ганнибал получил новое назначение в город Пернов, он повез туда с собой не только жену, но и своеобразный гарем из крепостных девок. О первом любовнике пришлось забыть, но Евдокия быстро завела себе новую пассию — флотского кондуктора Якова Шишкова, о чем, разумеется, быстро стало известно обманутому мужу — городок-то крохотный.

Когда Евдокия забеременела, Ганнибал простил ей неверность и с нетерпением ждал появления на свет первенца. Но на свет появилась белая девочка, ни единая черта которой не указывала на отцовство Ибрагима. Впав в неописуемую ярость, он жестоко избил жену и запер ее дома — в подвале, в цепях и на соломе.

Год спустя, обвинив жену в измене и намерении отравить его, он начал против нее бракоразводный процесс, окончившийся лишь в 1753 году. За это время Ганнибал принудил прекрасную гречанку постричься в монахини в Тихвинском женском монастыре.

Сурово расправившись с изменницей, он все-таки пощадил дочь Евдокию и воспитывал ее вместе с другими детьми от второго брака. Дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза.

Бракоразводный процесс еще не завершился, когда Ибрагиму сосватали новую жену, дочь офицера Перновского полка немку Христину фон Шаберг. Ганнибал долго был двоеженцем, потому что официальный развод он получил лишь в 1753 году. Но это не мешало Христине любить и почитать мужа и исправно приносить ему детей — пятерых сыновей и четырех дочерей. Все дети рождались черными или очень смуглыми.

Они прожили в согласии полвека, имели одиннадцать детей, из которых зрелого возраста достигли семеро — четыре сына и три дочери. Третьим

*Внучка Абрама Ганнибала —
Надежда Пушкина*

сыном стал родившийся в 1742 году Осип (младенца нарекли Януарием, но мать-немка не могла выговорить это имя), будущий отец Надежды Ганнибал — матери Пушкина.

Ганнибал счастливо избежал наказания за двоеженство: лишь выплатил небольшой штраф по гражданской линии, а по церковной получил легкую епитимию.

Уже второе поколение Ганнибалов стало приобретать европейские черты и цвет кожи: сказывалась немецкая кровь Христины и то, что ее дети сочетались браком исключительно с белокожими людьми. Были и голубоглазые, и белокурые, и черноглазые, и смуглые — разные.

В феврале 1742 года фортуна вновь улыбнулась Абраму Петровичу. В связи с коронацией, Елизавета

Петровна, дочь Петра I, объявила длинный ряд пожалований, множество опальных людей были возвращены из ссылки в столицу и получили в награду большое имущество, земельные угодья и другие блага.

«Понеже они за отечество страдали», — говорилось в манифесте царицы. Пожаловала она своей милостью и «арапа Петра Великого», жестоко гонимого при разных временщиках. Царица пожаловала Ганнибалу генеральский чин, назначила оберкомендантом города Ревеля и наградила богатыми землями в Псковской губернии, в «вечное владение» — имением Петровским.

За Ганнибалом числилось еще в селе Михайловском 806 душ мужского пола, не считая находившихся на оброке (41 деревня, около 5 тысяч десятин земли).

В 1761 году «арап Петра Великого» вышел в отставку и долгие двадцать лет жил с женой в одном из своих многочисленных имений. Умер он в 1781 году на 93-м году жизни, будучи генерал-аншефом и кавалером ордена Александра Невского.

В семье Пушкиных часто говорили о Ганнибалах, о маленьком Ибрагиме, крестнике и любимце великого Петра, о его удивительной жизни и необыкновенных приключениях.

Один из сыновей Абрама Петровича — Осип Абрамович служил на флоте и, будучи в служебной командировке в Липецке, влюбился в дочь тамошнего воеводы Алексея Пушкина Марию, признанную красави-

цу, хотя, по меркам того времени, уже немолодую — 28 лет.

Очень быстро провели сговор, обручение и сыграли свадьбу. Через год родилась очаровательная дочь Надежда — «прекрасная креолка», как ее будут позже называть в свете. У нее были темные волосы, темные глаза и желтоватые ладони — наследство африканского деда.

Брак оказался неудачным. Через три года супруги разъехались, причем Осип Абрамович оставил дочь у себя, а в 1779 году незаконно обвенчался с Устиньей Ермолаевной Толстой. Этот брак был расторгнут в 1784 году, но красавица успела почти разорить своего супруга.

В «Записках» А.С. Пушкина о нем сказано так:

«Дед мой, Осип Абрамович... служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деда отца моего... И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя

Правнук — Александр Пушкин

ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни».

P.S. Как-то летом А. Пушкин приехал в Михайловское и посетил село Петровское, где доживал свои дни семидесятипятилетний Ганнибал. Сохранился в небольшом отрывке рассказ поэта о посещении деда: «Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести, я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил ему». Поэт получил от деда рукописную биографию Абрама Петровича Ганнибала и начало автобиографии самого Осипа Абрамовича, которыми впоследствии воспользовался при создании повести «Арап Петра Великого». □

Александр Клиндухов

ДУША

Душа очистилась от боли
И стала скатертью бела,
Как вечерами в чистом поле
Туман, лежавший у села.

А через час ты снова скатерть,
И, как туман, опять бела.
А через день ты словно скальпель
Иль кончик мудрого пера.

Душа, душа! Как ты ранима
И как наивна и больна!
Сейчас ты — ровная равнина,
А через час уже — волна.

Но я люблю тебя такую
Непостоянную, чумной!
...Наверно, я тебя не стою,
Что ж не прощаешься со мной?

За окном залаяла собака —
Это, видно вовсе неспроста,
Или это что-то вроде знака,
Или кто-то бродит без креста.

Дверь открыл, войдя в ночное лето,
Взором сонным небо очертил,
Все оно, как сгусток фиолета,
Не жалели, видимо, чернил.

Что за благодать средь лихолетья?!
В дом вернусь, усну я вечным сном...
Но опять проснусь через столетья,
Раз собака лает за окном...

За яблоней голой, жасмином, кустом облепихи
Стоит старый дом, да не дом, а домишко убогий...
И прячется, словно мышонок, но мне его лики
Мерещатся через деревья, кусты, одиноки.

Как память спонтанна, ее непрерывное пламя
Лелеет не душу, а то, что в ней есть от былого.
И тот закоулочек, словно вселенское знамя,
Трепещет над миром, где самое главное — слово.

Но яблоня в белом цвету, и жасмин набирает
Вновь сил для цветенья, и тайно цветет облепиха,
А жизнь потихонечку вот и меня подпирает,
Скатившись под горку так быстро, так рьяно, так лихо.

ГОЛОС

Отчаливай, отчаливай,
К былому нет пути.
Отчаянно, отчаянно
Я рвусь, спеша ступить.

Причал давно заброшенный
В засохшем сорняке.
Я, словно гость непрошенный,
Стою на сквозняке.

И в холоде молчания
Мне горько сознавать,
Что в этом одичании
Один лишь виноват.

Живи спокойно, счастливо
И память не буди.
Отчаливай, отчаливай,
К былому нет пути.

Уже пионы распустились,
Но отчего-то нет тепла,
Но отчего-то нету силы,
Чтоб жизнь размеренно текла,

Чтоб просыпаться спозаранок
И наслаждаться ранним днем,
Свои зализывая раны
Души живительным огнем.

Лишь остается неизбежность,
Хотим того, иль не хотим,
Нас унесет в свою безбрежность
Небесный ангел херувим.

ЗАКАТ

Под вечер краснеет округа:
Березы, наш дом, мезонин,
Трава на заброшенном луге,
И все, что чернело за ним:
Ручей в одинокой лощине,
В колодце журчащий родник,
И тропка в засохшей малине,
Что к речке ведет напрямик...
Такое лишь может присниться.
От счастья застыл у ворот.
Зачем же так жалобно птица
В лесу одиноко поет?..

Отрываясь от чистых истоков,
От родительской крови своей,
Мы порой поступаем жестоко,
Забывая своих матерей.

Ирина Опимах

Артемизия Джентилески

Первая леди живописи

В галерее Уффици в зале Караваджо можно увидеть замечательную картину, однако она не принадлежит его кисти. Табличка гласит: «Юдифь, обезглавливающая Олоферна», есть и имя автора — Артемизия Джентилески. Сюжетом картины, написанной в 1620 году, послужила история израильтянки Юдифи. Когда войска ассирийцев под командованием военачальника Олоферна осадили ее родной город Ветилую, отважная женщина вместе со своей служанкой проникла в лагерь врага. Красавица обольстила Олоферна, он потерял бдительность, полностью ей довершившись, и тогда Юдифь убила его и спасла таким образом свой народ. Художница изображает сцену убийства, причем делает это весьма реалистично: мы видим, как служанка держит обезумевшего от страха Олоферна, а Юдифь, схватив его за волосы, безжалостно и расчетливо всаживает в шею его собственный меч.

Кто же эта художница, чья картина удостоена чести висеть в одном из лучших музеев мира, рядом с шедеврами великого Караваджо? И почему она выбрала такой страшный сюжет?

Испокон веков считалось, что только мужчина может держать в руках кисть, только ему дано творить живописные полотна, создавать шедевры. Артемизия Джентилески, современница и последовательница Караваджо, первая в истории человечества поколебала это устоявшееся мнение и первая стала зарабатывать себе на жизнь с помощью кисти и красок. Ее судьба — череда ярких событий, тут и любовь, и страсть, и творчество, недаром о ней пишут не только искусствоведы — об этой удивительной женщине сочиняют романы, ставят спектакли и снимают фильмы.

Артемизия Джентилески родилась 8 июля 1593 года в Риме. Ее отец, художник Орацио Джентилески, был

хорошо известен среди местных живописцев. В те времена в Риме работало множество блестящих худож-

ников, и отец Артемизии занимал среди них не последнее место. Главы Ватикана желали превратить Рим в самый красивый город христианского мира, они не жалели денег на строительство новых дворцов и храмов, а потому приглашали лучших архитекторов и художников того времени. Среди них был и Караваджо, чей стиль сформировал целое направление в живописи, оно так и называлось — караваджизм. Одним из ярчайших последователей Караваджо стал Орацио Джентилески. Недаром ему было поручено расписывать стены Ватиканской библиотеки, позднее он принял участие в декорировании церквей Санта-Мария Маджоре и Сан-Джованни ин Латерано.

Так что деньги в семье были, и после появления на свет Артемизии молодые родители — Орацио и его жена, юная Пруденция, — позволили себе родить еще четверых детей. Это были мальчики, но в те времена детская смертность была очень высока, и двое умерли в младенчестве.

Когда Артемизии исполнилось 12 лет, умерла ее мать. Девочка осталась полностью на попечении отца. Она рано проявила разнообразные способности, и отец старался дать ей хорошее образование: читал книги, рассказывал о том, что знал сам, а главное, стал брать ее в свою мастерскую. *«А вот теперь добавь в краску масло, а тут надо хорошенько растолочь. Ну, а теперь бери в руки кисть...»* Девочка как губка впитывала все, чему ее учил

отец. Орацио не рассчитывал, что его дочь захочет стать самостоятельной художницей, скорее всего, он полагал, что она так и останется лишь его помощницей, подмастерьем, но Артемизия, взрослея, превращалась не только в очень хорошенькую барышню, но и в настоящего живописца!

Город таил для юной девушки множество опасностей, к примеру, можно было запросто потерять не только кошелек, но и невинность, а потому Орацио не пускал дочь на улицы Рима, зато разрешалось посещать храм, службу. И римские церкви стали для Артемизии своеобразными университетами — расписанные выдающимися мастерами Возрождения, они были настоящей школой большого искусства. В 17 лет Артемизия написала свою первую работу — «Сусанна и старцы». Сегодня искусствоведы говорят, что так точно, так выразительно написать женское тело могла только женщина.

В 1611 году у Орацио появился новый друг — художник Агостино Тасси. Он представил Орацио ватиканским прелатам, и у Джентилески появились новые заказы. Тасси прекрасно владел методами построения перспективы, и Орацио решил, что его дочери пригодятся уроки Агостино.

Артемизия была способной ученицей, а, кроме того, настоящей красавицей. И тут у Тасси обнаружился бурный темперамент. Он увлекся девушкой, а 6 мая 1611 года поддавшись страсти, обесчестил ее.

Юдифь, обезглавливающая Олоферна

«Я пыталась отбиться, кусала его, била, но он оказался сильнее меня. Ничто не могло его остановить. Когда все кончилось, я дотянулась до ножа и сказала, что он, Агостино, за все ответит!» — так позднее рассказывала она об этом страшном дне.

Но Тасси не оставлял ее в покое. *«Я женюсь на тебе, только вот разберусь со своими делами. Но и сейчас ты моя, а потому делай то, что я тебе говорю», — говорил он ей.* И она верила.

В те времена изнасилование считалось страшным преступлением,

Слева и справа:
*«Сусанна
и старцы»*

оскорблением не только жертвы, но и ее семьи. И загладить его можно было, только женившись на обещанной девушке.

Продолжая верить Тасси, Артемизия ждала, когда он уладит свои дела и объявит всем о свадьбе. Но Агостино не торопился. Да он и не мог жениться на ней — у него уже была жена! Правда, Агостино давно не жил вместе с синьорой Тасси — говорили, что он с ней расстался,

взяв немалую сумму отступных от ее любовника.

Орацио был в курсе их отношений, но все надеялся, что Тасси станет его зятем. Наконец терпение Артемизии кончилось, и она уговорила отца подать на своего обидчика в суд.

Чего только не пришлось пережить бедной Артемизии во время этого долгого — он продолжался семь месяцев — процесса!

Тут и два медицинских освидетельствования, и признания под пытками (только словам, сказанным под пытками, суд мог верить безоговорочно). Все это было страшно унижительно, но она вышла из сурового испытания с честью — Тасси, несмотря на подкупы свидетелей, ложные показания и подлоги, был признан виновным и посажен в тюрьму, где ему предстояло провести целый год.

Артемизия победила!

А совсем скоро, 29 ноября 1612 года, Орацио уже веселился на свадьбе дочери — он выдал ее замуж за флорентийского художника Пьерантонио Стиаттези. И так, репутация была спасена, хоть и слегка запятнана, зато о молодой художнице все заговорили.

Между тем молодожены переехали во Флоренцию. Супруг дал Артемизии полную свободу творить,

«Лукреция»

и она увлеченно работала в своей мастерской. И вот ей уже начал покровительствовать сам герцог Козимо II Медичи, а уж он-то понимал толк в искусстве, ведь он правил Флоренцией, городом великих художников Возрождения! Музыка, театр, литература, великолепная архитектура... И все это, вместе с ее жизненным опытом, отражалось на ее полотнах. Тут все живое — и чувства, и плоть, и кровь. Ее героини сильные, волевые — такие, как и она сама.

Ее уже хорошо знали во Флоренции. В этом чудесном городе она написала замечательные полотна: «Святая Катерина», божественной красоты «Ангел» и «Минерва», «Кающаяся Магдалина», «Джаиль и Сисара». Козимо Медичи ее буквально обожал, ведь она рисовала не хуже самого Караваджо! Любила художницу и дочь герцога Кристина. У сеньоры Артемизии были прекрасные отношения с племянником великого Микеланджело, Буонаротти-младшим, и он заказал художнице серию

картин для Дома Буонаротти. К Артемизии с уважением относился даже сам Галилей (они общались и часто переписывались, сохранилось 28 ее писем к ученому). Кстати, именно Галилей уговорил герцога Медичи заказать художнице новый вариант картины «Юдифь, обезглавливающая Олоферна».

А в 1616 году Артемизия Джентилески стала академиком флорентийской Академии живописного искусства! Впервые женщина была удостоена такой чести!

У нее была прекрасная семья, большой дом. Муж помогал ей, чем только мог — покупал краски, холсты, заключал контракты, ведь женщины в те времена не имели права вести коммерческие дела. В результате все семейные деньги сосредоточились в его руках, а он порой бывал весьма расточителен. Из-за этого росли долги, и Артемизии приходилось работать все больше и больше.

В 1619 году умер Козимо Медичи. Артемизия осталась без друга и покровителя. Кроме того, смерть пришла и в ее дом — умерли двое из ее детей. Во Флоренции ей становилось все тоскливее, можно сказать, даже невыносимо, и она решила уехать из города. Сначала в Геную — где она написала «Лукрецию» и «Клеопатру». Но, видно, в Генуе ей показалось неуютно, и она перебралась в Венецию, а оттуда вернулась в родной Рим.

Когда-то там Артемизия подверглась унижениям, но теперь она со-

всем другая — сильная, смелая, и она — художник!

Поначалу отец и братья приняли ее без особого энтузиазма — она вернулась в отчий дом, не получив разрешения, без денег, но с долгами. Со временем все понемногу наладилось, ведь она умела работать, и это ее родственники знали хорошо.

А вот отношения с мужем становились все хуже и хуже — ему было невыносимо видеть, что она превосходит его в искусстве, невыносимо было оставаться в ее тени. И он начал ей потихоньку изменять. «Ты обещал любить только меня!» — Она была в отчаянии, столкнувшись в очередной раз с ложью и мужским коварством. Предательство собственного мужа, человека, с которым она столько пережила, вынести было невозможно, и через год после возвращения в Рим их брак окончательно распался.

Теперь Артемизия снова одна. Зато она была свободна и буквально покорила Вечный город, став своей в высшем обществе, ее друзья — послы и аристократы, художники и литераторы, — с удовольствием заказывали ей свои портреты. А еще она писала огромные полотна на исторические и библейские темы.

Однако очень часто большие, действительно важные заказы уходили художникам-мужчинам. В церкви ее не приглашали, алтари доверяли только мужчинам. А на ее долю оставались только натюрморты да портреты.

В 1629 году Артемизия переехала в Неаполь. Тогда город жил под властью испанской короны, а испанские короли всегда привечали художников, поэтому она быстро нашла своих почитателей. Среди ее

заказчиков — самые знатные особы, и даже коронованные: Филипп IV Испанский, Людовик XIII, представители духовенства. Многие ее работы были столь популярны, что ее часто просили делать авторские копии. Именно в Неаполе ей впервые поручили расписать храм — украсить стены церкви в городке Поццуоли под Неаполем. Это была настоящая победа!

Там же, в Неаполе, Артемизия основала свою художественную школу. Но времени на все не хватало, и она попросила братьев ей помочь. Отца уже в это время в Италии не было — с 1625 года он работал при дворе английского короля, в Лондоне. Откликнувшись на просьбу, братья приехали в Неаполь. Но любовь к деньгам оказалась сильнее братской, и они порой без зазрения совести обманывали сестричку, кладя в собственный карман ее заработки, — так, известно, что они самым наглым образом присвоили 200 пиастров, полученных от герцога де Гиза.

А между тем конкуренция среди неаполитанских художников была невероятно остра, и в дело порой шли самые низкие методы — тут и порча красок, и поножовщина, и отравления. Артемизия попросила у городских властей разрешить ей иметь в своем доме оружие. *«Я должна суметь защитить себя и своих дочерей!»* — убеждала она.

Понемногу мода на стиль Караваджо стала проходить, и умная Артемизия решила изменить свою

Слева:
«Ангел»

«Купание
Вирсавии»
(один
из вариантов)

манеру письма. И снова Неаполь оказался у ее ног! Ее картины считали шедеврами, в ее честь поэты слагали стихи. К примеру, такие:

*Кто создал твою кисть, если
не бог любви?*

*Он сотворил тебя из своих
крыльев...*

Но денег по-прежнему не хватало. У нее подрастали две дочери, причем отец одной был не известен.

(Артемизия не отдала ее в монастырь, как было принято в те времена в таких случаях, а воспитывала сама). В 1637 году она выдала замуж старшую дочку, и теперь нужно было копить деньги на приданое младшей. А ждать помощи неоткуда!

В начале 1638 года Артемизия получила письмо от своего отца Орацио, служившего придворным художником короля Англии Карла I. Итальянский художник покорила английскую знать утонченным арис-

Справа:
*«Джаил
и Сисара»*

*«Мадонна
с младенцем»*

тократизмом своего искусства. Но ему уже исполнилось 74 года. «Я стар, а мне нужно закончить росписи потолка большого вестибюля в королевской резиденции в Гринвиче. Это «Аллегория Мира и Искусства», и я задумал написать огромное количество муз. Только ты способна мне помочь воплотить в жизнь мой замысел», — писал старый художник. И Артемизия, не раздумывая, бросила все и отправилась к отцу в Лондон. Долго работать вместе не пришлось — через год отец внезапно скончался.

Артемизия прожила в Англии после этого еще почти два года — ей надо было завершить работу в Гринвиче. Под всеми написанными в это время картинами она ставила подпись: «Орацио и Артемизия Джентилески».

Тем временем в Англии началась гражданская война. Пуритане с безумным восторгом разрушали пропитанные католическим духом произведения искусства. Все это испугало Артемизию и заставило ее поторопиться с возвращением в Неаполь.

А там нужно было зарабатывать деньги, чтобы выдать замуж вторую дочь. И она начала работать над полотнами «Эсфирь перед Агасфером», «Самсон и Далила», «Сусанна», «Джаил и Сисара», сделала несколько вариантов «Купающейся Вирсавии».

Годы шли, Артемизия старела, сил становилось все меньше, да и мода на ее искусство проходила, ведь в Неаполе всегда было много ярких художников. На смену художнице пришли новые, молодые, талантливые, и о ней постепенно забыли. Она умерла в 1653 году, по всей видимости, от чумы, косившей тогда всех без разбора — и знатных, богатых, и безродных бедняков. Никто так и не знает, где похоронена первая женщина — академик ста-

рейшей в мире Флорентийской академии художеств.

Об Артемизии Джентилески вспомнили лишь в XX столетии, когда итальянский искусствовед Роберто Лонги отметил ее роль в распространении караваджизма в Европе, а в 1970 году международная феминистская организация назвала Артемизию первой феминисткой в истории человечества.

Сегодня полотна первой леди живописи украшают лучшие музеи мира, ими гордятся самые известные частные галереи, их за очень большие деньги продают на аукционах. Она снова знаменита, эта женщина, сумевшая защитить свою честь и стать в искусстве вровень с мужчинами тогда, когда это было практически невозможно. □

ДМИТРИЙ БРУСНИКИН

Дмитрий Брусникин — известный режиссер театра и кино, актер, сценарист, театральный педагог, заслуженный артист России и заслуженный деятель искусств Российской Федерации. В его творческом арсенале огромное количество фильмов и сериалов: «Петербургские тайны» (где он великолепен в роли князя Шадурского), «Марш Турецкого», «Сыщики», «Огнеборцы», «Любовь на острие ножа...» и других. А как режиссер он снял сериалы «МУР есть МУР», «Закон и порядок», «Мститель», «Ищайка».

«Театр — это то, что происходит здесь и сейчас»

— Дмитрий Владимирович, расскажите, пожалуйста, что нового происходит в вашей творческой жизни сегодня?

— В январе состоялась премьера спектакля «Сван», по пьесе Андрея Родионова и Екатерины Троепольской, в постановке режиссера Юрия Квятковского. Осенью этого года планируем выпустить спектакль — вербатим «Транссиб».

Прошлым летом я снял для Первого канала шестнадцатисерийный фильм «Ищейка», теперь ждем его выхода на экран.

«Мастерская Дмитрия Брусникина» совсем недавно вернулась в Москву. В начале февраля мы отправились со студентами-первокурсниками, а их у нас двадцать девять ребят, с тремя молодыми драма-

тургами во главе с Андреем Стадниковым и с режиссером Юрием Квятковским, а также небольшой группой документалистов поездом во Владивосток. Нашей задачей было во время путешествия познакомиться ближе с нашим народом, узнать, как и чем живут простые люди. Собрать портреты наших соотечественников.

У нас есть спектакль «Это тоже я. Вербатим». Когда он создавался, в 2011 году, студенты тоже знакомились с разными людьми в поликлиниках, магазинах, электричках, на митингах, брали у них интервью. В то время к нам присоединился Андрей Стадников, он обрабатывал и отбирал материал для спектакля. Сейчас мы делаем продолжение этой истории.

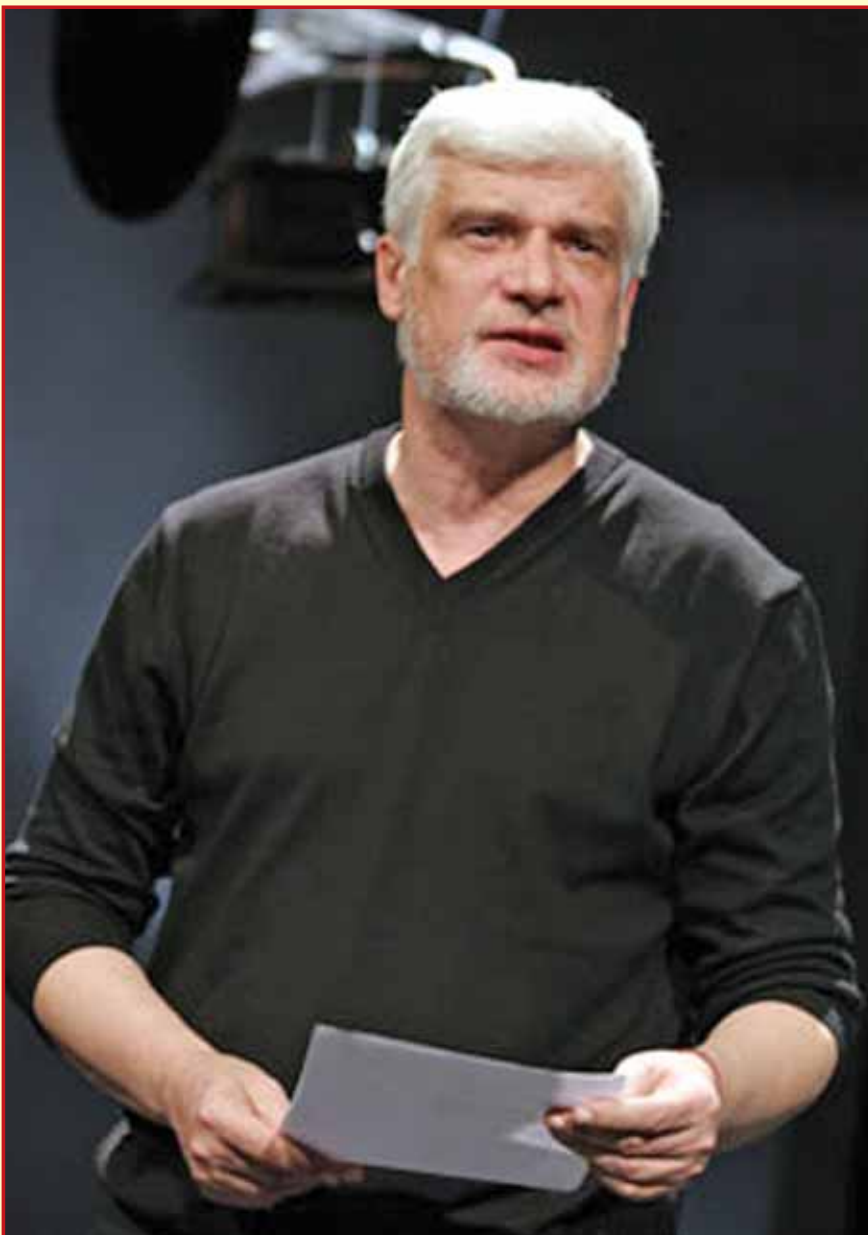
— Вы рано начали педагогическую деятельность?

— Я — ученик Олега Николаевича Ефремова, его учеником является и моя жена — режиссер Марина Брусникина, его учеником был мой друг, рано ушедший из жизни, Роман Козак... Как-то получилось так, что мы сразу по окончании школы-студии МХАТ пришли на службу в Художественный театр, и Олег Николаевич предложил нам быть ас-

систентами у замечательных педагогов: Аллы Борисовны Покровской и Андрея Васильевича Мягкова. С тех пор и по сей день я преподаю в школе-студии МХАТ.

— Чем отличаются ваши студенты-первокурсники от тех, которые были восемь лет назад?

— Очень отличаются даже от тех, которые были четыре года назад! Педагогикой я занимаюсь давно, и

каждые четыре года — студенты абсолютно разные. Они — другие... Ведь многое вокруг меняется, время, люди... Сейчас другое поколение студентов. Это люди, рожденные в России. Рожденные совсем в другое время, поэтому у них нет комплексов, зажатости. Мне нравится их искренность, чистота, бесстрашие.

Студенты и мне многое дают, мне интересно, какую музыку ребята любят, что они читают, о чем мечтают.

— Вы — строгий педагог?

— Это у них нужно спросить. Говорят, что не очень — хотя немного и побаиваются. Педагог не должен быть ментором. В обучении должно быть все гармонично.

— Расскажите, пожалуйста, о «Мастерской Дмитрия Брусникина»...

— Очень важно, что в мастерской преподают выпускники нашей первой, самостоятельной мастерской, созданной с Романом Козаком: Юрий Квятковский, Сергей Щедрин... Сегодня я всецело занят формированием своего театра.

Официально мы принадлежим театру-студии «Человек», кроме того, играем спектакли на площадке «Боярские палаты» (Союз Театральных деятелей на Страстном), в театре «Практика», в «Театре дос.», на сцене завода «Кристалл», а на сцене Центра Мейерхольда идет постановка «Конармия» по Исааку Бабелю.

— Все ли студенты остаются в профессии по окончании школы-студии МХАТ?

— Наша школа-студия выпускает высокий процент актеров, наших учеников везде много. Драматический театр имени Пушкина на пятьдесят процентов состоит из наших выпускников, его художественный руководитель Евгений Писарев тоже наш выпускник.

— А кто были ваши учителя?

— Олег Николаевич Ефремов, Алла Борисовна Покровская, Роман Ефимович Козак...

Ефремов был уникальным человеком! Удивительным! Дон-Кихот Театра. Он всю свою жизнь посвятил театру и жил им всецело. Такой преданности идеям театра, заложенным Станиславским, я не встречал. Олег Николаевич был еще уникальным актером. В работе над произведением, над постановкой он пол-

ностью растворялся, да так, например, что сам Александр Сергеевич Пушкин был его другом, так он много знал о поэте, досконально изучал его творчество и жизненный путь.

— Дмитрий Владимирович, что вообще такое, по вашему мнению, театр?

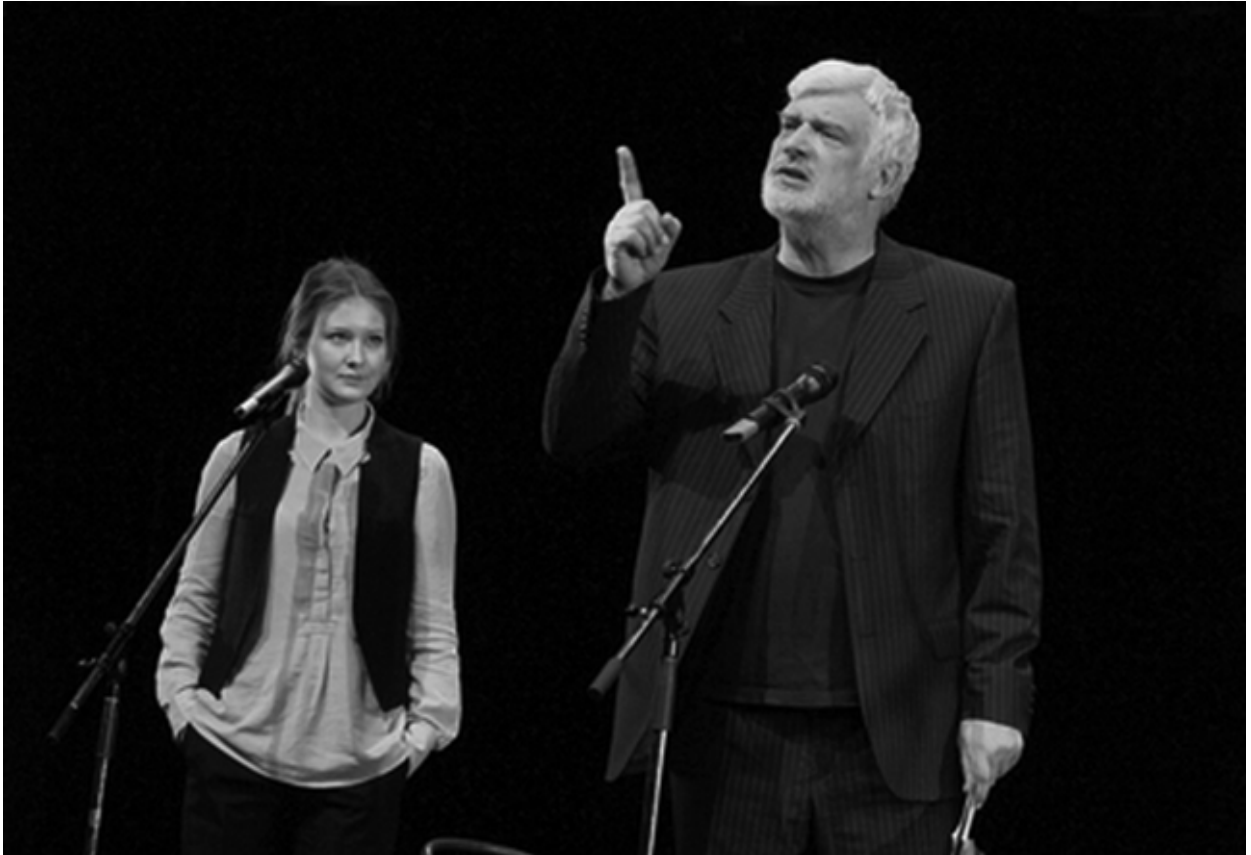
— Это такая институция, которая не может на самом деле, как это ни печально звучит для многих деятелей театра, базироваться на традициях. Потому что мы отстаиваем некие традиции, запираем стены, запираем двери, ключи прячем и никого туда не пускаем, живем в этих традициях, не видя, не слыша мира, не слыша жизни и говоря: «Мы занимаемся искусством». Это, мягко говоря, обман.

Театр — это то, что происходит здесь и сейчас, в данный момент. И, конечно, актеры, занятые в каком-либо спектакле, что-то несут из реальной жизни, из того, что происходит за окном — причем, так же, как и зрители. И когда возникает между ними общий диалог — тогда случается театр.

Театр не может быть несовременным, не может быть музеем. Он существует для того, чтобы анализировать время и отражать его.

— Какие люди вам нравятся, кто особенно близок по духу?

— Я вообще люблю людей. Спектакль нашей мастерской «Это тоже я» — о познании человека. Как рас-

смотреть человека? Как увидеть в нем уникальность и не случайность его появления на свет? Надо уметь понять его, разглядеть в человеке доброту, трогательность, искренность...

— Есть ли у вас какие-либо предпочтения в кинематографе?

— Я не буду никого выделять. Люблю авторское кино. Кинематограф, собирающий деньги, делающий деньги, меня, как зрителя, не привлекает. Бывая на отдыхе, беру с собой список фильмов, которые мне нужно увидеть, и смотрю их, как, например, фильмы Андрея Звягинцева.

— А где вы любите отдыхать?

— В Индии. Десять дней в году с женой проводим там. Индия — очень

интересная, своеобразная страна, кроме того, там можно не только хорошо отдохнуть, но и сосредоточиться на себе, полностью расслабиться. Я не медитирую, хотя умею это делать.

Вообще, я грибы очень люблю собирать, и знаю в них толк, но, увы, из-за постоянной занятости это случается крайне редко. Нет времени заняться садом, мой дед, по линии отца, был известным садоводом.

— Что вы могли бы пожелать самому себе?

— Удачи, и еще раз удачи! □

Беседовала
Елена Воробьева

Юрий Осипов

ИСКУШЕНИЕ

Как-то летом в середине тридцатых Михаил Афанасьевич встретился предзакатной порой на общем балконе с соседом по площадке, известным кинодраматургом Евгением Габриловичем. Булгакова к тому времени уже не ставили

Михаила Булгакова

и не печатали, и в обществе укрепилось мнение, что он сошел на «нет». Поэтому больше из вежливости, с целью поддержать разговор, Габрилович спросил: «А что вы сейчас пишете?» И Булгаков, глядя на освещенные закатным солнцем крыши, ответил: «Так, вещичку». «Вещичкой» «в стол» был роман «Мастер и Маргарита».

...Закончив диктовать жене его последнюю страницу, умирающий Булгаков откинулся на подушку и чуть слышно произнес: «Чтобы знали...» Рассчитывать тогда, в начале сорокового, на публикацию романа он не мог. Но верил, хотел верить: «Рукописи не горят!»

В мучительно-трагической жизни Булгакова, какая мало кому из больших русских писателей выпадала в прошлом веке, ему удалось устоять перед всеми соблазнами и искушениями, кроме одного — искушения государственным признанием.

Как всякий крупный художник, Булгаков был в душе государственным. Убедившись в крахе белого дела, разочаровавшись в противниках новой власти, не будучи, подобно Алексею Толстому, очарован ее размахом, он, тем не менее, предпочел восстановление Российской державы руками большевиков. И поверил в то, что может быть ею востребован. Он захотел, по определению Пастернака: «труда со всеми сообща, а заодно с правопорядком».

Не получилось. Сталин не удовлетворился булгаковской пьесой о себе. А, скорее всего, и не нуждался в ней. Он с самого начала пробовал Булгакова на излом, как пробовал до него Мандельштам, Пастернак, других. Еще в 20-е он обронил: «Дни Турбиных» — антисоветская штука, и Булгаков не наш». А затем иезуитски перекрыл автору кислород, отдав приспешникам лаконичное распоряжение: «изолировать, но сохранить».

Писатель послужил Сталину пробой на его всемогущество. Проба прошла успешно, и он писателя отбросил. А тот с горечью осознал: никакой мистической, как ему казалось, связи между ними не было и нет. Зато уже существовал роман, который вынес приговор тирану и его эпохе с такой художественной мощью, с таким торжествующим смехом, каких еще не знала мировая литература.

Булгаков до последнего часа правил и дописывал свое бессмертное произведение, не находя его законченным. Вот ведь и Мастеру Воланд говорит в финале: «Ваш роман прочитали и сказали только, что он не окончен». Увы, в жизни у Булгакова все окончилось до срока. И не так, как надо.

Михаил Афанасьевич Булгаков родился 15 мая 1891 года в Киеве. Семья профессора кафедры западных вероисповеданий Афанасия Ивановича Булгакова была большой и

дружной. У старшего Михаила имелись еще четыре сестры и два брата. Счастливое детство и беспечальная юность прошли в уютном отчем доме на Андреевском спуске,

в «матери городов русских», где возник за века удивительный сплав русского языка и культуры с сочным украинским говором, пестрым бытом, малороссийскими песнями и обычаями. В «Белой гвардии» Булгаков передаст эту неповторимую атмосферу имперского Киева, который назовет Городом и в котором поселит на родном Андреевском спуске семью Турбиных.

Твердая рука матери Варвары Михайловны на всю жизнь определила для Булгакова, что есть добро, а что зло (праздность, уныние, эго-

изм). В свою очередь, образованность и трудолюбие отца, допоздна засиживавшегося у себя в кабинете, привили будущему писателю основы подлинной интеллигентности, которая его отличала.

В 1909 году юноша окончил Первую киевскую гимназию и поступил на медицинский факультет Киевского университета. Выбор профессии оказался отнюдь не случаен. Оба брата матери, Николай и Михаил Покровские, были врачами. Один — в Москве, другой — в Варшаве, и оба хорошо зарабатывали. Хорошо

зарабатывать любивший жизнь и все ее удовольствия Михаил Афанасьевич мечтал всегда. Но это ему, увы, не удавалось.

В университете Булгаков проучился семь лет. Имея освобождение от воинской службы по состоянию здоровья (почечная недостаточность, от которой умер его отец), он подавал рапорт для службы врачом на флоте. После отказа медкомиссии попросился добровольцем Красного Креста во фронтовой госпиталь, в чем ему также было отказано, а в октябре шестнадцатого получил, наконец, диплом лекаря. «Профессия врача казалась мне блестящей», — напишет он.

На университетские годы пришла не только смерть отца, но ранняя, вопреки воле матери, женитьба на юной Татьяне Лаппа, только что окончившей гимназию. Согласие стать женой Михаила Татьяна дала после того, как сделала от него аборт, а денежные затруднения начались у них уже в день свадьбы.

«Фаты у меня, конечно, никакой не было, — вспоминала Татьяна Николаевна, — подвенечного платья тоже — я куда-то дела все деньги, которые отец прислал. Мама приехала на венчание — пришла в ужас».

Отец Татьяны ежемесячно присылал дочери 50 рублей, сумма по тем временам немалая. Однако Михаил не любил экономить, будучи, что называется, человеком порыва. Мог на последние деньги проехать на такси.

Мировая война быстро отрезвила молодого врача, вызвала его стремительное взросление. После выпуска из университета он добровольно отправился работать в один из киевских госпиталей, куда прибывали с фронта раненые. Страдающие от ран, умирающие в муках люди стали его врачебным крещением, первым серьезным жизненным опытом, который лег затем в основу писательского творчества. «Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто», — вырвется у Булгакова через несколько лет на страницах «Белой гвардии».

Каждодневная хирургическая практика в прифронтовой зоне, затем в маленьких земских больницах Смоленской губернии, куда Булгаков в 1916 году получил назначение, не оставляли времени упадническим настроениям.

Тася (так ласково звал Татьяну Булгаков) стоически разделила с мужем все тяготы лекарской жизни в сельской глуши. В первую же ночь привезли роженицу. Обезумевший от страха за жену муж угрожал растерянному доктору пистолетом и кричал: «Если умрет, убью!» Роды принимали вместе. Тася зачитывала из справочника по гинекологии нужную страницу, а Михаил старался точно следовать инструкции. К счастью, все закончилось благополучно.

Через некоторое время Булгакова мобилизовали на фронт военврачом. Татьяна, по примеру жен

декабристов, последовала за мужем. Сестрой милосердия наравне с ним ухаживала за ранеными в госпиталях. *«Держала ноги, которые он ампутировал. В первый раз было дурно, потом ничего»*, — писала она в своих воспоминаниях.

После возвращения с фронта Михаил Афанасьевич работал земским врачом в деревеньке Сычовка под Смоленском. Туда же отправилась с ним и Татьяна. Пациентов было много, большинство из них умирали от голода и отсутствия лекарств, а молодой врач ничем не мог им помочь. Именно тогда он пристрастился к морфию. Поначалу с целью облегчить аллергические реакции на антидифтеритный препарат, который принял, опасаясь дифтерии после проведенной операции, затем прием морфия стал регулярным в результате возникшей наркозависимости. Избавляться от нее писатель будет долго и трудно.

Жизнь с наркоманом — нелегкое испытание, особенно в условиях разрухи и безденежья. Чтобы купить на черном рынке морфий, приходилось продавать самые насущные вещи. Во время ломок Булгаков становился агрессивен, угрожал жене оружием, однажды швырнул в нее горящий примус. А то начинал плакать, умоляя Татьяну не сдавать его в приют для наркоманов. Тасе вновь пришлось делать аборт — боялись, что ребенок родится больным.

В феврале семнадцатого Булгаков все же поехал в Москву лечить-

ся от наркомании. Однако помогли не врачи, а все та же верная жена. Супруги вернулись в Киев, и там Татьяна начала все больше разбавлять каждую дозу морфия дистиллированной водой...

Пока Михаил вырослел и набирался врачебного опыта в провинции, в обеих столицах бушевал революционный шторм. Отречение царя. Февральская смута. И, наконец, октябрьский переворот... *«Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его. Недавно в поездке в Москву и Саратов... я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица. Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок... Пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах...»* (из письма Михаила Булгакова 31 декабря 1917 года сестре Надежде).

Возвратившись с женой в Киев, Булгаков открыл частную практику врача-венеролога (совсем как Алексей Турбин в романе и пьесе). А уже в феврале девятнадцатого был мобилизован военврачом в армию марионеточной Украинской Народной Республики гетмана Скоропадского. Вся кровавая «оперетка» с бегством переодетого германским офицером гетмана и сдачей города Петлюре,

о которой говорит покидающий Киев в последнем немецком эшелоне муж Елены, Тальберг, разворачивалась у Булгакова на глазах.

Потом, судя по его воспоминаниям, он оказался в деникинских войсках, где служил военврачом 3-го Терского казачьего полка. Можно лишь догадываться, какой жизненный опыт и какие знания о Гражданской войне вынес писатель из этих смертельно опасных мытарств.

Непостижимым образом Булгаков успел еще в том роковом году поработать врачом Красного Креста, после чего вновь очутился на

упрекал, что она не вывезла его тогда, больного, из России, пока в черноморских портах грузились на суда эвакуировавшиеся войска и беженцы. Счастливая случайность, подарившая нам «Мастера и Маргариту», в эмиграции Булгаков свой шедевр точно бы не написал. Откуда он взял бы там ту пеструю и таинственную жизнь Москвы 20-х-30-х годов, которая составила сюжетную основу романа...

Пока Булгаков болел тифом, Татьяна металась по разграбленным улицам в поисках врача, продавала за бесценок остатки украшений, что-

Т

вердая рука матери на всю жизнь определила для Михаила, что есть добро, а что — зло. В свою очередь, образованность и трудолюбие отца привили будущему писателю основы подлинной интеллигентности, которой он отличался

медицинской службе в отступавших под ударами красных белогвардейских частях. «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Но 1919-й был его страшней». Эти чеканные слова, обозначающие два разных летоисчисления, звучат рефреном романа.

Вместе с Добровольческой армией военврач Булгаков и его жена попали на Северный Кавказ. А там он свалился в тифозной горячке на руках у Таси. Ее потом писатель не раз

бы купить выздоравливавшему мужу еды. Она продала даже их обручальные кольца и считала этот продиктованный отчаянием поступок причиной случившегося позднее ее развода с Михаилом.

Выздоровев, Булгаков оставил медицину и начал сотрудничать с местными газетами в захваченном большевиками Владикавказе, не скрывая (!) своей приверженности белой идее и пророча России долгое отставание от Запада. Он чудом уцелел при чекистском терроре

*Первая жена
Михаила
Булгакова —
Татьяна
Лапина*

и чистках и впоследствии распространяться на эту тему не любил. Зато с удовольствием вспоминал свои первые шаги на журналистском поприще.

Хлесткие статьи и фельетоны пошли у него косяком. И — главное — тогда же появились его первые драматургические опыты. «Я запоздал на 4 года с тем, что я давно должен был начать делать — писать», — признавался он в письме двоюродному брату в феврале 21-го.

На сцене городского театра шли его одноактная юмореска «Самооборона», «Сыновья муллы», «Парижские коммунары» и уже достаточно продуманная драма «Братья Турбины» (прообраз классической пьесы «Дни Турбиных», выросшей из романа «Белая гвардия»). С самого начала очень требовательный к себе автор оценил ее так: «наспех сделанная, незрелая вещь...» О «Сыновьях муллы» он с горьким юмором написал брату: «Их писали втроем: я, помощник поверенного и голодуха».

«Голодуха» в том же году погнала Булгакова в Москву, куда в поисках заработка съезжались литераторы со всех концов истерзанной войной и разрухой страны. В голодной и холодной столице, тем не менее, открывались частные издательства, торговали книжные лавки, возникали литературные кружки и объединения. Начинаящий писатель с увлечением окунулся в эту новую для него жизнь. Но прежде пристроился в легендарную газету профсоюза железнодорожников «Гудок», где трудились Олеша, Катаев, Паустовский, Зощенко, Ильф и Петров. С 1922 по 1926 год в «Гудке» было напечатано более 120 булгаковских репортажей, очерков и фельетонов.

Это была иссушающая душу поденщина ради хлеба насущного, и Михаил Афанасьевич, в голове у которого теснилось множество идей и планов, относился к газетной работе как к занятию постылому и бессмысленному, хоть оно у него хорошо получалось и принесло ему известность.

Москва начала 20-х годов сыграла огромную роль в становлении Булгакова-писателя и формировании его человеческой личности. Фантасмогорический полуголодный быт с чертами социалистического уклада и колоритными типами, «угар нэпа» и бесчинства ОГПУ, кабацкая богема и явления подлинно нового искусства — все это откладывалось в творческом сознании пробующего свои силы художника. Его литера-

турный талант в эти годы окреп, а продуктивность буквально зашкаливала.

От газетных фельетонов и очерков Булгаков разом перешел к большим художественным произведениям. В самогонном чаду коммуналки, описанной в рассказе «Самогонный быт», посреди грязи и пьяных дебошей, лишенный возможности элементарного уединения, он одну за другой создает сатирические повести «Дьяволиада», «Роковые яйца» и непревзойденное «Собачье сердце».

Последнюю вещь цензура уже в печать не пропустила, она, трудно поверить, была под запретом на протяжении всей советской эпохи и дождалась публикации лишь в годы перестройки. Булгаков теперь воспринимался властью как полувраждебный «попутчик», что пока не мешало его растущей популярности. Она привлекла к нему внимание вернувшейся из-за границы Любови Евгеньевны Белозерской, которая стала его второй женой.

Тут необходимо сделать пояснение. Большой художник, как правило, эгоист в любви. Булгаков в этом плане не был исключением. Любовь играла огромную роль в его жизни, но он при этом выступал по большей части принимающей, а не дающей стороной. Татьяну Лаппа Михаил Афанасьевич любил, понимал меру ее самопожертвования. Когда в нетопленной комнате он писал по ночам «Белую гвардию», Тася приносила тазик с горячей водой и отогревала ему

заледеневшие пальцы. Он обещал никогда не расставаться с ней и все же предупреждал: *«Если встретишь меня на улице с дамой, я сделаю вид, что тебя не знаю».*

С поклонницами Булгаков в ту пору флиртовал активно. А Тася в качестве спутницы жизни известного писателя смотрелась не очень и творчеством мужа, откровенно говоря, интересовалась мало. Не то, что Любовь Белозерская, 29-летняя светская львица с богатым прошлым. Она совсем недавно разошлась с одним мужем, вновь собиралась замуж, но не сложилось, и роман с Булгаковым пришелся весьма кстати. Он же был совершенно очарован ее утонченностью, лоском, острым язычком и любовью к литературе и посвятил ей свой первый изумительный роман «Белая гвардия», напечатанный в 1925 году. А в 26-м на сцене МХАТа с огромным успехом пошла родившаяся

были изъяты рукопись «Собачьего сердца» и личный дневник. Спустя несколько лет дневник Булгакову вернули, и Михаил Афанасьевич его сжег. Он сохранился до наших дней только благодаря лубянской копии.

На страницах дневника, носящего красноречивое название «Под пятой», автор записал в 23-м году: *«Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним — писателем».*

Увы, мощное вхождение писателя в отечественную литературу оказалось не замеченным читающей публикой. Журнал «Россия», где начала печататься «Белая гвардия», вскоре закрылся, и роман остался не допечатанным. А пьесу «Дни Турбиных» разрешили играть год, и только на сцене МХАТа. Потом разрешение несколько раз продлевали, однако

П

осле возвращения с фронта Булгаков работал земским врачом в деревеньке Сычовка под Смоленском. Именно тогда он пристрастился к морфию, и избавляться от наркозависимости писатель будет долго и трудно

яся из этого романа пьеса «Дни Турбиных», ставшая второй «Чайкой» Художественного театра. И в том же 26-м ОГПУ провело у него на квартире обыск, в результате которого

ни на один театр, кроме МХАТа, оно не распространялось. Одновременно в прессе развернулась интенсивная критика творчества М. Булгакова. По его подсчетам, за десять

лет появилось 298 ругательных рецензий и лишь три благожелательных. Причем среди хулителей встречаются имена В. Маяковского и В. Шкловского...

Может быть, в силу вполне понятного недоверия к собратьям по перу, Михаил Афанасьевич уже с тех пор предпочитал водить дружбу с людьми театра, который вообще

был Булгакову ближе и интереснее. Но в 1923 году во Всероссийский Союз писателей он все же вступил. И держал удар. «Сознание своего полного, ослепительного бессилия нужно хранить про себя», — написал он тогда дружившему с ним русскому писателю В. Вересаеву. В разгар газетной травли передал Вахтанговскому театру «Зойкину квартиру», и эта сатирическая комедия о гримасах нэпманского жителя-бытия пошла там «на ура».

Женившись вторично, Михаил Афанасьевич не забывал первую жену — навещал Тасю, иногда приносил продукты, помогал. Подарил номер журнала с началом «Белой гвардии». Посвящение Любе объяснил так: «Она меня попросила. Я чужому человеку не могу отказать, а своему — могу». Татьяна швырнула журнал на пол. Больше они не виделись. Татьяна Лаппа впоследствии снова вышла замуж, прожила до 90 лет и умерла в Туапсе.

В Москве с большим успехом прошла в Камерном театре Таирова премьера булгаковского «Багрового острова». О смелости пьесы восхищенно заговорила зарубежная пресса. Пьеса шла на сцене, опять-таки одного только этого театра, полгода, более 60 раз! Потом ее сняли безвозвратно. На «Дни Турбиных» невозможно было попасть. «Зойкина квартира» фактически кормила коллектив вахтанговцев, и цензура терпела ее до поры до времени. В театральном сезоне 1927–28 года, на

фоне репертуарного кризиса лучших театров страны, вынужденных перебиваться безликими агитационными пьесами, Булгаков оказался самым востребованным драматургом.

Но его набиравший силу успех столь же стремительно оборвали. Следующая трагическая пьеса «Бег» (1928) на сцену уже не попала. К 1930 году из репертуаров театров будут изъяты «Зойкина квартира» и временно «Дни Турбинных». «Бег» — это пронзительная история о тех, кто покинул родину. Примечательно, что вопрос о постановке «Бега» четыре раза рассматривался на заседаниях Политбюро. В итоге второго появления на сцене белых офицеров в год сталинского «великого перелома» оно не допустило. В отчаянии Михаил Афанасьевич 28 марта 1930 года отправил письмо правительству, в котором, признавая, что «попыток сочинить коммунистическую пьесу даже не производил», настоятельно просил: или отпустить за границу, или дать работу, иначе «нищета, улица, гибель».

К тому моменту у него в столе уже лежала новая пьеса — «Кабала святош», посвященная пушкинской теме — художник и власть. Взаимоотношения Мольера и его изменчивого покровителя, «короля-Солнце» Людовика XIV показаны здесь изнутри и рождают невольные ассоциации с самим автором пьесы. Высоко ценящий драматургию Мольера, король, тем не менее, лишает его свое-

го покровительства, когда тот осмелится высмеять в комедии «Тартюф» членов религиозного «Общества свя-тых даров».

Булгаковскую пьесу, получившую впоследствии название «Мольер», МХАТ репетировал в течение шести лет и в начале 1936 года выпустил спектакль. Распоряжением сверху он был снят с репертуара после семи аншлаговых представлений. Больше ни одной своей пьесы Булгаков на сцене не увидит. Ни сатирическую утопию «Адам и Ева» (1931) о будущей газовой войне, в резуль-

вительству стал телефонный звонок Сталина, посоветовавшего Булгакову подать заявление о приеме на работу во МХАТ. За границу его, в отличие от диссидента Е. Замятина, не выпустили. Выхода не оставалось, и свободный художник превратился в театрального служащего — ассистента режиссера. В этом качестве он участвовал в создании спектакля по своей инсценировке «Мертвых душ» (по убеждению знатоков, лучшей из всех существовавших). Будет еще прекрасная инсценировка «Дон Кихота». Ноча-

М

осква начала 20-х годов сыграла огромную роль в становлении Булгакова-писателя. Фантасмогорический быт с его колоритными типажам, угар «нэпа» и появление подлинно нового искусства — все это откладывалось в его творческом сознании. Литературный талант Булгакова в эти годы окреп, а продуктивность буквально зашкаливала

тате которой в Ленинграде осталась в живых лишь кучка людей, ни драму «Последние дни» (1935) о Пушкине без Пушкина, ни сатирическую комедию «Иван Васильевич» (1936), хорошо знакомую нам по фильму «Иван Васильевич меняет профессию».

Не увидит больше великий писатель и ни одного своего напечатанного произведения. Над ним сомкнулась завеса глухого молчания. Результатом его обращения к пра-

ми же Булгаков продолжал вдохновенно сочинять «роман о дьяволе». Тогда на полях рукописи появилась надпись: «Дописать прежде, чем умереть». Роман осознавался автором как главное дело жизни.

В сложной личности Михаила Булгакова переплеталось многое — гордость, самолюбие, внутренняя независимость, стойкость. Не только в периоды неплохих литературных заработков, но даже в годы беспросветной нужды этот человек

*Вторая
жена —
Любовь
Белозерская*

не позволял себе ни малейшей небрежности в своем внешнем облике. Знавшие Михаила Афанасьевича по Москве хорошо запомнили посреди массовых толстовок, блуз, френчей и парусиновых туфель зари социализма его отутюженные брюки, крахмальные воротнички под галстук-бабочку, белоснежные манжеты с запонками и до зеркального блеска начищенные штиблеты. Еще он носил изумлявший многих

барский монокль, наверное, больше ради форса, нежели по необходимости, и чопорной манерой одеваться как бы дистанцировался от вульгарной толпы современников, акцентируя свою старомодность или, по тогдашнему выражению, «старорезжимность». Это перекликалось с его манерой письма — подчеркнуто традиционной, классической и при этом ошеломляющей необычностью и новизной содержания.

И в жизни и в литературе Булгаков держался особняком, даже когда весной 34-го вступил в созданный на первом съезде советских писателей большой и с тех пор единственный писательский Союз, благополучно просуществовавший до развала СССР. Правда, любил посидеть с друзьями в Дубовом зале знаменитого ресторана на Поварской, который был передан Союзу писателей под их творческий клуб.

Из писателей, помимо упоминавшихся уже Вересаева, Волошина и Замятина, Михаила Афанасьевича связывали дружеские отношения с Анной Ахматовой. Они познакомились в 1933 году в Ленинграде на обеде у художника Н. Радлова. Потом виделись в Москве во время приездов Анны Андреевны, хлопотавшей за арестованного сына и сосланного, а затем погибшего в лагере Мандельштама. Ахматова восхищалась произведениями Булгакова. Он же стихов Ахматовой не любил, но высоко ценил ее поэтический талант, эрудицию и человеческое достоинство. Она на него за равнодушие к своим стихам не обижалась.

Выдающаяся актриса Фаина Раневская вспоминала, как во время войны в эвакуации в Ташкенте, часто ночуя у Ахматовой, она, лежа на полу (вторая кровать в комнатке не помещалась), слушала «Мастера и Маргариту». То был подаренный автором один из размноженных экземпляров рукописи романа.

Памяти Булгакова посвящено замечательное ахматовское стихотворение: «...Ты так сурово жил и до конца донес \\ *Великолепное презренье. \\ *Ты пил вино, ты как никто шутил \\ *И в душных стенах задыхался, \\ *И гостью страшную ты сам к себе впустил \\ *И с ней наедине остался».*****

«Боги, боги мои!.. Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весной мимозами? Не знаю. Мне неизвестно. Очевидно, она говорила правду. Ей нужен был он, мастер, а вовсе не готический особняк, и не отдельный сад, и не деньги».

В феврале 1929 года в жизнь Булгакова вошла женщина, ставшая его третьей и последней женой, главным прообразом героини «Мастера и Маргариты». На момент встречи с писателем Елене Сергеевне Нюрнберг (по второму мужу — Шилловской) исполнилось 36 лет. Ее первый муж, армейский офицер Г. Неелов, с которым они поженились в восемнадцатом году, был сыном известного драматического актера, а затем не менее известного анархиста Мамонта Дальского. В девятнадцатом он вступил в ряды 16-й армии Западного фронта и получил назначение адъютантом командующего. Жена отправилась с ним. Тогда и произошло их знакомство с на-

чальником штаба армии Евгением Шиловским. Брак Елены Сергеевны с Нееловым вскоре был расторгнут, и в 1921 году она вышла замуж за Шиловского. У них родился сын Евгений, потом — второй сын, Сергей.

Несмотря на завидное семейное положение, Елена не чувствовала себя счастливой. В письме к сестре она признавалась: *«Ничего меня дома не интересуется... я не знаю, куда бежать, но очень хочется... Я остаюсь одна со своими мыслями, выдумками, фантазиями, неистраченными силами. Я или... сажусь на диван и думаю, думаю, думаю без конца, или — когда солнце светит на улице и в моей душе — брожу одна по улицам».*

Так продолжалось все годы до встречи ее с Булгаковым у общих знакомых, куда они были приглашены на блины. За столом оказались рядом, и любовь действительно «выскочила» перед ними, «как выскакивает убийца из-за угла», и поразила обоих. *«У меня развязались какие-то завязочки на рукаве... я сказала, чтобы он завязал мне, — вспоминала Елена Сергеевна. — И он потом уверял всегда, что тут-то и было колдовство, тут-то я и привязала его на всю жизнь».* «Вся жизнь» — это, увы, лишь восемь лет, отпущенных им судьбой до смерти писателя. И то не сразу.

Они встречались каждый день — генеральная репетиция в театре,

лыжные прогулки, актерский клуб, где Булгаков играл на бильярде с Маяковским...

Их отношения развивались неотвратимо. Дошло до того, что Елена Сергеевна часто бывала в доме у Булгаковых, подружилась с Любовью Евгеньевной. А в марте 1930 года, несмотря на «жесткое противодействие» Шиловского, помогала Михаилу Афанасьевичу печатать и разносить его знаменитое Письмо Правительству.

Муж Елены Сергеевны узнал о ее любовной связи, и между ним и Булгаковым состоялся тяжелый разговор. Михаил Афанасьевич дал Шиловскому обещание больше не встречаться с Еленой Сергеевной. «Несчастье случилось 25.II.1931», — записал он на обороте последнего листа «Белой гвардии». Это был день их последней, как они думали, встречи.

Они не виделись 15 месяцев. Встретились вновь при посредстве общего приятеля в ресторане «Метрополь». И поняли, что продолжают любить друг друга. Елена Сергеевна уехала, забрав детей, в Лебедянь под Липецком и написала оттуда мужу с просьбой отпустить ее. Шиловский благородно согласился, но все же вызвал Булгакова для последнего разговора, не позволив Елене Сергеевне при нем присутствовать. Позже она рассказывала М. Чудаковой, что во время этого разговора атмосфера накалилась. В какой-то момент Шиловский схва-

*Третья
жена —
Елена
Шиловская*

тил служебный пистолет, а Булгаков спокойно сказал: «*Не будете же вы стрелять в безоружного? Дуэль — пожалуйста...*»

Болезненный разрыв с мужем состоялся. 10-летний Евгений остался с отцом, 5-летний Сережа переехал с матерью к Булгакову. 3 октября 1932 года был расторгнут его брак с Л. Белозерской, а 4 октября он заключил брак с Еленой Сергеевной. Первая жена писателя, Татьяна

Лаппа, рассказывала, что Михаил Афанасьевич не раз говорил ей: «Я должен жениться три раза!» Это будто бы ему посоветовал А.Н. Толстой, считавший троекратный брак ключом к литературному успеху. Елена Сергеевна вспоминала другое: якобы еще в Киеве гадалка предсказала Булгакову, что он женится трижды. В любом случае оба не сомневались в предрешенности своего союза.

В 1934 году семья переехала с Пироговки в большую благоустроенную квартиру в писательском доме в Нащокинском переулке. Это произошло после вступления Булгакова в Союз писателей, который был создан на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, прошедшем в том же году в Колонном зале Дома Союзов под председательством А.М. Горького. Решение пресловутого «квартирного вопроса» не повлияло, однако, на запрет публикаций и постановок булгаковских произведений.

своей внешностью, пользовалась лучшими духами, восхищала всех изысканными туалетами, а обувь шила на заказ. К тому же обаяние личности этой удивительной женщины действовало неотразимо.

Понимая масштаб таланта мужа, она целиком посвятила себя ему. Писала под его диктовку, перепечатывала готовое, вела договорные дела с издательствами и театрами (договора-то с Булгаковым еще заключали, только дальше ничего, кроме инсценировок и либретто, не получалось). Наконец, огромной

В

30-е годы Булгаков больше не увидит ни одну свою поставленную пьесу и ни одного напечатанного произведения. Над ним сомкнулась завеса глухого молчания

Для Михаила Афанасьевича Елена Сергеевна оказалась поистине идеальной женой. Будучи светской дамой, она, тем не менее, сумела обеспечить ему комфортный быт, создать в доме атмосферу красоты и уюта. Даже при отсутствии его прежних заработков стол у них всегда отличался изобилием и собирал многочисленных гостей. Но денег на жизнь катастрофически не хватало, и Елена Сергеевна, подрабатывавшая переводами, умудрялась вести хозяйство так, чтобы эта нехватка была незаметна. Причем она по-прежнему тщательно следила за

заслугой Елены Сергеевны является сохранение булгаковского архива — всех неопубликованных шедевров мастера, рукописи которых она успела перепечатать, а также дневников, вариантов, писем. И во многом благодаря ее невероятной энергии и упорству спустя десятилетия после смерти писателя увидели свет его неизданные произведения, а среди них — «Театральный роман» и «Мастер и Маргарита», который она знала наизусть.

Итоговое творение писателя, целиком забравшее остаток его жизни, начиналось в ранних редакциях

еще во второй половине 20-х годов, и задумано было поначалу как апокрифическое «евангелие от дьявола». Будущие герои, давшие название окончательному варианту произведения, там отсутствовали. С годами первоначальный замысел все более усложнялся, трансформировался, вбирал в себя трагическую судьбу самого автора, а с появлением в жизни Булгакова Елены Сергеевны в роман вошла женщина, Маргарита.

«Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал, значит, был не настоящий». Это слова самого Булгакова (из письма Сталину 30 мая 1931 года). Он продолжал писать, окруженный нападками и стеной молчания, избрав для себя труднейший путь: путь независимой личности, которая твердо защищает от любых посягательств свой внутренний мир, свои мечты и стремления, свое индивидуальное бытие, и не желает покорно принимать навязываемые ей извне правила.

Вот почему в тоталитарной советской России 30-х годов драматургия и проза Булгакова становились еще более неприемлемы, нежели в 20-е. Неприемлемо было все — идеи, характеры, сюжеты и особенно мысли героев. Из снятой в 1932 году с репертуара МХАТа пьесы «Кабала святош» (несмотря на первоначальное разрешение Сталина и заступничество Горького) вырос великолепный роман «Мольер».

Автор подписал на него в том же году договор с Газетно-журнальным издательством для учрежденной Горьким серии «ЖЗЛ». 8 марта 1933 года он сдал готовую рукопись в издательство, а через месяц получил на нее отрицательный отзыв рецензента, обвинявшего автора в «немарксистской позиции книги». Горький, которому рукопись была послана в Сорренто, почему-то тоже отозвался о ней отрицательно. Булгаков пытался встретиться с ним в Москве после его возвращения, но безуспешно. Вместо запланированной книги Булгакова издательство массовым тиражом выпустило в 1936 году другого маловразумительного «Мольера». А книга Булгакова все в той же серии «ЖЗЛ» увидела свет только с наступлением оттепели, в 1962 году.

Что же касается несравненного «Театрального романа», то Булгаков изначально писал свой шедевр «в стол». Не мог не писать. Не мог удержаться и не объясниться Театру в любви.

«Ты любила мои вещи, я писал их для тебя», — обращался Михаил Афанасьевич к жене, отлично понимая, какое сокровище ему досталось в ее лице. Она плакала и хохотала над главами «Театрального романа», который вобрал в себя перипетию личной судьбы автора и послушать который собирались у Булгаковых близкие друзья и театральные знакомые. Все были в восторге.

В самые тяжелые моменты безысходной тоски и отчаяния Михаил Афанасьевич старался развлекать жену шутивными любовными письмами (если они ненадолго расставались) и записками. По его настоянию, через год после заключения их брака, она начала вести дневник и вела его все семь лет до дня смерти писателя. Из этого дневника видно, что между ними ни разу не случилось даже малейшей ссоры. *«Несмотря на то, что бывали моменты ужаса перед неудавшейся литературной жизнью, если вы мне скажете, что у нас, у меня была трагическая жизнь, я вам отвечу: нет! Ни одной секунды. Это была самая светлая жизнь, какую только можно себе выбрать, самая счастливая».*

Такое состояние омрачалось только чувством вины Елены Сергеевны перед сыновьями. Особенно перед старшим, Евгением, который часто гостил у них, но переживал в душе «измену» матери. С младшим, Сережей, было проще. Он почти не помнил своей первой семьи, а отчим полюбил его так, как не всякий родной отец любит сына. Проводил с ним много времени, воспитывал в мальчишке находчивость и смелость. «Трусость — это самый страшный порок», — говорит в романе Понтий Пилат. И вместе с ним — автор.

Дни бежали, сплетаясь в недели. Недели сбивались в месяцы. Меся-

цы срастались в года. Булгаков писал роман. И, хотя до финала было еще далеко, он, подобно придуманному им Мастеру, знал, что последними словами романа будут: «Пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат». Однако заботы о хлебе насущном отрывали писателя от рукописи.

Его больше не печатали и не ставили, и Михаил Афанасьевич подрянулся в 30-м году работать режиссером в Центральном театре рабочей молодежи (ТРАМ), потом еще шесть лет — ассистентом режиссера во МХАТе, где с 32-го года с неизменным успехом шла его инсценировка «Мертвых душ». В 35-м он даже попробовал себя в качестве актера, сыграв Судью в «Пиквикском клубе». Разгромная статья в «Правде» после запрета «Кабалы святош» заставила Булгакова уйти из родного театра, на сцене которого продолжали соби- рать аншлаги «Дни Турбиных».

Теперь он нанялся либреттистом и литературным переводчиком в Большой и в 37-м сочинял либретто к операм «Минин и Пожарский» и «Петр Первый». Тогда же подружился с Исааком Дунаевским, тесно общался с известным композитором и музыковедом Борисом Асафьевым, помогавшим ему в работе над оперными либретто. При жизни Булгакова эти оперы так и не были поставлены, а либретто к ним не публиковались.

...По ночам к уснувшему дому писателей в Нащокинском переулке,

как и к другим московским домам, бесшумно подъезжали черные «воронки» (тогда их еще называли в народе «марусями»), и людей уводили из квартир, порой навсегда. Катившаяся по стране волна страшных репрессий тридцать седьмого и тридцать восьмого обошла Булгакова стороной. Его «изолировали, но сохранили». Почему, сейчас сказать трудно. Невольное уважение тирана к гордому Мастеру? Расчет на то, что он еще прославит мощью своего дарования «вождя народов» и советский строй? Так или

С учетом месяцев, необходимых на написание пьесы, ее одобрение цензурой и репетиции, дирекция МХАТа начала поиск подходящего автора двумя годами ранее и пришла к единодушному убеждению, что таким автором должен быть только Булгаков. После настойчивых просьб он согласился — отказ от почетного предложения мог обернуться бедой.

Михаил Афанасьевич отправился с женой в Грузию собирать материал о юности Сталина, решив и здесь пойти своим нетрадицион-

Катившаяся по стране волна страшных репрессий обошла Булгакова стороной. Его «изолировали, но сохранили». Почему, сказать трудно. Как бы то ни было, Сталин дал ему возможность дописать бессмертный роман «Мастер и Маргарита», о котором, скорее всего, был прекрасно осведомлен

иначе, но Сталин дал Булгакову дописать бессмертный роман, о котором вполне мог знать.

В 1939 году писатель начал работать над либретто оперы Р.Глиэра «Рашель» о борьбе французских патриотов против нашествия прусских войск в 1870 году. За литературную основу была взята новелла Мопассана. А тем временем все театры усиленно готовились отметить юбилейной постановкой 60-летие вождя.

ным путем. Он написал пьесу «Батум» — не о «пламенном революционере» и «мудром лидере», а об исключенном из духовной семинарии «Сосо» Джугашвили, провел героя через унижения, тюрьму и ссылку, обусловившие его жизненный выбор. Сталин, ознакомившись с пьесой, запретил ее к постановке. Тяжелый удар для Булгакова, который впервые пошел на творческий компромисс и наступил на горло собственной песне,

надеясь вернуть себе этой пьесой доступ на театральные подмостки и в издательства.

Осенью 39-го Михаил Афанасьевич начал терять зрение. Это был симптом той же болезни почек, от которой умер его отец. Опытный врач, он сам первым поставил себе диагноз: злокачественный нефросклероз. Жене сказал: *«Имей в виду, я буду очень тяжело умирать, — дай мне клятву, что ты не отдашь меня в больницу, а я умру у тебя на руках»*.

Елена Сергеевна исполнила волю мужа, хотя ей пришлось неимоверно трудно. Слепота, провалы в памяти и страшные боли, от которых Булгаков кричал и терял сознание. Железная воля писателя отсрочила смерть на полгода, он успел надиктовать жене заключительные главы окончательного варианта «Мастера и Маргариты». Чтобы облегчить мучившие его боли, снова начал принимать морфий. А она верила в чудо. Повторяла, как заклинание: *«Я его не отдам, я его вырву для жизни»*.

Мосфильмовского оператора Костю Венца Елена Сергеевна пригласила сделать на память снимки Булгакова с ней и родными. Постаревшего, больного, в вышитой ею шапочке Мастера, бессильно прикинувшегося к ее плечу. Ровно за десять дней до смерти. 4 марта она записала последние слова Михаила Афанасьевича: *«Я хотел служить народу... Я хотел жить в своем углу... Я никому не делал зла»*. Днем 10 мар-

та Булгаков скончался. В последний миг, рассказывала Елена Сергеевна, «глаза его вдруг широко открылись — и свет, свет лился из них...»

15 марта в «Литературной газете» появился странный некролог, где о затравленном бесчеловечным режимом художнике были сказаны такие слова: *«...писатель очень большого таланта и блестящего мастерства»*. И еще: *«...человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью»*. Странным этот правильный некролог выглядел потому, что его неформально написал любимец Сталина, «генсек» Союза писателей Александр Фадеев, не раз громивший Булгакова с трибуны писательских пленумов и конференций. Он же тайком навещал смертельно больного собрата и передал его жене большую сумму денег. На похоронах, однако, благо-разумно не показался.

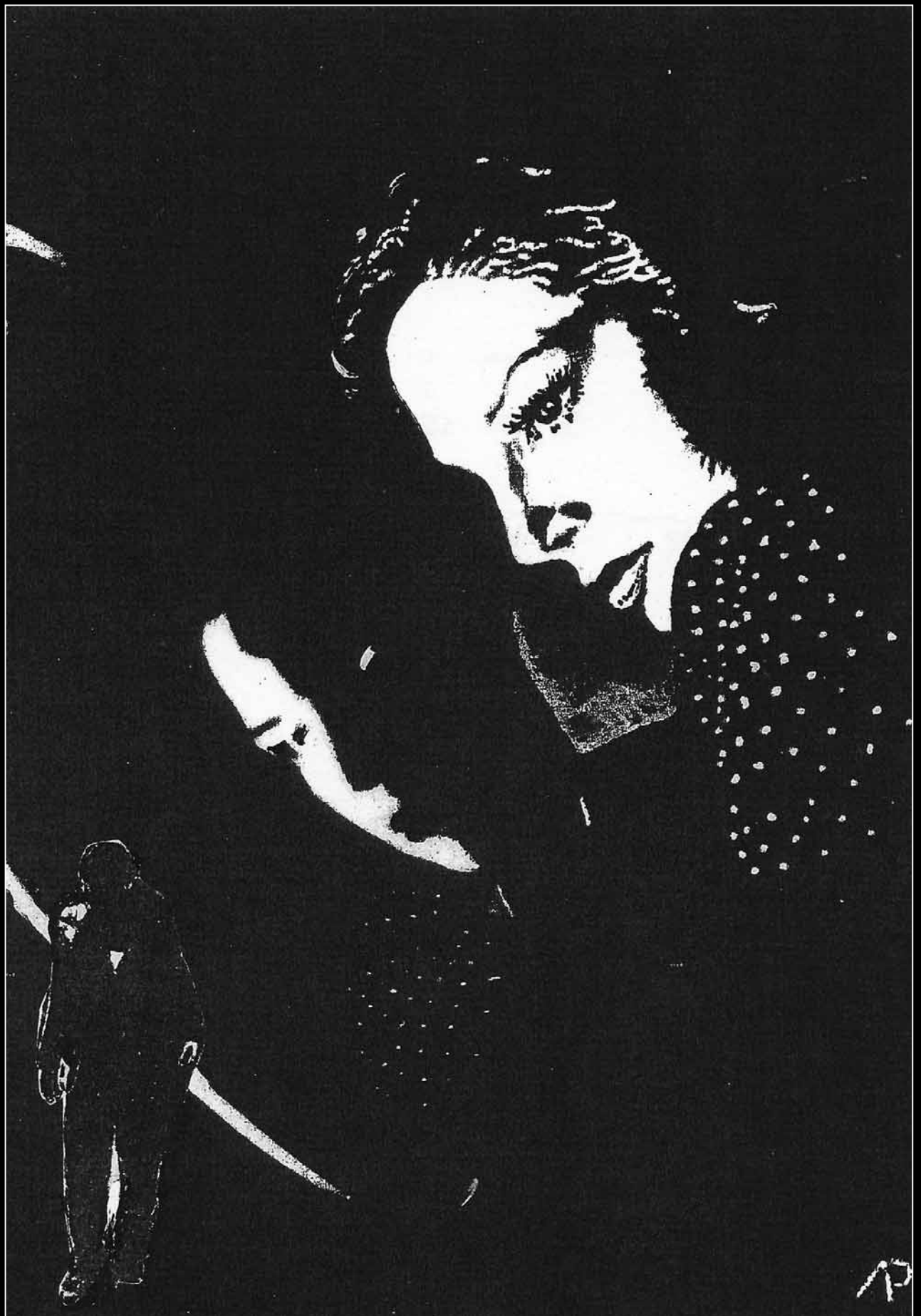
Прощание проходило в небольшом зале Союза писателей на улице Воровского (бывшей и нынешней Поварской). Музыка, как просил перед смертью Михаил Афанасьевич, не было, а вот цветов нанесли много. Вдова добилась, чтобы Булгакова похоронили на Новодевичьем кладбище, в тенистом уголке неподалеку от могил Чехова и прославленных актеров Художественного театра.

По ходатайству Елены Сергеевны, на могиле установили гранитный валун, прозванный «голгофой»,

который раньше служил надгробием Гоголя. Когда кладбище Донского монастыря уничтожили, и прах булгаковского кумира перенесли на Новодевичье, ему поставили там уже другой, помпезный надгробный памятник, а прежний простой камень отправили в гранитную мастерскую, где его и обнаружила вдова писателя.

Она еще долгие годы оставалась красивой, за ней ухаживали, звали замуж, но Елена Сергеевна хранила верность покойному супругу. Верила, что ее связь с ним не оборвалась. По вечерам рассказывала ему о проделанном за день, спрашивала у него советов. И уверяла близких, что получает ответы. Похоронили ее в 1970 году рядом с мужем. □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

4

Это была их первая встреча. Вторая произошла через несколько дней, когда Анатолий Петрович неожиданно пригласил Марию на день рождения своего младшего брата Николая, уже тогда безнадежно больного раком. Судьба с самого детства не благоволила к нему. Началось с того, что, пяти лет отроду, он как-то вечером, когда родители ушли в гости к соседям, оставив детей на десятилетнюю дочь Наталью, решил достать из шкафа кружку. Однако роста не хватало, тогда, встав на табуретку, он из всех сил потянулся, да нечаянно рукавом коснулся пламени ярко горевшей свечи — и в одно мгновение фланелевая рубашка обратилась в безжалостное пламя. Только благодаря старшей сестре, которая, не растерявшись, голыми руками сорвала с детских плеч горящую рубашку, он на ее глазах, исполненных ужаса, не сгорел заживо, но получил семидесятипроцентный ожог тела, по тем временам считавшийся не совместимым с жизнью. Однако в республиканской больнице врачам каким-то чудом удалось спасти его. Но на полное выздоровление ушло аж целых долгих-предолгих два года. За это время он напрочь разучился ходить, поэтому, как годовалый ребенок, держась ручонками за стену, вынужден был заново, шаг за шагом, обретать равновесие...

В семнадцать лет Николай пережил еще и сильный ожог ягодицы, потом ошпарил живот, а еще позже, управляя мотороллером, врезался в дорожный песок на такой скорости, что, вылетая с сиденья, ударился об одну из ручек руля, в результате — напроць порвалась двенадцатиперстная кишка. Пока вызвали из района вертолет, пока его в бессознательном состоянии доставили до больницы, началось заражение крови. Но шестичасовая операция, в течение которой у него два раза останавливалось сердце, все же прошла успешно — пусть инвалидом, но через три месяца он вышел из больницы на своих ногах! Назло судьбе, сумел получить профессию тракториста. Но однажды, когда прицеплял к фаркопу своего трактора двухосную телегу, чтобы ехать на лесную делянку по дрова, стажер, сидящий за баранкой, вместо тормоза нажал на педаль газа — и буквально впечатал задним колесом Николая к телеге, ломая и дробя ключицу. В результате — снова санитарный вертолет, снова операция, снова длительное лечение.

Казалось бы, ну, сколько можно испытывать, калеча, на излом совсем молодого человека, еще в полной мере кроме больницы ничего в этой жизни не узнавшего? Хватит! Причем, с лихвой на троих! Однако небеса думали совсем иначе. Как-то поздней весной Николай отправился со своим старшим другом, якутом, Виктором Охлопковым на охоту, но за весь день им не удалось добыть ни одной утки, ни одного рябчика, — и тогда они, вот глупцы! — безответственно решили пострелять в сторону друг друга, так сказать, для проверки воли и смелости! Это по мальчишеству крайне неосмотрительное занятие закончилось тем, что пуля, пущенная из ружья Виктора, ударившись в камень, за которым лежал Николай, срикошетила — и его тяжело ранило в бедро. И опять — больница, опять операция и долгое лечение!

После этого случая наконец-то в его жизни наступило на целых пятнадцать лет затишье, что ли... Он женился на любимой женщине, которая родила ему, в награду за все лишения и страдания, сына Ивана. Теперь бы только и жить счастливо в любви да согласии, добро наживать! Но судьба, дав Николаю возможность вкусить все прелести семейной жизни, решила завершить его жизненные страдания, подло использовав роковой случай с ожогом от вспыхнувшей огнем рубашки тридцатилетней давности. Однажды, попарившись в бане, Николай с голым торсом сел пить свежесваренный чай с лимоном, в это время ложечка, которой он размешивал сахар, выскользнула из еще влажных пальцев и упала на пол. Он нагнулся за ней, но, когда подобрал ее, то, резко разогнувшись, обгорелой в детстве лопаткой ударился об угол стола так сильно, что содрал кожу. Особого значения этому не придавал. Но проходила неделя за неделей, а рана

не заживала. И Николай, отдыхая в Кисловодске у родителей, вместо того чтобы обследоваться у хороших врачей, то ли не имея для этого времени, то ли решив положиться на знакомого хирурга, согласился на операцию в домашних условиях.

Судьбе только этого и надо было — дико растревоженная непрофессиональным вмешательством рана стала с каждым днем не заживать, а все разрастаться и разрастаться — и в ширь, и в глубину! Анатолий Петрович, уже работая в городе, как-то зашел вечером на чай к брату и застал его за перевязкой, которую делала жена. Взволнованно поинтересовался, в чем дело, и, узнав про новое несчастье, — черт возьми! — уже точно и не вспомнить, какое по счету, словно предчувствуя непоправимое, в душе чуть не заплакал от боли. Но сдержался, призвав в помощь свою стальную волю. Уже через два дня он привез брата в республиканский онкологический центр и, дождавшись необходимого медицинского обследования, зашел к главному врачу узнать о диагнозе. Но, прежде чем получить ответ на исполненный тревоги и надежды вопрос: «Доктор! Надежды на выздоровление моего брата есть?..» — ему сначала пришлось выдержать спокойный, но острый, как скальпель, взгляд человека, повидавшего на своем медицинском веку всякое: и счастливое выздоровление, казалось бы, безнадежно больных, и других, которые, по его мнению, должны были жить, но вдруг умирали, а потом лишь, как гром среди ясного неба, услышать:

— Знаете, существуют между нами, врачами-онкологами, такие характеристики, как рачок, рак и рачище. Так вот вы привезли в больницу брата с самым настоящим рачищем! И что же после этого, извините, доброго надеетесь от меня узнать?! Хотел бы сказать, да не в силах!..

Услышав эти жестокие, но правдивые слова, Анатолий Петрович, как-то враз спавший почерневшим лицом, словно оглоушенный тяжелым ударом по голове, некоторое время молчал, собираясь со спутавшимися мыслями, а потом с горечью спросил:

— Но хоть примерно можете определить, сколько времени Николаю осталось жить на этой проклятой земле?!

— Конечно, мы здесь, в клинике, сделаем все возможное — и операцию, и химиотерапию, все это, безусловно, продлит жизнь вашему брату. Скажу больше, — после принятых нами мер он даже на время почувствует себя вполне здоровым. Но эти метастазы!.. Они все равно будут разрастаться, поражая один внутренний орган за другим...

— Так все-таки — сколько! Месяц? Полгода? Год? Два? Сколько! — нервно прервал доктора Анатолий Петрович.

— Сколько, спрашиваете! — хмуро проговорил тот и глубоко задумался, словно впервые услышал подобный вопрос, но, наконец, произнес, как

прочитал смертный приговор, плетью больно ударивший по сердцу: — Думаю, не больше года! Но на все воля Божья! Да и надежда, как сами прекрасно знаете, умирает последней!..

Предположения эскулапа, можно сказать, полностью оправдались — перенеся сложную операцию, — уже и не вспомнить какую по счету, — выдержав тяжелейшее лечение, Николай вернулся домой. И вскоре стал, действительно, так быстро восстанавливаться, что с жадностью набросился на все хлопоты, связанные с дачей, расположенной в самом живописном месте — на пологом, поросшем густой осокой берегу озера «Щучье», очень богатого карасем, который почти не ловился на удочку, но довольно часто попадал в расставленные на глубине сети. Так что, когда Анатолию Петровичу хотелось поесть свежей, наваристой ухи, он на обед или ужин заезжал к брату, который уже мог даже пропустить стопку водочки — настолько аппетитным и вкусным получалось у его жены рыбное варено. Но чем веселее становился Николай, тем глубже и глубже уходил в грусть его старший брат, ибо, помимо своей воли, мысленно подсчитывал, сколько же еще светлых дней тому осталось жить на этом свете. Спыхватывался, что поступает неверно, что лучше просто радоваться, пусть временной, но все же терпимой жизни Николая.

Но с наступлением зимы, с жестокими якутскими морозами, с безжалостным, словно подкрадывающимся, как зверь, чтобы вдруг вцепиться в лицо стальной хваткой, хиусом, состояние Николая стало резко ухудшаться. Страшные боли усилились настолько, что Анатолий Петрович, по договоренности с главным врачом районной больницы, положил его в отдельную палату, где ему можно было бы делать регулярно обезболивающие уколы — самые настоящие легкие наркотики. Однажды, приехав проведать брата, он застал его за питьем из пол-литровой стеклянной банки какой-то жидкости, очень похожей на вспененное пиво, и тут же, без всяких задних мыслей, спросил:

— Николай, а что это за новое лекарство тебе прописал врач?

Прежде чем ответить, брат посмотрел на него такими глубоко печальными глазами, будто хотел заплакать навзрыд, что у Анатолия Петровича до боли сжалось сердце, и, наконец, заплетающимся языком глухо, словно с того света, произнес:

— Врач мне дополнительно ничего не назначал, это я по совету одной знахарки пью свою свежую мочу, с отвращением, с трудом проталкивая в пищевод каждый глоток, но пью и пью!

Анатолий Петрович хотел выругаться, мол, какой только бред не несут всякие проходимцы, явно с целью заработать денег, но вовремя взял себя в руки и, дождавшись, когда брат допьет, как ему казалось, спасительную

жидкость, стал говорить о рыбалке, на которую они по весне обязательно вместе поедут и будут ловить не порядком поднадоевших карасей, а царскую рыбу — тайменя, а потом с удовольствием есть приготовленный его женой рыбный пирог!..

Но, выйдя из больницы на морозный воздух, шагая под резкий, звучный, словно винтовочный выстрел, хруст перемороженного снега, с горечью подумал: «Господи! — жизнь столько раз ломала, била, почти убивала насмерть моего дорогого брата, — и он, из своих неполных тридцати лет добрую половину проведя на больничной койке в страшных мучениях, должен был ненавидеть не только свое бытие, но и все живое на свете, молить небеса послать ему скорейшую смерть как единственное спасение от невыносимых страданий, однако вместо этого он продолжает цепляться за все ускользающий и ускользающий из рук жизненный подол с невероятным упорством! Не сомневаюсь, если бы знахарка предложила ему есть и собственный кал, гарантируя выздоровление, он нашел бы в себе силы делать и это, как бы противно всей его человеческой природе ни было! Вот это жизнелюбие! Вот это стальной характер — не сломать, не согнуть! Только убить и можно!..» И, забыв о своей негибимой воле, заплакал от горького чувства бессилия, — хоть чем-то еще помочь дорогому брату.

Перед самым днем рождения Николая на несколько дней из больницы отпустили домой под неусыпный догляд любимой супруги. Только дежурные медсестры, сменяя друг друга, ежедневно, по два раза в сутки, навещали больного и делали ему обезболивающие уколы. Анатолий Петрович, прекрасно понимая, что этот праздник для брата последний, договорился с его другом о том, чтобы он ненавязчиво, как бы само собой разумеющееся, снял на камеру весь торжественный вечер. Пусть Николай останется не только в памяти родных, но и заснятый на пленку — еще двигающийся, одним словом, живой. О страдальческой жизненной эпопее брата он Марии не обмолвился ни словом, ни намеком. Но, приглашая прийти на его день рождения, посмотрел в ее красивые глаза таким умоляющим, горящим самопожертвованием взглядом, что она не смогла отказать.

Вечер был, по понятным причинам, веселым, даже шумным, с множеством тостов за здоровье хозяина, с танцами и даже плясками, но не продолжительным, ибо все гости понимали, что имениннику необходим отдых. Когда они, попрощавшись, ушли, оказалось, что в опустевшей гостиной, кроме Анатолия Петровича и Марии, никого больше нет. Вечерело, дневной майский свет, мощно и ярко струящийся с высокого синего-синего неба в подсвеченных снизу кудрявых легких облаках, пусть медленно, но угасал... Темнело и в зале, но они почему-то не включали висящую на плоском

проводе лампочку в абажуре, обтянутом тонким синим шелком. Однако вместе, не сговариваясь, подошли к окну, занавешенному воздушным, чисто-белым тюлем, с объемно выдавленными на нем цветочками, таким прозрачным, что через него было хорошо видно все, что происходило на улице в сгущающихся синих сумерках...

Невольно они встали так близко друг к другу, что могли буквально слышать, как, то ли от волнения, то ли от смущения, учащенно бились их полные надежд на счастливое будущее молодые сердца. Молчал он, молчала и она, хотя их души, пусть еще не до конца раскрыв всю красоту и подлость человеческой жизни, кричали в крик от еще неясного, но светлого предчувствия чего-то хорошего, очень важного для них... С пластинки, поставленной в небольшой, старый проигрыватель, Валерий Ободзинский своим проникновенным, чудесным, настоящим «золотым голосом советской эстрады» проникновенно пел одну из самых своих знаменитых песен — «Эти глаза напротив».

Когда она закончилась, и в гостиной снова воцарилась тишина, в почти полной темноте, растроганный чудесным пением, единственное, на что он решился, — это, не поворачиваясь к ней лицом, осторожно взять ее правую руку за горячие, тонкие пальцы. Она не освободила их, будто ждала, что же будет дальше. Но на большее у тридцатидолетнего мужчины в этот миг уверенности в правоте нахлынувших, как морская гривастая светло-зеленая волна, от близости с красивой молодой женщиной на его романтическую душу, может быть, впервые в жизни сложившую на короткое время крылья высокого полета, чувств не хватило...

И они снова погрузились в довольно тягостное, какое-то странное молчание. Но при этом оно было непростым, ибо она понимала, что приглянулась своему непосредственному начальнику, правда, ранее женатому, но теперь уже холостому, свободному, как ветер в чистом поле. Она и сама с первой же минуты, как увидела его, почувствовала себя рядом с ним, словно за железобетонной каменной стеной, — настолько он был целеустремлен, решителен, готов действовать и действовать в свершении конкретных добрых дел, а не, как многие начальники, вешать своим подчиненным, как говорится, «лапшу на уши». Мария невольно еще раз, но более глубже, чем прежде, почувствовала к нему своим пронизательным, осторожным девичьим сердцем явную симпатию. Особенно ее одновременно успокаивало и покоряло, что он не подавал даже малейшего намека на близость. Лишь иной раз она ловила на себе его, скорее, задумчивый, чем влюбленный взгляд, и ей оставалось только гадать, словно на кофейной гуще, что день грядущий ей готовит. Но то, что этот мужчина не обидит ее, она почему-то была безоглядно уверена. А он, глубоко

вздыхнув, подумал: «А не тороплюсь ли я снова, ведь уже не раз, не два и даже не три — судьба жестоко наказывала меня за излишнюю увлеченность женской натурой, пусть и с благородной целью вначале, но, увы, все равно грустной — в конце...»

5

И он был прав. В первый раз женившись в восемнадцатилетнем возрасте на такой же юной девушке только потому, что не мог поступить подло, но, совершенно не любя, он целых четырнадцать лет маялся в супружеской жизни и прожил их — как через пень-колоду. И, скорее всего, жил бы так и теперь. Но, во-первых, в конце концов, вскрылась долго скрываемая от него первой женой ложь... Оказывается, она до их разлуки не была беременной, но, чтобы удержать его, в письме, посланном на Северный Кавказ, куда он после окончания школы уехал поправлять здоровье, написала ему, более чем убедительно, именно об этом. Хорошо зная его, она в своем по-женски коварном расчете не ошиблась. Он, прочитав письмо, из которого явствовало, что скоро станет отцом, а она одна, и не знает, что делать, тотчас отправил отцу телеграмму с просьбой выслать денег на обратную дорогу. Но получил строгий телеграфный ответ: «Сын, привыкай все в жизни делать основательно. Если лечишься, то обязательно пройди курс целиком. Будь умницей».

«Что делать? Что делать?» — вопросы, как молоток по наковальне, били по вискам, с тревогой звучали в беспокойной, уже тогда готовой на ответственные поступки душе... И тут он вспомнил о бабе Тасе! Той самой, которая во время войны, работая старшей медсестрой в госпитале, переоборудованном из санатория, спешно, сразу, как только немцы были изгнаны из Пятигорска, взяла на себя материнские хлопоты над молодым лейтенантом Петром Ивановым, тяжело раненным, можно сказать искалеченным минным осколком, который, раздробив скулу, прошел в каком-то миллиметре от гортани. За время лечения вдова командира полка и будущий отец Анатолия настолько сблизились духовно, что она называла Петра своим сыном.

Вспомнив о бабе Тасе, Анатолий побежал на железнодорожный вокзал, сел в электричку и через два часа приехал по знакомому еще с детства адресу: «Город Пятигорск, район «Белая ромашка», Цементный переулок, 6» — к небольшому домику из самана, с таким же невеликим двором, в углу которого рос здоровенный, раскидистый двухсотлетний орех, несмотря на природную старость, продолжавший каждый год щедро плодоносить. Но в дом

Анатолий входить не стал, ибо дальше ограды его не пускала большая немецкая овчарка, хотя не раз и не два была свидетелем теплых чувств к нему со стороны своей хозяйки. Пес, со стоячими большими ушами, с саблеобразным хвостом, строгими глазами, в оскале показывая свои острые, грозные клыки, злобно рычал. Тогда он громко позвал бабу Тасю. Заслышав знакомый голос, она впопыхах выбежала на крыльцо, отогнала овчарку и, всплеснув руками, радостно произнесла:

— Здравствуй, дорогой внучек! В дом проходи! Угостишься своим любимым, только что сваренным мной абрикосовым вареньем!

— Баба Тася, спасибо! Но я очень тороплюсь!

— А что за надобность такая срочная образовалась?

— Мне очень, можно сказать, позарез нужны деньги! Вы не могли бы мне оказать услугу — занять сто десять рублей на авиабилет домой, в Якутию. Как только отец — со дня на день — вышлет, сразу же верну.

— Что, даже чайку не попьешь?

— К сожалению, в этот раз не попью, боюсь опоздать на вечернюю электричку! — ответил он скороговоркой.

Через минуту-другую баба Тася снова появилась на крыльце с деньгами, завернутыми в платочек, и, развязав его, стала отсчитывать нужную сумму... Он, забыв в запале, что рядом обученная к охране собака, резко протянул к ней руку, но верный сторож принял это движение за нападение на хозяйку и в молниеносном прыжке перехватил руку за кисть. Острыми клыками прокусил ее и стал с силой мотать из стороны в сторону, пытаясь свалить Анатолия с ног. Слава Богу, баба Тася не растерялась — схватила стоящее у стены нечто вроде кочерги, и несколькими ударами отбила внука от разъяренного пса! Кровь из ран хлестала ручьем, но и тут она — зря, что ли, в прошлом была военной медсестрой! — не растерялась — быстро, а главное, умело и туго перевязала искусанную кисть платочком, в котором хранились деньги, и только потом стала на весь двор охать да причитать:

— Вот подлец какой! Надо же, как искусал внука! Сколько раз хотела отправить этого взбесившегося пса на живодерню, да все никак не удосуживалась — то болезнь проклятая скручивала, то заботы по саду одолевали! Но теперь точно отправлю! А как же я в глаза сыну Петру, твоему отцу, смотреть-то буду! Не уберегла кровинку! От стыда и досады хоть с головой в землю проваливайся!

— Ничего, баба Тася, обойдется... — нежно глядя ее по плечу здоровой рукой, попытался успокоить сердобольное сердце старой женщины Анатолий и, быстро попрощавшись, пулей рванулся на вокзал, слыша вслед тревожный бабушкин голос: «Как приедешь в Кисловодск, сразу же иди в больницу — надо сделать укол от бешенства!»

— Хорошо, хорошо! — уже на бегу пообещал искусанный так сильно, что кровь, насквозь пропитав тряпочки-бинты, расходилась багровыми кругами по руке, «счастливый» внучек.

Однако в городской авиакассе, конечно же, свободных билетов не оказалось! Тогда он, смущаясь, вложил в паспорт, как перед дорогой посоветовал отец — на всякий случай, двадцатипятирублевую купюру и, дождавшись, когда народ хоть немного рассосется, подошел к свободному окошечку и, протянув документ с деньгами молодой кассирше, со строгими, словно стальными глазами, с плотно сомкнутыми накрашенными полными губами, и умоляющим, жалобным голосом попросил:

— Мне, пожалуйста, срочно надо быть дома, не смогли бы продать билет до Ленска через Иркутск. Ну, очень надо!

А сам старался держать перевязанную окровавленными бинтами кисть так, чтобы ее видела кассирша. Она быстрым, натренированным движением смахнула купюру в нижний, заранее открытый, ящик стола и нарочито громко произнесла:

— Молодой человек, вам очень повезло! Только что пришла бронь, а мужчина от нее отказался. Она как раз на ваш маршрут! — И быстро выписала авиабилет.

А Анатолия уже тошнило, в глазах начинало темнеть. Шатаясь, он вышел на улицу в надежде как можно скорее добраться до санатория, где сможет получить врачебную помощь. Но тут свинцовые тучи, сплошь затянувшие небосклон, как огромные быки, с непостижимой человеческому разуму силой столкнулись между собой — и тотчас с треском до самой земли, ослепляя яркой огневой вспышкой, прокатилась шаровая молния. За ней глухо несколько раз ухнул ночным филином раскатистый гром, словно и вправду по небесам на своей телеге стремительно проехал Илья Пророк, — и на землю хлынул самый настоящий ливень. В одну секунду он промочил одежду до нитки, и от охватившего все тело озноба зубы мелко-мелко застучали. Вдруг Анатолию стало так жалко себя, что он чуть не расплакался. Но именно эта минутная слабость будто враз утроила его силы — и он сумел-таки, оставляя на паркетном, до блеска начищенном полу водяные полосы, добраться до врачебного кабинета. Последнее, что ему тогда запомнилось, — это испуганное лицо женщины в белом...

Очнулся он под утро на койке, в больничной палате, где и пролежал почти до конца санаторной путевки, с таким трудом выбитой отцом у строгого председателя профсоюза совхоза. Перед самой выпиской, в последний раз осмотрев заживающую рану, лечащий врач, пожилой мужчина, седовласый, с лицом, испещренным, как поле бороздами, глубокими мор-

щинами, хотя вроде бы и остался доволен, но все же с легкой грустью в голосе предупредил:

— Молодой человек, думаю, дней так через пять-шесть травмированная кисть заживет, но, как оказалось, бешеная овчарка, прокусив ее насквозь, серьезно задела сухожилие. Поэтому вам надо об этом не забывать и почаще навещать хирурга...

— А чем, конкретно, может обернуться моя забывчивость? — беспечно спросил Анатолий, торопливо взглянув на часы, поскольку надо было срочно ехать в аэропорт города Минеральные Воды.

— Тем самым, что со временем ваш средний палец будет все меньше и меньше разгибаться — хоть ломай! — и, в конце концов, останется, словно крепко зажатым в кулак. Поверьте мне, это так неудобно!.. Об эстетической стороне я уж и не говорю! И не улыбайтесь беспечно!

— Извините! Я вас понял! Благодарю за помощь, за совет, но мне действительно необходимо собираться в дорогу!

На обратном пути, летя из Иркутска, самолет из-за обложных дождей, напроць расквасивших земляное полотно Ленского аэродрома, совершил вынужденную посадку в городе Олекме, получившем название от стремительной, студеной, многоводной таежной реки, впадавшей в Лену. Ждать, как говорится, у моря погоды Анатолий не стал — сразу из аэропорта отправился на пристань в надежде, что ему повезет с пассажирским парохомом. И действительно, у диспетчера узнал, что он отплывает вечером в сторону Усть-Кута. Просмотрев прейскурант цен, понял, что денег у него осталось только на палубный билет. Тотчас приобрел его, впервые пожалев о заказанных в ателье на курорте брюках, но не забранных по причине вынужденного, никак не предвиденного лежания в больнице, а значит, деньги, заплаченные за пошив брюк, которые ой как быгодились сейчас, просто оказались выброшенными на ветер! Но, как говорится, нет худа без добра — парохом делал остановку в родном поселке, тем самым дорога сокращалась на добрых сто пятьдесят километров. А то, что придется почти двое суток голодать, ночью спать на голой палубе, подложив под голову полено и укрываясь свежим, прохладным августовским туманом, Анатолия не пугало — настолько он был заряжен духовно на скорейший приезд к юной подруге, попавшей из-за него в интересное положение!..

Не долечившись, с покусанной кистью, без гроша в кармане, он возвратился в родной поселок, но своей якобы беременной подруги там не нашел. Она, оказывается, успела поступить в одно из республиканских училищ на часового мастера — и находилась на сельхозработках где-то в улусе под Якутском. Наш дорогой «рыцарь без страха и упрека» стал работать

днем в совхозе, а с вечера до поздней ночи заниматься так называемым калымом... Складывал соседу в штабель для просушки тес, терпко пахнувший смолой и опилками, переносил в сарай для зимнего хранения свежее, привезенное с покоса душистое, словно настоящее на горячем воздухе сено. Но чаще всего по вечерам — колол на поленья пожилым вдовам лиственничные, толстенные чурки и складывал их вдоль забора в поленницу.

Нанимаясь на ту или иную работу, насчет оплаты не торговался, брал денег столько, сколько давали — кто по совести, а кто по корысти. В общем, делал все возможное для того, чтобы как можно скорее заработать деньги на дорогу для двоих и, наконец, улететь за якобы беременной подругой. И долго бы еще зарабатывал со своей изуродованной рукой, если бы отец, заподозрив в поведении сына что-то неладное, однажды не позвал его прогуляться на берег величественной Лены, степенно и вольно несущей свои воды в Ледовитый океан. И там, в окружении красавицы-природы, словно в огромном Храме Божьем, где солгать — совершить страшный грех, завел разговор... Начал издали, спросив:

— Анатолий, на месте дуэли моего любимого поэта был?

— Конечно! И не только там! Но где бы ни был, везде представлял себя на месте Лермонтова. То в домике, крытом соломой, где он снимал комнату, при свете легко потрескивающих, ярко горящих лучин работающего над великим романом «Герой нашего времени». При этом я даже слышал скользкое поскрипывание гусяного заточенного пера и музицирование в уютной гостиной, в которой собирались молодые дамы и кавалеры. Там Мартынов, пришедший в негодование от шутки своего боевого товарища, вызвал его на дуэль. То видел поэта у подножия Машука на небольшой каменной площадке — месте поединка, где в знак примирения Лермонтов выстрелил в воздух, надеясь, что Мартынов поступит так же. Но тот, метко прицелившись, выстрелил в великого поэта! Словно в ответ на это предательство, небеса выразили свое негодование, ибо, как только гениальный поэт, смертельно раненный в живот, упал, они разверзлись проливным дождем, с оглушительными громами и огненными молниями! Это все настолько потрясло меня, что по дороге к бабе Тасе я на одном дыхании написал стихотворение: *«Что унесу я — в памяти — своей/ из южных мест расплавленного лета,/ где в жажде песни и живых страстей/ умолкло сердце русского поэта?/ Саманный домик с садом за окном,/ лучам и ветру широко открытый,/ или на склоне, вечно роковом —/ летящий в небо обелиск гранитный?/ То и другое, но полней всего —/ неповторимо солнечное чувство/ прикосновенье — сердца — моего —/ к великому, рассветному искусству!»*

— Значит, все-таки стихи продолжаешь писать? Как художественную лепку безоглядно не бросил?

— Не бросил... Пишу, но только тогда, когда не могу не писать!

— И это правильно! Каждый человек в первую очередь должен построить духовный храм в душе своей. Вот ты его, как по кирпичику, — стихотворение за стихотворением, — и возводи. А когда увенчаешь маковку крестом в виде хорошего стиха, тогда и молись своему Храму поэзии, веруй в него — и, какие бы преграды к счастью судьба не выстраивала на твоём жизненном пути, ты их сможешь преодолеть. Я родился без таких талантов, как ты, — ни стихи писать, ни ваять, увы, мне, не было дано! Но я всю жизнь строю свой храм из пламенной любви к её величеству женщине, к людям, ко всему живому, ежедневно, нет, — ежечасно! — строю — и счастлив, что живу на этом свете, какой бы порой жестокой стороной мир ко мне ни оборачивался!

На некоторое время отец, то ли с грустью, то ли еще крепче собираясь с мыслями, замолчал, смотря проникновенно в глаза сыну, словно хотел понять, дошли ли его слова до молодого сердца. Потом вдруг резко переменяет тему разговора:

— Анатолий, у тебя все хорошо?

— Конечно же! Ну, как я, сам подумай, могу жаловаться хоть на что-то, когда у меня такой прекрасный, умный отец!

— А тогда почему такой бледный, осунувшийся? Словно не на Кавказ летал на лечение, а на хлебе да воде месяц сидел. Давай, говори начистоту, ведь все равно узнаю... Мне баба Тася написала, на какие деньги ты вернулся с курорта, как за них пострадал от клыков пса. Ты своим внезапным возвращением напрочь перечеркнул все наши с тобой планы в отношении будущего! Хоть помнишь, о чем мы договаривались?

— О том, что после лечения я должен был остаться в Пятигорске, помогать бабе Тасе и готовиться к поступлению в институт!

— А почему именно так, а не иначе?!

— Потому что, по предписанию врачей, мне требуется лечение радоновыми водами не менее двух раз в год! Но ничего — буду отсюда летать в Пятигорск на свои, заработанные в твоём совхозе деньги. Кисть практически зажила, пальцы двигаются — что еще надо для труда? Физическая сила? Так она с возрастом только прибывает!

— Ах, дорогой сынок, как ты не поймешь, что без духовной силы физическая — жалкий пшик, не больше!

— Ладно, папа, не расстраивайся! Сам же не раз говорил, что жизнь порой делает такие неожиданные ходы-зигзаги, что только удивляться и остается. Считаю, именно так случилось и со мной! В общем, голову тебе морочить не буду — мне надо немного денег, кроме тех, что я должен вернуть бабе Тасе. Если можешь, то займи! Вернусь — отдам!

— Откуда вернешься? Ну-ка, выкладывай!

— Понимаешь, знаешь... — замямлил Анатолий, но отец тут же оборвал его:

— А смелее — кишка тонка?

— При чем тут кишка! — выпалил сын и продолжил: — Помнишь девушку, с которой я дружил?

— Это такая миловидная, стройная? Соседская?

— Да, отец, она самая!

— И что с ней?

— Ты только, пожалуйста, не ругайся, как говорится, после драки кулаками не машут, но она — беременна от меня!

— Беременна, говоришь?.. И давно? А, впрочем, что теперь-то... Дам тебе денег, сколько нужно, — лети за своей ненаглядной... Но с уговором: чтоб все по-мужски было! Понял?!

Вот так с помощью отца Анатолий и слетал за невестой, якобы беременной, и, получив от совхоза две комнаты, бросился, как в омут с головой, в семейную жизнь. Ему — почти восемнадцать, ей — семнадцать! Естественно, ни о какой регистрации брака речи идти не могло. Но он все-таки, скорее, для жены, чем для себя, устроил небольшой торжественный вечер, на который пригласил несколько самых верных друзей и свою любимую классную руководительницу Сивцеву Надежду Михайловну, преподавателя русского языка и литературы, а также директора школы, историка Чернову Таисию Ивановну. Танцуя с ним танго, она вдруг уткнулась головой в его грудь и так, чтобы было слышно только ему, со слезами на глазах произнесла: «Ах, Анатолий, Анатолий, что же ты, имея на плечах такую умную голову, наделал! Мы, — весь преподавательский коллектив, возлагали на тебя такие надежды. Ни у кого даже малейшего сомнения не было, что ты станешь известным скульптором! А вместо этого женишься, причем, не по любви... И что тебя теперь ждет впереди — одному Богу известно! Обидно! До боли в сердце обидно!..» И когда она подняла голову, то он увидел, что по ее щеке скользнула слезинка... Но он не нашел нужных слов, чтобы верно ответить своей любимой учительнице, поэтому танцевал и дальше, делая вид, что счастлив, ну, словно в его жизни действительно могло случиться плохое, но все-таки судьба рассудила иначе... Только еще долго в душе слова директора отдавались только ему понятным печальным укором, от которого саднило сердце.

Но самое главное: он жаждал любить страстно, вечно! Пусть безответно, жестоко — до боли, тяжело — до горьких слез, но любить! Поздно вечером, когда на темно-синем небосводе одна за другой зажигались

звезды, а полная луна величавой павой выплывала из-за высокой, поросшей хвойным лесом сопки, он в одиночестве, упав на колени и воздев к небу руки, со слезами на глазах, молил небеса послать ему настоящую, солнечную любовь. И много раз ему казалось, что он уже любит, любит! Но в итоге получалось, что — казалось — и только... В конце концов, так по-настоящему ни в кого не влюбившись, он не вытерпел жизни с напрочь опостылевшей женой — и подал в суд на развод. Но судьба и тут его подкараулила: председатель районного суда оказался, по крайней мере, на словах, ярым коммунистом, причем с большим стажем, и отказал молодому товарищу по партии в разводе, а копию его заявления в суд отправил в первичную организацию, на учете в которой состоял Иванов. И что тут началось!.. Знакомые по работе — вроде нормальные люди, все понимающие, сами сильно любившие или любящие, но на собрании их как подменили — они стали крайне принципиальными, заклеили своего более молодого однопартийца в аморальности и потребовали срочно вернуться в семью.

Так продолжалось несколько мучительно долгих лет. За это время он вырос в крупного руководителя, стал вхож к сильным мира сего. И однажды, набравшись смелости, пришел на прием к первому секретарю райкома! И все, как на духу, ему выложил:

— Уважаемый первый секретарь, у меня личного характера проблемы! Вы уж извините! Конечно, мне понятно, что каждая семья — это ячейка государства, что каждый хороший отец обязан воспитать сына достойным гражданином родного отечества, но я никогда не любил свою жену и не люблю теперь... Женился на ней не по любви, а по долгу. Но так жить больше ну никак не могу, хоть исключайте из партии — и все!

На счастье молодого члена партии, первый секретарь оказался настоящим человеком! Выслушав от волнения слишком часто запинаящегося коллегу-коммуниста, он сказал:

— Молодой человек! Что вы несете! Какая ячейка! Какое воспитание! В конце концов, что это за семья такая, в которой не только любви, но и жизни-то нет! Вы со своей супругой своими вечными разборками из ребенка инвалида сделаете! А партии нужны здоровые кадры, вы слышите, меня, здоровые! Подавайте еще раз заявление в суд... Разведут!

И в самом деле — председатель районного суда в этот раз всего лишь через месяц вынес определение о разводе. Только слишком уж громко, с визгом на весь зал заседания, разведенная жена вслед спешно удаляющемуся в совещательную комнату судье кричала: «Он вас купил! Я буду на вас жаловаться! Безобразие!»

Это как раз и вспомнилось Анатолию Петровичу в темном зале, наедине с молодой женщиной, к которой он с первой же встречи, когда она вошла к нему в кабинет и представилась как новый работник предприятия, скорей, интуитивно, чем по опыту, почувствовал к ней сразу какую-то необъяснимую светлую нежность... В отличие от него, она имела одно преимущество — женскую глубокую пронизательность. И, чувствуя, как его неловкая нерешительность, словно по воле свыше, перетекая ей в душу, немного печалит ее нежную душу, для себя уже, если не все, то очень многое решила: «Если он, пусть не говоря ни слова, резко повернется ко мне и поцелует в губы, я делано не обижусь, а, скорее всего, отвечу поцелуем...»

Конечно, в данном случае молодой женщиной, оказавшейся в чужом городе, без подруг, родни, еще двигала не любовь, а желание быть с тем, кто бы смог понять ее и разделить с ней одиночество и страх перед будущим... Но он не повернулся к ней, не поцеловал, а все так же, не выпуская пальцев, правда, с едва заметной нежностью сжав их, продолжал смотреть в окно, где поздние вечерние сумерки давно уже сгустились до сине-черной темноты, и только в ближнем переулке одиноко горевшая на почерневшем от времени деревянном столбе лампочка выхватывала из тьмы брусовой угол соседнего двухэтажного здания... Вдруг из кухни, позванивая тарелками, жена брата позвала пить чай, и им, немного расстроенным, что они так ничего конкретного друг другу и не сказали, даже не договорились о новой встрече, ничего не оставалось, как вернуться за стол. Но это продолжительное молчание вдвоем, как они поймут уже совсем скоро, было для них судьбоносным. Но как? Какой ценой? Во имя чего? — они, конечно, не могли знать.

Но прежде была еще одна — третья встреча, которая, если не все окончательно расставила по местам в отношении будущей семейной жизни молодого председателя, но заставила всерьез отнестись к молодой специалисту. У этой встречи имелась своя предыстория... Всего два года назад получив строительное образование, он был решением райкома партии направлен во вновь организованный совхоз на должность заместителя директора по строительству. Следовало как можно скорее построить с нуля не только жилье для специалистов, съехавшихся с разных уголков необъятной отчизны, но и, практически, полностью производственную базу: гараж, котельную, ремонтные мастерские, картофельное хранилище, кормоцех и многое другое. Вопреки всему, Анатолий всего за год успешно справился с поставленной райкомом партии и министерством и более трех

лет не решаемой задачей. Таким образом, ему удалось в полной мере зарекомендовать себя перед руководством района и республики не только толковым специалистом-строителем, но и способным, перспективным руководителем-организатором. В итоге, Иванов был выдвинут на должность председателя районного объединения «Сельхозхимия», занимающегося повышением плодородия совхозных полей. Но и на новом месте он, по духу от природы созидатель, одновременно с увеличением по всему фронту производственных показателей приступил к осуществлению большого строительного плана по укрупнению производственной базы на центральной усадьбе и улучшению трудовых и жизненно необходимых условий своих работников.

На это требовались значительные финансовые ресурсы, оборотных средств не хватало. С целью получения денег у Министерства сельского хозяйства Анатолий Петрович со своим заместителем — главным экономистом Эльзой Ренатовной Ибрагимовой, татаркой, средних лет, невысокой, но ладно сложенной, с черными волосами, волной спадающими на плечи, с темными, миндалевидными глазами, той самой, которая приютила новую специалистку на ночь, отправился, сам ведя служебный «уазик», в управление сельского хозяйства, размещавшееся в одном здании с райкомом партии на втором этаже, для отстаивания финансовой строительной сметы. По дороге в разговоре не без волнения гадали, удачной или нет окажется их попытка. Но неожиданно, когда приехали, и Анатолий Петрович, выключив двигатель, уже собирался выходить из машины, Эльза Ренатовна положила руку ему на плечо и, глядя в насторожившиеся глаза своего молодого начальника, в лоб спросила:

— Конечно, это сугубо ваше личное дело, но долго еще будете мыкаться, как неприкаянный, по чужим квартирам?

Анатолий Петрович, как раз последнюю неделю ночевавший у нее дома, находясь в приятельских отношениях с ее мужем Сергеем, решив, что он порядком надоел хозяевам, ответил:

— Ты, Эльза, не переживай! Я сегодня буду ночевать в другом месте!

— Вот странный человек! Как вы только могли подумать, что нас с мужем стесняете! Да хоть совсем жить переезжайте! Только рады будем! А спросила я потому, что негоже руководителю вашего ранга выглядеть в глазах подчиненных, да и начальства тоже, скажу так, вечным студентом!

— Ладно — мимо обиды проехали! Но скажи, что конкретно ты можешь предложить мне именно сейчас?

— Только одно — жениться!

— Хорошее предложение! Только жену-то мне нашла?

— А что ее искать? Она сама несколько дней назад, словно по воле свыше, пусть нежданно, но, думаю, на ваше счастье прилетела!

— Эльза, уж не нашего нового агрохимика ты имеешь в виду?

— Кого ж еще? Ее самую! Тем более что она не могла вам не понравиться! Иначе с чего бы вы, как угорелый, лично свозили ее в аэропорт за вещами и каким-то прямо-таки волшебным образом умудрились обеспечить жильем!

— Скрывать не буду, — понравилась! Но мало ли кому из женщин я симпатизирую, мало ли чьей красотой восхищаюсь! Или, в самом деле, считаешь возможным связать меня брачными узами, так сказать, по рукам и ногам, без четкого осознания любви к своей половине? Нет, я прекрасно понимаю: в жизни случается всякое — и брак по расчету, и брак по необходимости. Но жениться, тем более второй раз, только для того, чтобы иметь надежный тыл, — это, извини, не в моих правилах. И вообще, — сверх моего мужского понимания! Да потом — она же не меньше, чем на десять лет меня младше! У нас с ней совершенно разные жизненные взгляды — я многое из того, что ей предстоит пережить, давным-давно оставил за плечами, а она, какой бы ни обладала женской проницательностью, как бы не по возрасту ни была мудра, просто не в силах до конца понимать мои слова и мои поступки! В итоге — будем жить с ней, как на разных планетах, хоть и под одной крышей! Нет, Эльза, пока я, по крайней мере, не люблю ее, даже и думать не хочу о женитьбе, хотя она действительно очаровательна и очень мила!

— Что ж, Анатолий Петрович, как говорится, наше дело предложить, ваше отказаться! Ждите, пока ваше сердце восплачет страстью, — может, дождетесь, только как бы поздно не было, ведь наши холостые сотрудники, в том числе и из водителей, да и не только они, с первого дня вокруг нее, образно говоря, роем вьются, свои хвосты, как павлины, распускают! Но все равно я должна вам сообщить, что на вечер пригласила Марию к себе в гости. Надеюсь, что и вы сможете, как бы не был уплотнен ваш жизненный график, часок-другой выкроить для общения с нами! Выпьем по рюмке сухого грузинского вина, послушаем итальянскую — вашу любимую! — музыку.

— По такому случаю почему бы не прийти? Приду!

— Будем ждать с нетерпением!

Управление сельского хозяйства района возглавлял Владимир Андреевич Ким, кореец, уроженец Владивостока, но по воле судьбы оказавшийся в Якутии. Был он предпенсионного возраста, слегка полноват, с густой проседью в черных жестких волосах, всегда аккуратно подстриженных, с узкими азиатскими темными глазами, в которых светилась глубокая природная мудрость. Сельское производство знал прекрасно. В своих подчиненных

в первую очередь ценил самостоятельность, умение в сложных ситуациях находить неординарные, смелые решения. Приглядевшись к Анатолию Петровичу, по достоинству оценил его волевым напор, стремление решать все большие и большие производственные задачи — и как бы взял над молодым руководителем отеческую опеку: за успехи хвалил, а если у того случались ошибки, то приглашал в кабинет или даже к себе домой на обед и, стараясь не ущемить самолюбие, с глазу на глаз не только критиковал, но и давал дельные советы, чтобы в будущем на одни и те же грабли не наступать.

И в этот раз представленный финансовый план строительства, начатого исключительно по инициативе молодого председателя, полностью поддержал, пообещав получить дополнительное финансирование по линии Министерства сельского хозяйства республики. Закончив совещание и отпустив всех специалистов, он попросил Анатолия Петровича задержаться и, когда они остались вдвоем, спросил:

— Будь добр, ответь — откуда ты черпаешь силы для выполнения все новых и новых задач, которые, кстати, сверху не спускались, как и затеянное тобой новое строительство?

— Если говорить конкретно, то из понимания того, что без укрепления материально-технической базы никакого увеличения объемов урожайности полей быть не может. А если не заботиться об улучшении бытовых условий работников, то как же, без зазрения совести, требовать от них, не имеющих возможность нормально отдыхать, трудиться с полной отдачей сил? Никак! Конечно, можно издать соответствующий приказ, но быть уверенным, что он будет исполнен сполна — глупо!.. Говоря проще — как подмажешь, так и поедешь!..

— А что, верно мыслишь!

— На то и башка! Ну да ладно — я поеду!

— Успехов тебе!

— А вам, Владимир Андреевич, прежде всего — здоровья!

Вернувшись в рабочий кабинет, молодой председатель предупредил секретаря, что будет некоторое время занят. Это значило — никого к нему в кабинет не пропускать, ибо после того, как судьбоносный для предприятия вопрос был успешно решен, он, вспомнив разговор со своим заместителем о новой работнице, решил обдумать его. В голове ровной рекой потекли мысли: «Эльза до разговора со мной не могла не выяснить отношение Марии ко мне, а именно — нравлюсь ли я ей? Но выходит, что, по крайней мере, я для нее не пустое место... Мне всегда, еще с юности, хотелось создать настоящую семью, которую скрепляла бы не только любовь, но и уважение, а так же жертвенность, поскольку без нее супружество превратится, условно говоря, в игру в одни ворота. С первой женой, к сожалению,

так и получилось. Как сложится со второй — можно только предполагать, но уже сейчас я, если разбираюсь в психологии людей, смею думать, что Мария не так проста, как может показаться при первом знакомстве. Несмотря на застенчивость, скромность, ранимость, она обладает, во-первых, сильной волей, во-вторых, является страшной собственницей — свое без боя не отдаст! А вот сможет ли взять чужое — это еще предстоит выяснить. И еще — она самолюбива, причем, очень! Возникает вопрос: «Как я могу — и смогу ли вообще! — все эти качества обратить на пользу семьи?» Однозначно ответить сложно, но надо четко уяснить, что крепкие супружеские отношения с ней возможны только на основе чести и совестливости. Значит, любая ложь, а тем более, измена может, как взрывной волной, разметать семью безжалостно и без каких-либо надежд на восстановление. Это хорошо! Это то, что мне надо, ибо, требуя от супруга верности, она сама вряд ли когда-нибудь изменит... И какой же вывод я должен сделать? Конечно, как обжегшийся кипятком, не дуть с оглядкой на холодную воду, но и бросаться, словно в омут с головой, в новые супружеские связи спешить не стоит. Как уже не раз бывало, предоставлю времени расставить все точки — оно не ошибется...»

Приняв такое решение, Анатолий Петрович посмотрел на часы — они показывали шесть вечера. С легким сердцем он вышел из кабинета, чтобы по дороге к Эльзе заехать в магазин за бутылкой сухого вина и фруктами. Муж ее, Сергей, уже давно работал в геологической организации водителем-дальнобойщиком — возил по зимнику на буровые необходимые грузы: цемент, оборудование, продукты питания, запасные части, трубы и тому подобное. Как передовик производства получил трехкомнатную квартиру в пригородном поселке, в котором Анатолий Петрович выхлопотал у своего товарища для нового агрохимика жилплощадь.

Когда он приехал, Мария уже вовсю помогала хозяйке накрывать на стол. На ней было легкое светло-синее платье с глубоким вырезом на груди, которое делало ее еще стройней, еще обворожительней — и в первый раз молодой председатель посмотрел на нее с нескрываемым интересом, словно хотел снять последние скрепы сомнений с души по отношению к молодой женщине. Вечер уже потому удался, что Сергей действительно привез из отпуска новую пластинку лауреатов престижного конкурса эстрадных певцов, проходившего ежегодно в итальянском городе Сан-Ремо — и из динамика, завораживая, лилась мелодичная музыка и такие красивые голоса, что, слушая их, хотелось совершать что-то возвышенное.

После ужина выяснилось, что у Марии дорожная сумка заполнена под самую молнию какими-то вещами. Анатолий Петрович, не раздумывая, вдохновляемый более чем красноречивым взглядом Эльзы, вызвался помочь...

Когда они вышли на улицу, вечерние сумерки сгустились уже до синей темноты. И хотя прогретый за день воздух только начинал остывать, то ли от выпитого вина, то ли от хорошего настроения, но дышалось всей грудью легко. В высоком небе, словно птенцы из яиц, выклевывались одна за другой звезды и, серебряно лучась, лили свой вечный свет на землю, делая каждый предмет таинственным... Иногда одна из них срывалась и, в полете к земле сгорев дотла, грустно гасла. Самое время загадывать какое-нибудь заветное желание. Анатолий Петрович хотел предложить своей спутнице тотчас так и сделать, но уж эти северные вездесущие, неотступные комары — они, противно зудя и зудя, набросились на молодых людей с таким остервенением, так воинственно, что ничего не оставалось, как только попросить Марию, которая сама от гнуса отбивалась веткой-лапником, отломанной у пушистой ели, ускорить шаг...

— Конечно, пойдете быстрее, зачем насекомых своей кровью кормить! — сразу согласилась она. — А еще лучше — побежим!

И молодые люди, словно дети, сходу воодушевленно перешли на бег. Быстро преодолев несколько сот метров по освещенной фонарями улице, вбежали по деревянной скрипучей лестнице на второй этаж. В тесной прихожей Анатолий Петрович поставил сумку на пол и уже собрался откланяться, как Мария подошла к нему так близко, что он услышал ее частое, взволнованное дыхание, и, снизу смотря на него своими бездонными глазами, неожиданно тихим-тихим голосом, словно неуверенно, промолвила:

— Извините, но я не хочу, чтобы вы уходили!..

Анатолий Петрович, явно не ожидавший такого поворота событий, не то, чтобы растерялся, но сразу не мог сообразить, как поступить. Спросить о причине женской просьбы было бы крайне неуместно. И он просто, ничего не говоря, словно подчиняясь воле свыше, снял легкую брезентовую куртку, повесил на вешалку и вслед за Марией прошел на кухню, где, еще до конца не осознавая, что же все-таки произошло, молча сел на табурет, скрестив на коленях руки. Впервые в своей жизни он, уже успевший привыкнуть повелевать судьбами тысячей людей, не мог распорядиться собой, будто перед ним распахнулась такая светоносная, ослепительная, но неизвестная дорога, ступить на которую было необходимо, но уверенности в правильности этого почему-то не было...

Продолжая пребывать, словно в подвешенном состоянии — между небом и землей, — он даже не заметил, как Мария вышла. Но через несколько минут, услышав шелест разворачиваемой простыни, понял, что хозяйка стелет постель, и ему вдруг подумалось: «Интересно — на двоих?.. А, может, все-таки предложит мне лечь на полу, разложив для этого какой-

нибудь матрас?..» Но когда по ее зову он вошел в комнату, одновременно являющуюся спальней и гостиной, то увидел разложенный диван с двумя большими пуховыми подушками, которые, видать, она привезла из родительского дома в одном из здоровенных чемоданов...

Проснувшись на поздней заре, яркий свет которой ломился мощными золотистыми потоками в окно, он сразу не мог сообразить, где находится. Но, увидев свою одежду, аккуратно сложенную на стуле, вспомнил все — и вчерашнюю растерянность, и сладостную страсть ночной любви, с ее жаркими словами нежности, с его пылкими поцелуями, которыми он часто, с придыханием и легким стоном, словно страшно истосковавшийся по женскому телу, покрывал ее матово светящееся в полумраке прекрасное, немного стыдливое лицо. По шуму из кухни Анатолий догадался, что Мария готовит завтрак. «Хорошо! — подумал он. — Силы подкрепить не помешает!» И вдруг чуть не вскочил на ноги, ибо понял, что готовит именно ему, и только ему! Но кому — сожителю, любовнику, а, может, будущему мужу?.. А поскольку ответить на этот вопрос в тот момент он не мог, то у него на душе стало так неуютно, так печально, словно он попал в заколдованный круг, выйти из которого уже было не в его мужской власти. Тем не менее, надо было вставать! А главное — решать, что делать дальше, как жить!.. И, вновь надеясь на время, которое обязательно все, как всегда, расставит по своим местам, даст ответ на любой, даже самый, казалось бы, неразрешимый вопрос, он, поднявшись, быстро оделся. С нарочитой легкостью поприветствовал Марию, но, словно нашкодивший кот, стараясь не смотреть ей прямо в глаза. За завтраком больше молчали, чем говорили. Так в то утро и расстались, как будто и не встречались вообще!

7

Разбирая в тишине рабочего кабинета ежедневную почту, которой обычно набиралась целая папка, Анатолий Петрович среди множества документов, писем, заявлений увидел вызов на весеннюю сессию из института, где заочно учился на факультете «Экономика и организация строительного производства». Вылетать надо было не позже четырех, максимум, пяти дней. Таким образом, времени для окончательной подготовки к ней почти не оставалось... Правда, все письменные контрольные он отослал в течение зимы, но оставалось еще выполнить несколько чертежей несущих балок перекрытий многоэтажного дома и рассчитать их прочность. Для этого нужно было срочно, первое — взять отпуск, второе — найти такое уединенное место, где можно было бы с головой погрузиться в выполнение учебных заданий.

Написать необходимое заявление и сообщить о нем по телефону в Якутск своему непосредственному начальнику, председателю республиканской «Сельхозхимии» Ляпунову, оказалось делом десяти минут. А вот где приютиться на несколько дней — надо было еще хорошенько подумать. И вдруг Анатолия Петровича всерьез осенило: «А попрошусь-ка я во временные постояльцы к Марии! Лучшего места ведь все равно не найти: весь день, пока она будет на работе, квартирой смогу распоряжаться по собственному усмотрению! Соседи меня не знают, так что вряд ли будут по пустякам беспокоить...» И он, не теряя времени, через секретаршу вызвал нового агрохимика. Буквально через пять минут она вошла к нему в кабинет, смущенная, с опущенными глазами, и, скромно сев на предложенный стул, покорно замерла...

— Мария Васильевна, — заговорил Анатолий Петрович, — боюсь показаться назойливым, но в связи с тем, что мне необходимо срочно подготовиться к сессии, — представьте, я все еще студент! — осмеливаюсь попросить, чтобы вы на несколько дней приютили меня! Обещаю быть в высшей степени порядочным человеком! Ну, так как?

Услышав неожиданную просьбу, Мария сразу как-то вся преобразилась — подняла свои большие, с грустинкою, глаза, вспыхнувшие чистым светом, щеки ее покрылись розовым румянцем, и, словно решив что-то важное для себя, твердо произнесла:

— Да, конечно, поживите! У меня вам никто мешать не будет! Я ведь смогу даже помочь, к примеру, по химии! Только...

— Что замолчала? Говори, раз начала, — поддержал ее Анатолий Петрович голосом, уже успевшим привыкнуть к начальственному тону.

— Только ведь разные нехорошие слухи поползут, сначала — по нашей организации, потом — и по всему городу. Я-то человек маленький, а вы весь на виду, тем более — партийный! Еще объясняться перед руководством придется. Вас это не смущает?

— Нисколько! Сплетни, которые ты назвала слухами, как любая уличная грязь, — повисят, да, высохнув, отпадут. Поэтому к ним надо относиться, как к ветру — какой только мусор он ни носит, пока не утихнет! Так и горожане — почешут грязными языками, да и уймутся! А мы с тобой уподобимся верблюжьему каравану, который, как бы остервенело не облаивали его моськи, продолжает невозмутимо идти своей дорогой!

— В таком случае, пусть будет по-вашему!

— Вот и хорошо! Вот и спасибо за понимание и доброту!

И, дорожа каждой минутой, Анатолий Петрович, как всегда, назначив своим приказом исполняющим обязанности председателя Эльзу Ренатовну, после обеда принялся за институтские контрольные.

Ледоход к этому времени на Лене прошел, ветер знобкий, порывистый, дувший на всем его протяжении днем и ночью, как в воду канул. На смену ему установилась тихая, солнечная, страх какая жаркая погода. Просохшие до звона брусчатые стены за день прогревались настолько, что в небольшой квартире уже к обеду становилось нестерпимо душно. Чтобы хоть как-то проветрить ее, Анатолий Петрович стал открывать настежь окно, но вскоре его пришлось снова закрывать, ибо сосед-отпускник, едва протерев похмельные глаза, с утра пораньше выходил во двор с включенным магнитофоном, из которого во всю мощь динамиков несся хриплый голос Высоцкого, и, устроившись на завалинке, попивал прямо из горлышка пиво местного изготовления, причем, — бутылку за бутылкой. Призывать хоть к какому-то порядку хмельного человека — дело пустое... И Анатолий Петрович, махнув на него рукой, мол, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, спасался от духоты и жары обыкновенным, на пластмассовой стойке, вентилятором с лопастями, вращающимися в заданном режиме.

За день до вылета на сессию утром, едва за Марией закрылись двери, словно выждав, когда она уйдет, кто-то неуверенно позвонил. «Это кого нечистая принесла?» — недовольно подумал Анатолий Петрович, только разложивший в гостиной на столе толстый лист ватмана и чертежные принадлежности. Но, открыв дверь нараспашку и продолжая держаться за ручку, тотчас невольно сделал шаг назад: на лестничной площадке стояли его старшие, по должности и по возрасту, коллеги — главный инженер сельхозуправления Петр Иванович Иванов, председатель земельного комитета Степан Григорьевич Матвеев и начальник молокозавода Ирина Сергеевна Федорова. Удивившись столь неожиданному визиту сослуживцев, он, тем не менее, не растерялся, тепло поздоровался с ними, и спокойным, хотя не без удивления, голосом пригласил зайти в квартиру. Однако по их глазам было видно, что им очень неудобно перед ним. Оставалось только понять — почему? И он, как бы облегчая незванным гостям выполнение какой-то неловкой миссии, обратился к ним с вопросом:

— Чем обязан визиту столь уважаемых людей?

Ирина Сергеевна оказалась смелее мужчин:

— Анатолий Петрович, сразу просим у вас прощения за такой ранний и предварительно не оговоренный приход, но мы сами, честно говоря, не по своей воле попали, словно куры во щи... — И, покраснев, замолчала.

— Говорите, говорите! Я вас внимательно слушаю! — подбодрил ее Анатолий Петрович.

— Хорошо! Дело такое... В общем, нас к вам, как комиссию, прислала заведующая отделом сельского хозяйства райкома партии Наталья Константиновна Петрова, чтобы проверить — уехали вы на экзаменацион-

ную сессию или нет. Ей сообщили, что вместо учебы вы ведете аморальный образ жизни, конкретно — спутались с какой-то молодой женщиной легкого поведения, что очерняет в глазах общества высокое звание коммуниста... Вот так! — И, словно сбросив с плеч тяжеленную, непосильную ношу, Ирина Сергеевна облегченно выдохнула — «У-х!»

— Все понятно! Даже более чем! Ну, коли пришли, смело приступайте к выполнению столь важного поручения!

— Анатолий Петрович, мы вас прекрасно знаем, чтобы о вашем поведении плохо думать! — вдруг перехватил инициативу у коллеги Петр Иванович. — Поэтому нам будет вполне достаточно того, что вы сами, как считаете нужным, ответите на поставленные Петровой вопросы!

— Вам виднее! Так вот, если вы все-таки пройдете в гостиную, то увидите, что я на самом деле готовлюсь к сдаче сессии. А где посчитаю нужным это делать, — извините, исключительно моя прерогатива и право! Но, к вашему сведению, завтра вылетаю в институт! Что же касается, как выразилась Наталья Константиновна, «женщины легкого поведения», то вы должны были, поднимаясь ко мне, с ней встретиться.

— Это с новым агрохимиком «Сельхозхимии?» — наконец-то подал голос и председатель земельного комитета.

— Именно с ней!

— Так она же... — вновь заговорила Ирина Сергеевна. — Как мне хорошо известно, совсем недавно, с отличием окончив сельскохозяйственный институт, рекомендована для работы в нашей системе самым первым заместителем министра Ляпуновым! В таком случае, я, право, отказываюсь что-либо понимать!

— А тут и понимать нечего, поскольку, если бы даже она и в самом деле являлась женщиной легкого поведения, то это без серьезных доказательств не говорило бы ни о моем моральном падении, ни о невозможности, опять же по моральному соображению, квартироваться у нее. Или я бред несу, уважаемые коллеги?!

— Да нет, все правильно говорите! — ответил за всех Петр Иванович.

— В таком случае, извинившись, я попросил бы позволить мне и дальше выполнять учебные обязанности, тем более что намерен и эту сессию, как всегда, сдать досрочно, ведь в районе посевная на носу!..

— А все-таки, что передать Наталье Константиновне? — спросила, окончательно придя в себя, Ирина Сергеевна.

— Только одно: пожелания ей от всей моей студенческой души семейного, а главное — супружеского счастья!..

— Анатолий Петрович, вы это сказали серьезно? — чуть ли не хором воскликнули нежданные гости.

— Более чем!

Члены так называемой комиссии пришли в некоторое смятение. Но опять же Ирина Сергеевна первая подала голос:

— И вы думаете, что вашего пожелания достаточно, чтобы Петрова перестала в отношении вас ставить вопрос ребром?

— Не знаю, как в дальнейшем поведет себя уважаемая Наталья Константиновна, но, уверен, мои слова будут ею приняты к сведению, которого хватит, чтобы больше, по крайней мере, в отношении меня, не заниматься чепухой! Поверьте, говорить так у меня есть все основания! А теперь я хотел бы как можно скорее вернуться к подготовке экзаменов! Извините!

Закрыв за «высокой комиссией» дверь, Анатолий Петрович хотел продолжить начатый еще вчера расчет прочности балки перекрытия, но в голове все спуталось, душа кипела от возмущения: «Она, эта Петрова, совсем совесть потеряла! От ревности — а от чего еще именно, только от нее! — опустилась до оскорбления ни в чем не повинной молодой девушки, между прочим, ее, пусть опосредствованно, но подчиненной, можно сказать, надежной смены партии!.. Как только вернусь, приду к первому секретарю и выложу все, что думаю о заведующей сельскохозяйственным отделом! А, впрочем, себе же хуже сделаю, хотя бы тем, что глупо уподоблюсь ей! В конце концов, побесится, да и успокоится — не совсем же круглая дура! Или все-таки правы те, кто говорят, что у женщины от любви до ненависти — один шаг?! И надо же было случиться так, что высокопоставленная, властная особа влюбилась в меня, как семнадцатилетняя десятиклассница! Тоска!..»

Вечером Мария, вернувшись с работы, первым делом не без волнующего женское сердце интереса спросила:

— Анатолий Петрович, а сегодня утром, когда я уходила на работу, какие-то важные люди поднимались по лестнице, случайно, не к вам?

— Ко мне, ко мне!

— И что же им надо было, если не секрет?

— В общем-то, ничего! Так, выполняли поручение, вернее, прихоть одной высокопоставленной дамы — только и всего!

— А я всю дорогу в контору о них думала и никак не могла понять — зачем они пришли?!

— Не бери в голову — все нормально! Лучше объясни-ка мне, как проще выразить при помощи формул процесс распада бетона во взаимодействии с лиственничной смолой!

— А для чего вам это?

— Все знать будешь, скоро состаришься, а щедро данную тебе матушкой-природой такую необыкновенную красоту как можно дольше беречь надо! Давай помогай, учительница!..

В круговерти событий, дел встреч и разговоров Анатолий Петрович так закрутился, что сначала откладывал на завтрашний день приобретение авиабилета, а потом и вовсе о нем забыл. В то время заранее не заказанное право на вылет почти точно значило, что в нужное время в самолете свободных мест не будет. Но, как известно, нерешаемых вопросов нет, какая-нибудь добрая душа да найдется, чтобы оказать необходимую помощь. Еще работая в совхозе «Нюйский» главным строителем, Анатолий Петрович познакомился с молодым человеком, наполовину греком, наполовину русским, но по записи в паспорте украинцем, Андреем Викторовичем Петровским, мужчиной тридцати лет, среднего роста, с римским носом, с вьющимися густыми темными волосами, спортивно сложенным. Родом из Харькова, приехал он в таежный поселок после окончания торгового института и был принят на работу в местное сельпо на должность старшего товароведа. Очень быстро зарекомендовал себя грамотным, энергичным работником, и уже через год был переведен с повышением в районное управление сельпо заместителем председателя. Как человеку семейному, имеющему на иждивении двух пацанов-погодков, организация купила ему в старом районе города Мухтуе отдельно стоящий просторный брусовой дом с обширным приусадебным участком и со всеми хозяйственными постройками, вплоть до сарая для хранения дров.

Во время всеобщего дефицита, особенно на импортные товары, Петровский, как человек, распоряжающийся ими, быстро оброс деловыми знакомствами со многими людьми, в том числе и из женской половины, занимающими в городе ключевые посты в разных отраслях производства и культуры. В аэропорту судьба свела его с заместителем начальника, молодой блондинкой. Она, с ярко накрашенными полными губами, с длинными, подведенными черной тушью ресницами, выглядела очень даже эффектно. Об одной из таких, как она, романтический поэт при расставании с любимой мог бы трогательно написать: «И ангел в униформе красоты уже разъединяет наши руки...» В ее зону ответственности входила служба регистрации и отправления пассажиров, то есть то, что позарез надо было в настоящее время Анатолию Петровичу. И он по телефону попросил о помощи своего хорошего знакомого. Тот охотно откликнулся... И утром, точно в назначенное время, на служебной голубой «Волге» подкатил прямо к крыльцу «двухэтажки» и поднялся на лестничную площадку.

Мария, желая проводить квартиранта, до обеда отпросилась с работы и вместе с ним, как только раздался дверной звонок, вышла встречать гостя. Поздоровавшись со своим товарищем, Петровский при виде краси-

вой молодой женщины тотчас расплылся в масляной улыбке, обнажая белые, как первый октябрьский снег, ровные зубы:

— Ну, теперь понятно, почему Анатолий Петрович в последнее время забыл ко мне дорогу! Теперь я его понимаю, ибо от блеска такой красоты и свое имя не грех запомнить!

— Петровский, хоть ты и мастер соловьем заливаться перед представительницами прекрасной половины человечества, но всему свое время и место! Тем более что самолет ждать не будет! Ты лучше мне скажи, то, что я тебя просил, привез?

— Обижает! В машине лежит, только пакет получился тяжелый, но ведь своя ноша не тянет! Так?

— Верно говоришь! Поехали!

— Да-да, сейчас поедem, нет — полетим!.. Но, как только вернешься с учебы, то, — дай честное слово, — что вместе с... извини, ты даже не соизволил представить мне свою красавицу!

— Это ты меня извини! Ее зовут Мария!

— Так вот, вместе с Марией уж не откажитесь пожаловать в гости! Жена будет очень рада новому знакомству!

Анатолий Петрович тем временем открыл дверь, вынес на площадку чемодан и потянул товарища за рукав: «Все! Пошли! Пошли!» Он уже начал спускаться по лестнице, как вдруг Петровский, теперь уже обращаясь непосредственно к Марии, повторил свое приглашение. Она, чистой души человек, без всякой задней мысли, исключительно из чувства такта, ответила:

— И вы заходите! Я вас ухой из стерляди угощу!

В аэропорт действительно не ехали, а, словно на пожар, летели на такой бешеной скорости, что непременно и взлетели бы, будь у машины хоть какие-то крылья. И все равно к зданию аэровокзала подкатили тогда, когда уже началась посадка на рейс. Петровский, взяв у Анатолия Петровича паспорт, быстро скрылся в коридорной глубине служебных помещений. И буквально через несколько минут, радостно улыбаясь, вернулся с билетом, на котором уже стояла необходимая отметка регистрации. Из-за, пусть небольшой, но задержки с билетом в самолет «Ан-24», летевший в Братск, Анатолий Петрович поднялся последним, занял свободное кресло в самом конце салона и хотел уже, вытянув ноги, расслабиться, чтобы успокоиться от всех предполетных тревожений, как вдруг дежурная по вокзалу в сопровождении стюардессы поднялась на борт и громко объявила:

— Уважаемые пассажиры! Из-за ошибки службы регистрации превышен допустимый взлетный вес! Кто из вас последним вошел в самолет?

Анатолий Петрович внутренне напрягся, словно перед опасным прыжком, но, уверенно подняв руку, ответил: «Я!» Дежурная подошла к нему и, извинившись, попросила покинуть самолет, пообещав, что завтра он будет обязательно посажен на этот же рейс. Теперь задавать ей хоть какие вопросы и что-то выяснять, было делом бесполезным. И Анатолий Петрович, мысленно уже летевший в небе, все же, к великому огорчению, остался на земле. Выйдя на привокзальную площадь, он еще постоял некоторое время, словно могло произойти чудо, но, услышав, как самолет, из которого его только что выдворили, трогаясь с места, мощно взревел двигателями, досадно сплюнул и, сев в подъехавшее такси, уныло попросил водителя:

— Командир, будь добр, подбрось в «Разведчик»!

— Да вопросов нет!

Когда водитель, приехав в поселок, свернул с центральной улицы в ставший за несколько последних дней хорошо знакомый проулок, Анатолий Петрович, к своему удивлению, от которого даже вздрогнул, увидел стоящую у подъезда «Волгу», точь-в-точь цветом похожую на машину Петровского. Словно враз обрушившись в знойный мираж, чтобы избавиться от него, даже резко мотнул раз-другой головой, но напрасно: обознаться он никак не мог. От сознания этого сердце болезненно, как бывает только в приступе ревности, и часто-часто застучало. Тем не менее, не забыв о чаевых, рассчитавшись с таксистом, он вбежал на второй этаж, порывисто позвонил. Дверь открыла Мария. Увидев Анатолия Петровича, она невольно смутилась, но нашла в себе силы более-менее уверенно воскликнуть:

— Вы! Вернулись!

— Кто это? — раздался из кухни голос Петровского.

В тот же момент он увидел вошедшего в кухню товарища, час назад оставленного им в аэропорту. Однако не растерялся, не пришел в замешательство, а буднично, лишь положив на стол ложку, которой только что ел борщ, спросил:

— Что случилось!? Почему не улетел?!

— Эти дурацкие вопросы задай своей аэропортовской знакомой! Хотя после драки, как говорится, кулаками не машут!

— Нет, ты сам толком можешь все объяснить?..

— Могу! Дело в том, что мне продали лишний билет!

— И ты из-за этого расстроился?!

— Конечно! Ведь я уже распланировал сессию с таким расчетом, чтобы уже через неделю, максимум, десять дней — вернуться!

— Ну, а если это сделаешь чуть позже, то что — произойдет непоправимая трагедия?! Да быть такого не может!

— Для кого как! А, между прочим, ты с какого перепугу сюда вернулся? Или, в самом деле, что-то забыл?

— Так время-то обеденное! Думаю, коль Мария в гости пригласила, то зачем визит откладывать, тем более — ухой обещала угостить!

— Пусть будет так. Но, в таком случае, что же супругу не захватил, ведь из аэропорта мимо своего дома проезжал?

— Понимаешь, понимаешь!.. Поспешил... — замямлил Петровский.

— Ладно, не отвечай! Мне в отношении тебя все или почти все ясно — горбатого, верно говорят, могила исправит!

— Это ты о чем?

— Сам знаешь! Да и при Марии не хочется тебя ниже плитуса опускать! Только знай — я, дорогой товарищ, в долгу не останусь. Слышал, что муж симпатичной сотрудницы вашего сельпо, на которую ты глаз положил, в командировку улетел, так вот я сегодня к ней не на ужин загляну, чего ухаживания разыгрывать, а с ночевкой! Надо же где-то бедному студенту до утра приютиться!

Мария за все время, пока мужчины на повышенных тонах разговаривали между собой, не проронила ни слова — как встала у плиты, опустив безвольно руки, так и стояла, словно вкопанная... Но при последних словах Анатолия Петровича резко побледнела, подбородок у нее нервно задрожал, казалось, еще минута — и она заплачет... □

Продолжение следует.

Андрей Дышев

УБИТЬ

остров

Глава 1

Черная косметичка

Все, что приказывал режиссер, Ворохтин делал скрепя сердце. Потому что приказы, с точки зрения здравого разума, были нелепыми. Зачем, спрашивается, мерить давление участникам шоу перед самым отплытием, если он уже делал это час назад? И зачем проверять пульс? Что это даст? А пальпировать подчелюстные лимфоузлы — вообще идиотизм в высшей степени! Даже самый никудышный лекаришка, увидев этот эпизод по телевизору, наверняка станет плевать и хихикать над тупостью главного врача и спасателя «Робинзонады».

И вообще, сама задумка этого телевизионного шоу неудачна. Неужели стране будет интересно следить за тем, как пятеро взрослых людей поодиночке выживают на маленьких необитаемых островах, разбросанных по заповедному карельскому озеру? Как дяди и тети жрут крапиву, червяков и улиток, спят на еловых ветках и прячутся от дождя под листом борщевика?

Насмешка над благами цивилизации, не более того. Ворохтин ни за какие деньги не стал бы обрекать себя на такие муки и унижения. Даже за один миллион рублей, обещанный организаторами шоу победителю соревнования. Здоровье и достоинство дороже. В этом он как профессиональный спасатель был убежден.

Но договор есть договор, и Ворохтин продолжал выполнять свои обязанности, с умным видом щупая подчелюстные лимфоузлы у рослого авантюриста.

— И вот первый участник «Робинзонады» готов к старту! Это Александр Бревин! — захлебываясь от искусственного волнения, вещал в микрофон главный режиссер и ведущий программы Арам Иванович Саркисян. — Начинается жеребьевка! Сейчас он опустит руку в шляпу, где лежат пять жетонов с номерами островов...

Сухощавый, не по годам плешивый оператор Чекота, не отрываясь от окуляра видеоискателя, на полусогнутых ногах пошел по кругу, снимая, как Бревин опускает руку в шляпу и вытаскивает оттуда круглый жетон.

— Номер пять!

— Остров номер пять! — возопил Саркисян, выхватывая из руки Бревина жетон и поднимая его над головой. — Это самый удаленный от нашей базы остров! Географическое название — Косая Заводь! Площадь — два с половиной квадратных километра. Растительность — смешанный лес.

— В-в-вау! — радуясь неизвестно чему, взвыл Бревин и, несмотря на свой внушительный вес, высоко подпрыгнул, словно обезьяна.

— Александр, как вы себя чувствуете? — сунул ему под нос микрофон Саркисян.

— Как космонавт! Я давно собирался сесть на диету, но воли не хватало. А сейчас я просто в отпаде: и похудею, и бабки получу! — пританцовывая и энергично жуя жвачку, ответил Бревин. Он неимоверно растягивал гласные, проглатывал согласные, да, к тому же, гундосил. Разобрать его слова было нелегко.

— Вы уверены в своей победе? — брызгал слюной Саркисян.

Оператор приблизился к Бревину, снимая крупным планом его розовое от возбуждения и пива лицо.

— Не то слово! Я знаю, что выиграю. Как говорила моя маманя, пока толстый сохнет, худой сдохнет. И еще, пользуясь случаем, хочу передать привет самой клевой девчонке на свете — Ритке. Зайка, труднее всего на острове мне будет пережить половое воздержание. Не волнуйся, вернусь с победой! Готовься на Канары!

Оператор отошел, снимая общий план. Ассистент отвел Бревина в пластиковую кабинку, где он переоделся в пятнистую униформу. Едва он вышел, оглядывая чрезмерно длинные рукава куртки, ему сунули в руки большой пластиковый пакет с надписью «Робинзонада».

— В этом пакете находится все, что разрешается взять с собой на остров нашим отважным «робинзнам», — скороговоркой стал комментировать Саркисян, глядя через плечо в объектив камеры, что, по его мнению, должно было смотреться интригующе и свежо. — Это тесак, котелок, зажигалка, одеяло, коротковолновая рация и сигнальная ракета для вызова спасателей.

— А если, пардон, ракета не сработает? — спросил Бревин, с удовольствием позируя перед камерой.

— В этом случае затребовать помощь можно будет также через телекамеру и по радиостанции. В этом нет принципиальной разницы, — пояснил Саркисян. — Но напоминаю вам, уважаемые телезрители, едва нога спасателя ступит на берег острова, как «робинзон» немедленно выходит из игры, независимо от того, получил он помощь или нет.

Саркисян говорил гладко, с интонацией праздничного оптимизма. Это был подвижный, кругленький коротышка, похожий на доброго Бармалея с длинными пушистыми ресницами. Правда, когда сюжеты Саркисяна выходили в эфир, разница в росте между ним и его рослыми героями была совершенно не заметна. В чем заключался фокус, члены съемочной бригады не знали. Не менее удивительная метаморфоза происходила и с плечью на темечке Саркисяна, которая на телеэкране выглядела столь же отчетливо, как и Крабовая туманность из созвездия Водолея, если на нее смотреть невооруженным глазом в солнечный день.

Характер у ведущего был таким же переменчивым. Он взрывался, если ему казалось, что никто не понимает замысла нового проекта, но быстро и легко отходил, когда признавался себе, что тоже не врубается в этот замысел. Подписав с Ворохтиным договор, Саркисян распил с ним бутылку армянского «Ахтамара» и перешел на «ты». А когда вслед за этим открыл бутылку «Арарата», то признался Ворохтину, что идея «Робинзонады» выстрадана им на личном опыте, так как много лет назад он потерпел крушение в Каспийском море и несколько дней жил на необитаемой песчаной отмели, питаясь ракушками и стеблями камышей...

На медосмотр вытолкнули второго «робинзона». Это был нескладный, низкорослый юноша в очках, в несвежей, потерявшей форму синей майке и бейсболке с большим козырьком. За его спиной болтался небольшой рюкзачок. Ворохтин мысленно окрестил его «Ботаником». Эта кличка приклеилась к юноше удивительно легко, и на базе иначе его никто не называл.

— Позвольте полюбопытствовать, дорогой сеньор Робинзон! — заигрывающим голосом произнес Саркисян, похлопывая по рюкзачку. — А что это у вас за спиной?

— Ничего запрещенного! — с готовностью ответил молодой человек, торопливо скидывая рюкзачок с плеч. — Могу показать. Энциклопедия по биологии, учебник английского и справочник по бейсику.

— Стоп! — крикнул Саркисян оператору. — Это хороший момент. Дать свет! Рюкзак крупным планом, затем отъезд. Готовы? Мотор!!

— В кадре! — отозвался Чекота.

Саркисян повернулся к объективу, опустил руку юноше на плечо и медленно пошел с ним на камеру.

— Эх, если бы у Робинзона Крузо оказался с собой справочник по бейсику, да еще и словарь по фортрану, разве просидел бы он четверть века на необитаемом острове?.. Условия нашей игры не менее жестокие, господа! Никаких личных вещей! Ни-ка-ких!.. Стоп! — Он забрал у юноши рюкзачок и протянул его ассистенту: — В камеру хранения! И поторопимся! В кадре берег. Продолжается медосмотр. Участник занимает место напротив врача. Поехали!

Ботаник осторожно опустил на складной стульчик, едва не опрокинув острыми худыми коленями столик. Ворохтин надел ему на руку манжетку сфигмоманометра и принялся накачивать грушу. Молодой человек с напряженным вниманием смотрел на цифры, бегущие по электронному табло.

— Вот врач осматривает второго участника нашего грандиозного шоу! — продолжал тараторить Саркисян, прохаживаясь перед складным столиком и путая провод микрофона. — Напомню телезрителям, что призовой фонд составляет один миллион рублей! Один миллион! Это огромные деньги! И получит их тот участник, который продержится на острове без посторонней помощи дольше всех. Ежедневно, в полдень и в шесть часов вечера, «робинзоны» будут включать телекамеры и подробно рассказывать нам о том, как они выживают в экстремальных условиях... А теперь мы прерываемся для рекламного блока. Оставайтесь с нами!

На телекамере не успела погаснуть красная лампочка, как он кинулся к Ворохтину и принялся колотить микрофоном по столу:

— Что ты сидишь, уставившись в одну точку?!

— Давление меряю, — ответил Стас.

— К черту давление! В кадре не должно быть статичных фигур! Делай что-нибудь! Двигайся, шевели руками, стащи с него майку, посмотри ему в рот...

— Зачем? — сохраняя завидное спокойствие, спросил Ворохтин.

— Чтобы найти кариес, черт тебя возьми!

— Ну, найду. А что потом? Пломбировать?

Саркисян даже задохнулся от гнева. Он повернулся к оператору и ассистентам, развел руками и, покрутив головой, произнес жалобным тоном, будто ища сочувствия и поддержки:

— Не понимает. Человек не понимает, что мы здесь делаем! Уж, конечно, мы не будем plombировать ему зубы! Твоя роль, дорогой мой, заключается в другом! Присутствие врача и строгий медицинский контроль должны придать нашему шоу ощущение драматизма и опасности... Нахмурь же брови, черт тебя подери! Чему ты улыбаешься?

— У вас на голове бабочка сидит.

— К черту бабочку! Где ассистенты? Готовьте третьего участника! Запускайте Лену! Леночка!.. А ты перестань улыбаться! Мне сейчас нужен не врач, а актер! А будешь сопротивляться, получишь по морде! Все, собрались! Мотор!!

— В кадре!

Короткая перепалка немного разрядила атмосферу и придала ей столь необходимый для шоу оттенок динамизма. Ботаника отправили переодеться в униформу, а его место заняла молодая женщина со скуластым лицом и впалыми щеками. Она была худенькая, жилистая и очень подвижная. Короткая, под мальчика, стрижка подчеркивала ее крупный и вытянутый нос, но женщина по этому поводу ничуть не комплексовала, улыбаясь без всякой натяжки.

— Лена, почему вы решили принять участие в нашем шоу? — спросил ее Саркисян.

— Я люблю одиночество, — ответила женщина, в то время как Ворохтин пытался заглянуть ей в рот.

— Вы такая хрупкая и беззащитная на вид, — не вполне точно подметил Саркисян. — Не боитесь остаться один на один с грозными и враждебными силами природы?

— Человек — дитя природы, — произнесла Лена, сверкая улыбкой, — и потому в ней не может быть ничего враждебного для нас.

Ворохтин попытался засучить рукав и оголить ее руку для манжетки сфигмоманометра, но, увлеченная разговором с Саркисяном, она не понимала его намерений и все время одергивала рукав книзу.

«Ну и черт с ним, с давлением! — подумал он. — Проверю на вшивость».

В какой-то момент рука Лены оказалась в его ладони. Она по-прежнему разговаривала с Саркисяном и не смотрела на Ворохтина, но врач почувствовал, что ее пальцы разжимаются. Через мгновение в его руке оказался маленький бумажный скатыш. Он крепко сжал его и незаметно убрал руку со стола.

Лене достался Первый остров, деревья на котором можно было пересчитать с базы даже без бинокля.

Подошел черед четвертого участника, молодого человека с узким лицом и короткой прической. Плечи его были покатыми, отчего казалось, что туловище, постепенно сужаясь, плавно переходит в шею. Он предстал перед камерой в тренировочных брюках и тельняшке без рукавов, которая невыгодно подчеркивала его тонкие руки и выпирающие ключицы. Ворохтин, чтобы не повторяться, послушал его спину через фонендоскоп.

— Если не ошибаюсь, вы — десантник? — спросил Саркисян.

Парень неторопливо сложил руки на груди, чтобы хоть как-то выделить слаборазвитый бицепс, и кивнул:

— Десантник.

— Как вы отметили недавний день ВДВ?

— До сих пор кулаки болят, — недвусмысленно ответил тот.

— Наше шоу — только для настоящих мужчин! — повернулся к камере Саркисян. — В борьбу за выживание включается десантник Сергей Лагутин! — Снова поворот, и микрофон едва не коснулся губ десантника. — Вам выпал Второй остров. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Первый, Третий... Какая разница? — усмехнулся Лагутин. — В любом случае — это детская забава. Просто я хочу купить крутую тачку и приличную охотничью винтовку с оптикой, чтобы охотиться на носорогов в Кении. А на это нужны деньги.

— Вы уверены в своей победе?

— А разве тут есть достойные соперники?

— Bravo! Какой оптимизм! Какая уверенность в своих силах! А вас не смущает, что по соседству с вами будет бороться за победу очаровательная Леночка?

— Если ей станет грустно, я обязательно навещу ее.

— Ха-ха-ха! Прекрасная шутка! Прекрасная, если учесть, что температура воды в озере — всего плюс семь! — воскликнул Саркисян, заполняя собой весь кадр. — И все же я напомню: если «робинзон» покинет свой остров, он немедленно выбывает из соревнования. Увы, сойдет с дистанции и тот игрок, чье одиночество будет нарушено вторжением на остров гостя.

Последним участником оказался мужчина пенсионного возраста, похожий на рыболова-спортсмена. От волнения он потерял дар речи, и Саркисяну никак не удавалось его разговорить.

— Ваше имя?

— Павлов.

— Кем вы работаете?

— Пенсионером.

— Чем вы будете заниматься на острове?

— Рыбалкой.

— Вы полагаете, вам удастся поймать рыбу без крючка и лески?

— Я только так и ловлю...

Наконец все пятеро участников, переодетые в униформу, с пакетами в руках, выстроились на берегу перед моторной лодкой.

— До старта нашего грандиозного шоу остается всего несколько минут! — неумолимо говорил в микрофон Саркисян. — Пятеро отважных людей добровольно погружаются в экстремальные условия, чтобы доказать:

возможности человека безграничны, если не угасают любовь к жизни и вера в победу...

Он первый сел в моторку и занял место на носу. За ним в лодку стали забираться участники. Оператор Чекота, не замечая, что шлепает ботинками по воде, снимал, как Бревин подает руку Лене и помогает ей запрыгнуть на корму.

Ворохтин стоял в группе ассистентов и смотрел, как «робинзоны» прощаются с Большой землей. Когда моторка отчалила, он сунул руку в карман комбинезона и вынул оттуда бумажный скатыш. Осторожно, чтобы не порвать, развернул его и прочел фразу, написанную торопливо простым карандашом: «Если получите от меня сигнал о помощи, пожалуйста, захватите с собой черную кожаную косметичку, которая лежит во внутреннем кармане моего рюкзака. Заранее благодарна!»

Глава 2

Лагутин

Он стоял на самом краю обрыва, с которого торчали спутавшиеся корни деревьев, напоминающие неухоженную бороденку. Моторная лодка, на которой он приплыл сюда, медленно отчаливала от берега, оставляя на зеркально-гладкой воде идеально ровный контур конуса.

— Желаем удачи! — кричал с лодки Саркисян.

Помощник режиссера запустил мотор, лодка развернулась и помчалась к очередному острову. Лагутин продолжал стоять на берегу, провожая взглядом оператора, который, пристроившись на корме, продолжал съемку, и на камере ярко светился малиновый огонек.

Старт дан. Время пошло. Он отчетливо представлял, что испытание предстоит серьезное. Продержаться на острове дольше всех — отнюдь не детская игра. А победить надо. Во что бы то ни стало он должен победить...

Пока еще светло, надо побеспокоиться о ночлеге. Подхватив пакет и пробившись через густые заросли бузины, Лагутин вышел на полянку, на краю которой росла могучая лиственница. Вытряхнув содержимое пакета на траву, взял тесак, подошел к стволу и, вогнав лезвие в кору, принялся нарезать ее продольными полосами. Затем сделал горизонтальные насечки и стал аккуратно сдирать кору кусок за куском.

Одинаковые, слегка изогнутые «пластины» он сложил стопкой на самом краю поляны, куда не мог достать взгляд объектива. Расчистив там же площадку, вбил в землю две крепкие рогатины, закрепил на них несущий

брус и по обе стороны от него уложил жерди. В качестве стропил использовал прямые, как копья, стволы молодой рябины, привязывая их к жердям сухой лозой. Когда получилась вполне крепкая и просторная «клетка», Лагутин стал обкладывать ее снизу вверх кусками коры, наслаивая их друг на друга, как черепицу.

Работа эта была трудоемкая, но до темноты еще далеко, и Лагутин не боялся, что первую ночь на острове ему придется провести под звездным небом. И думал он вовсе не о предстоящем ночлеге, а о той жизни, которую оставил на Большой земле.

Он вспоминал, каким доверчивым и наивным был, когда решил перегонять из Германии автомобили престижных марок по предоплате. Два раза получилось все гладко, как в сказке: сначала взял у заказчиков деньги, одну за другой пригнал «ауди» и «БМВ», отдал их заказчикам и, подсчитав навар, размечтался о серьезном бизнесе. И тут судьба столкнула его с деловым мужичком, который без лишних формальностей отслонявил ему тридцать тысяч баксов в качестве предоплаты за два подержанных «мерседеса»...

То, что этот мужичок его подставил, Лагутин понял слишком поздно. Его ограбили по дороге в Германию, очистили карманы и отбили почки. Мужичок навел его в больницу и, пожелав скорейшего выздоровления, добавил, что «счетчик включен», тридцать тысяч баксов необходимо вернуть через неделю. На прощание оставил свою визитку, приветливо помахал рукой и ушел.

У Лагутина не было ни денег, ни чего-либо другого, пригодного для продажи. Даже квартиры своей не было — он жил у тетки. Пытался занять у друзей, но друзья его большей частью были такими же неудачниками, как и он сам, и больших денег никогда не имели.

Прошло десять дней. Лагутин решил, что мужичок, проникнувшись к нему состраданием, дал еще время, и в какой-то мере оказался прав. Поздним вечером он зашел в свой подъезд и вдруг услышал два приглушенных выстрела, и ему на голову посыпалась штукатурка. Несколько мгновений он продолжал стоять, как соляной столб, подпирая собой почтовые ящики и глядя на лестничную площадку, освещенную тусклой лампочкой. Наконец увидел молодого человека в черной футболке и с пистолетом в руке. Тот спокойно прошел мимо ошарашенного Лагутина к выходу, в дверях остановился и бросил: «Это последнее предупреждение. У тебя есть еще неделя!»

Когда незнакомец растворился на ночной улице, Лагутин отошел от стены и обернулся. Две пули вошли в стену в сантиметре над его головой.

Он понял, что, если не найдет деньги, его очень скоро похоронят. Исчезнуть, затеряться на просторах страны он не мог, иначе подставил бы под удар несчастную родственницу. Возможно, Лагутин нашел бы какой-нибудь выход, но этот выход нашелся сам — уже на следующий день он увидел по телевизору объявление о наборе участников в экстремальное шоу «Робинзоада» с премиальным фондом один миллион рублей. Не задумываясь о последствиях, позвонил мужичку, сказал, что через две недели отдаст ему долг, и этим же вечером уехал в Карелию.

И вот он на острове. Уже прошло два часа, как отчалила моторка, и он остался один. Все колебания и сомнения отошли в сторону, сейчас Лагутин думал только о будущем. Его волю не сломить. Он обязательно победит! Другого не дано. Сойти с дистанции и вернуться домой без денег — значило подписать себе смертный приговор. Поэтому он будет сидеть на этом острове до тех пор, пока не сломаются все его соперники. А Лагутин знает, как выжить...

...Было уже четверть шестого, когда он закончил покрывать кровлей из коры скаты своего жилища. Торец шалаша закрыл пленкой, разорвав по швам полиэтиленовый пакет, и замазал места соединения глиной. В качестве «двери» использовал большую еловую лапу. Земляной пол внутри шалаша тоже сначала застелил хвойными ветками, затем накидал сухой травы и мха. Сверху расстелил одеяло. Залез внутрь, лег на ложе и даже глаза прикрыл от удовольствия. Крыша надежная, сухо, не дует. Пятизвездочный отель!

До первого сеанса связи оставалось еще полчаса, и он стал собирать хворост для костра. «Завтра к вечеру на берег попросятся как минимум двое, а через три дня — оставшиеся... Тем не менее, даже три дня надо ведь что-нибудь есть», — подумалось ему, и он, вооружившись тесаком, осмотрелся вокруг, раздумывая, в какую сторону пойти на поиск чего-нибудь съестного.

Плотные заросли кустов и участки труднопроходимого валежника чередовались с открытыми светлыми полянками, утыканными булыжниками. На одной из таких полянок Лагутин нашел целую плантацию фиолетовых саранок с растрепанными, загнутыми кверху лепестками. Опустившись на колени, медленно потянул за стебель цветка, выдернул луковицу, отсек ее от стебля и сунул в карман. Где-то он читал, что мясистая луковица саранки вполне съедобна и даже вкусна, если ее испечь в золе или сварить.

Решив, что обязательно вернется сюда, Лагутин пошел дальше. Внезапно сосны расступились, блеснула вода, и он, выйдя к заводи, пошел по влажному заболоченному берегу к большой воде.

На широком песчаном пляже, который пронизывал разгулявшийся ветерок, остановился и сел на корявый плавун. Это был западный берег острова, и волны обработали его куда сильнее, чем северный. Многие сосны, не выдержавшие борьбы с водой, рухнули на пляж. Их могучие корни еще оставались на обрыве, а кроны уже лежали в воде. Впереди, откуда катились волны, будто прямо из воды, росли длинные березы и сосны. Это был Четвертый остров, ставший пристанищем для рыболова Павлова.

Лагутин вскинул руку и посмотрел на часы. До начала записи оставалось пятнадцать минут. Пора! Поднявшись на обрыв, он оглянулся и еще раз посмотрел на соседний остров — на этот раз с неприязнью и даже ненавистью.

Глава 3

Ей там нечего делать

Ворохтин был категорически против, чтобы она плыла с ними, потому что за годы работы спасателем невзлюбил журналистов — просто на дух их не выносил. Там, где властвовали драма, боль и слезы, он профессионально выкладывался до конца, воспринимая стихию как своего противника, свою работу — как единоборство, и чужая беда становилась его бедой. А журналисты, оказавшиеся в эпицентре, путались под ногами с восторженными глазами, словно коты, попавшие на колбасный склад. Ими руководили совсем иные инстинкты, их, как вампиров, тянуло туда, где было больше крови. Человеческая драма для журналиста — это сенсация, и чем она громче, тем выше гонорар за репортаж.

— Ей нечего там делать! — крикнул Ворохтин Саркисяну, который быстро шел к берегу. За ним едва поспевал Чекота с камерой.

— Здесь! — сказал Саркисян, не слушая Ворохтина, и поднял руку вверх. Он нашел хороший ракурс: было видно озеро, две моторки, покачивающиеся на волнах, и Ворохтин с журналисткой. — Собрались! Вздохнули! Мотор!!

— В кадре! — прицелился в окуляр оператор.

— Журналистке нечего там делать! — снова выкрикнул Ворохтин, не обращая внимания на то, что камера уже работала.

— Стоп!! — взвизгнул Саркисян, изогнув брови коромыслом.

Чекота выключил камеру и оторвался от окуляра. Ведущий гневно посмотрел на спасателя, сжимая микрофон, словно противотанковую гранату:

— Она аккредитована, милый мой! И продюсер дал добро! Реклама в прессе нам тоже нужна! Понятно?

— Это нестандартная ситуация, Арам Иванович! — не сдавался Ворохтин. — Человек, может, отравился грибами. Его тошнит. Или, не дай бог, он в коме. Зачем там нужен корреспондент?

Саркисян поморщился. Ему не хотелось спорить, тем более что изменить что-либо все равно невозможно, все они, включая продюсера, были рабами зрителей.

— Даже если бы этого не случилось, я бы придумал нечто подобное! — трясая маленькой мясистой ладошкой, произнес он. — Чем больше страсти, загадок и драмы, тем лучше! Народ хочет саспенса! Саспенса!.. Все! Прекратить болтовню! Снимаем!

Ворохтин лишь махнул рукой и, подхватив большую сумку с красным крестом, полез в лодку вслед за журналисткой. Тихая как мышка девушка в нелепой штормовке с капюшоном цвета хаки, какие носили еще строители БАМа, села на носу. Поставив кофр на колени, она стала настороженно смотреть на Ворохтина, как на человека, который способен на непредсказуемый поступок.

— И вот в лодку уже садятся спасатель и медсестра! — задыхаясь от неестественного волнения, говорил Саркисян. — Что же все-таки случилось на Втором острове? Почему Сергей Лагутин не вышел на связь в шесть часов вечера? Почему он не реагирует на вызов радиостанции? Но если с ним случилось нечто из ряда вон выходящее, то почему он не запустил сигнальную ракету? Никто, никто пока не может дать ответы на эти вопросы. Посмотрите, в каком тревожном ожидании наши спасатели! Они готовятся бороться за жизнь Лагутина и спасти ее даже ценой собственной жизни!

Ведущий замолчал и махнул рукой. Оператор выключил камеру.

— Ворохтин! — взмолился Саркисян, залезая в лодку. — Не делай же такое равнодушное лицо! Ты должен переживать о судьбе Лагутина! Нахмурься и пристально всматривайся вперед: не покачивается ли на волнах труп? Не полыхает ли на острове пожар? Не заламывает ли нашего героя разъяренный медведь?

— Типун тебе на язык! — ответил Ворохтин и запустил мотор. Раздался оглушительный треск, над водой поплыл сизый дым, и суденышко закачалось на волнах. Журналистка, сидящая на носу, одной рукой схватилась за борт, а второй сильнее прижала к себе кофр. Ветер сорвал с ее головы капюшон. Оказалось, что ее голова была по-монашески туго повязана белым платком, который скрывал волосы. Казалось, что девушка совершенно лысая.

— На острове ты будешь главной фигурой! — кричал Саркисян Ворохтину, удобнее устраиваясь на скамейке. — Как только сойдешь на берег, Чекота включит камеру! Будешь идти и на ходу комментировать. Скажешь, что, мол, обстановка на острове мрачная, на зов никто не откликается, что

накрапывает дождь... Побольше темных оттенков, понял?! Побольше драматизма в голосе! Дублей не будет! Все, что запишем, утром пойдет в эфир! Только не вздумай артачиться, не то утоплю!

Ворохтин повернул ручку газа до упора. Вода под кормой забулькала, закипела, и лодка помчалась по мятой поверхности озера. «Он еще не знает, что произошло, а уже требует темных оттенков и драматизма, — думал Ворохтин, направляя катер по большой дуге к Второму острову. — Плевать ему на Лагутина! Главное, чтобы программа притягивала зрителей к телевизорам, как стаю гиен к падали. Еще и журналистку купили, которая будет пускать восторженные слюни в газетах! Черт дернул меня подписать договор с этой компанией!»

— Пригнись! — со злостью крикнул он журналистке, которая маячила перед его глазами. — Из-за тебя ничего не видно!

Глава 4

Чего он боялся?

Они проскочили мимо Первого острова, на узком и длинном мысу которого ярко полыхал костер, напоминая маяк, и через несколько минут на них надвинулась темная громада Второго. Ворохтин убавил газ, и лодка плавно заскользила по гладкой черной воде.

Смеркалось. Над водой поднимался туман. Саркисян, подняв воротник куртки, проворчал:

— Прибавь газку! Темнеет быстро.

Ворохтин не только не прибавил газку, он вообще заглушил мотор. И в то же мгновение, как стало тихо, все отчетливо услышали крик:

— Это я! Лагутин! Я здесь! Эй, на моторке! Я здесь!

Ворохтин стал подгребать коротким веслом к берегу. Саркисян заволновался, заерзал, и лодка начала раскачиваться.

— Что он там делает? — с недоумением спрашивал он неизвестно у кого. — Чего он орет? Камера готова?

— Не приставайте к берегу! — кричал Лагутин. Теперь его можно было отчетливо видеть на краю обрыва. — У меня все в порядке!

— Мотор!! — скомандовал Саркисян оператору и попытался встать на ноги, но лодка так качнулась, что он выронил микрофон и едва не вывалился за борт. — Что с вами случилось? — крикнул он, застыв в позе стартующего спринтера и крепко держась обеими руками за борта.

— Ничего! Со мной все в порядке! — отозвался Лагутин.

— Но почему вы не вышли на связь?

— Я проспал!

— Как проспал? — Саркисян повернулся к сидящим в лодке: — Ничего не понимаю! Как можно проспять сеанс связи? Он что, пьян?

— Пожалуйста, не причаливайте к берегу! — кричал Лагутин. — Я продолжаю участвовать в «Робинзонаде»!

— Хорошо, — недовольным голосом крикнул Саркисян. — Мы не будем причаливать. Но вам — предупреждение. Еще раз не выйдете на связь — снимем с соревнований!

— Договорились! — ответил тот.

— Разворачивайся! — скомандовал Саркисян Ворохтину. — Погнали домой! Так холодно, что у меня уши заледенели! И как он без костра обходится?

Моторка помчалась в обратную сторону, пронзая острым носом туман. Журналистка спрятала фотоаппарат в кофр. Чекота все еще снимал удаляющийся остров и застывшего на берегу Лагутина.

— Да выключи ты свою шарманку! Этот эпизод мы ставить не будем, — сказал ему Саркисян, ерзая на скамейке и оглядываясь на остров. Затем, пожав плечами, добавил: — А странно он себя вел, да?

— Он боялся, что мы высадимся на остров и заберем его, — сказал оператор, натягивая на камеру чехол.

— А мне показалось, что он испугался другого, — вставила журналистка.

— Чего другого? — нетерпеливо спросил Саркисян.

— Что мы догадаемся, почему он не вышел на связь.

— А почему он не вышел?

Журналистка пожала плечами. Оставшуюся часть пути плыли молча.

Глава 5

Лена

Она больше часа бродила по острову, собирая хворост и пытаясь детально продумать, о чем будет говорить во время второго сеанса связи. «Сначала я расскажу о том, как прошла моя первая ночь на острове. Можно будет показать гамак, который я смастерила из одеяла. Потом скажу, что остров мне очень нравится. Он чистый, здесь нет ни бутылок, ни пакетов, ни консервных банок, какими загажены популярные места отдыха... Я распишу его живописные берега... Все будет хорошо, все будет хорошо!» Но успокоения эти мысли не принесли, и Лена быстро пошла на песчаный мыс, где была установлена камера. Вдруг она остановилась, круто повернулась

и направилась в обратную сторону. Не разбирая дороги, прорываясь через кусты, с упрямством раздвигала колючие ветки, спотыкалась о поваленные трухлявые стволы и, наконец, упала на сырой мох. Ее колотил озноб, мысли путались, осознание страшной беды охватило ее. «Что же я наделала! — с ужасом подумала Лена. — Я же умру здесь! Я не выдержу этого! Я сама себя убиваю!»

Она вскочила и со всех ног кинулась обратно, на спасительный мыс, где на траве лежал пакет с рацией и сигнальной ракетницей. Там спасение, только там! Быстрее, быстрее с этого ужасного острова, из этой могилы!

Добежав до места, она кинулась к пакету, торопясь, облизывая пересохшие губы, разорвала полиэтилен и, вытащив ракетницу, прижала ее к лицу: «Милая моя спасительница! Как умно придумано! Какие же молодцы организаторы! Достаточно только дернуть за веревочку, и через десять минут они уже будут здесь! А может, даже через пять минут. Что тут плыть? Мой остров ближе всего к берегу. Вот он, голубчик! Кажется, только руку протяни. Вон палатки, машины, костры. Народ неторопливо бродит по берегу. Кто-то рыбачит, кто-то делает шашлыки... Там жизнь! Жизнь! А здесь смерть...»

Лена лежала на песке, сжимая в ладони сигнальную ракету, и плакала навзрыд. Чем хорош был необитаемый остров, так это тем, что здесь не надо было скрывать своих чувств. Постепенно она стала успокаиваться, сердце билось уже ровно, хаотически разбросанные мысли выстраивались в стройный ряд. «Я смогу! Я смогу... Поживу здесь неделю или две. Буду молиться Богу и пить травяные чаи. Очищу организм. Приступы с каждым разом будут ослабевать, и я начну жить заново...»

Она с трудом поднялась и, подхватив ракетницу, поплелась на полянку, где была установлена камера. Шла тяжело и медленно, часто останавливаясь, чтобы перевести дыхание, будто не легкую пластиковую трубочку несла, а тяжесть неподъемную.

Ровно в двенадцать Лена включила камеру, села на траву, скрестив ноги по-турецки, и, глядя в объектив, устало произнесла:

— Мне очень нравится этот остров. Здесь нет ни бутылок, ни пакетов. Здесь нет той гадости, которой заражены наши города и села...

Глава 6

Нехорошо сдаваться первым

Вторая, как и первая ночь на острове, была для Бревина ужасной. О третьей он даже думать боялся. Весь день он провалялся на прогретом солн-

цем песчаном утесе, кутаясь в одеяло, и все никак не мог согреться. Полудрема сменялась глубоким беспмятством, а когда Бревин пробуждался, то с испугом вскидывал голову, дурными глазами оглядывал кусты, деревья, играющую солнечными бликами поверхность озера и со стоном ронял голову на одеяло.

«Робинзонада» оказалась не такой, какой он ее себе представлял. Точнее сказать, его способности пережить ее оказались совершенно иными. Да и способностей, по большому счету, не обнаружилось. Холодные ночевки попросту убивали его. Еще никогда в жизни Бревину не доводилось спать в лесу, на тонком одеяле, под открытым небом, и потому он даже предположить не мог, какая это невыносимая пытка.

Он едва дождался утра. Опухший, охрипший, страдающий от боли в спине и суставах, он даже не смог заставить себя умыться и сразу же принялся разжигать костер. Хворост оказался сырым от росы и не хотел воспламеняться. Тогда Бревин попытался срубить тесаком сухие ветви у сосны, но первым же ударом сильно поранил себе палец. Вскрикнув от боли, он зашвырнул тесак в высокую густую траву с такой силой, что потом найти его уже не смог.

К полудню Бревин не мог думать уже ни о чем, кроме как о еде. В нормальной жизни ему никогда не приходил в голову бред под названием «диета». Своей несколько тяжеловесной фигурой он не тяготился, напротив, берег и лелеял ее, как важный и необходимый атрибут социального положения, поэтому состояние голода было ему незнакомо. Это было второе, не менее шокирующее открытие за минувшие сутки — голодание, оказывается, ужасно и крайне неприятно.

Стойкая привычка с легкостью решать все житейские проблемы, с которыми Бревин ежедневно сталкивался в нормальной жизни, не позволила ему впасть в крайнюю степень уныния. Он даже представить не мог, что в самое ближайшее время не наладит на острове достойные условия жизни. Быть такого не могло, чтобы он, Александр Бревин, заместитель директора фирмы, торгующей трубами, ходил голодным и продрогшим! В его жизни никогда не существовало преград! Он ставил перед собой цели и добивался их. Удовлетворял любые свои желания, чем вызывал зависть знакомых и соседей. Научился быстро и без усилий снимать нерешенные проблемы либо телефонным звонком, либо легким движением пальцев, в которых была зажата денежная купюра. И здесь, на этом вшивом острове, он должен показать свою силу, деловой ум, умение быстро и точно реагировать на любое изменение обстановки.

С неукротимым желанием что-то немедленно и радикально изменить Бревин бродил по острову, и на лице его застыло то строгое и властное

выражение, с каким он каждое утро появлялся в своем офисе. Он обошел по периметру весь остров и вдруг подумал, с необычайной ясностью осознав, где находится: «Черт возьми! Как же тут можно жить? Они что, вообще сюда приезжать не будут? Идиотские правила! Уж кормить могли бы! Не объяснили ничего толком, заморочили голову... Эх, попутал меня бес ввязаться в эту авантюру! И ради чего? Ради какого-то миллиона рублей? Да я при удачной сделке такие бабки за неделю подниму! И при этом ни голодать, ни спать на улице не надо. Кому я хотел доказать, что смогу просидеть на острове? Ритке? — Воспоминание о длинноногой подруге, работающей в массажном кабинете салона красоты, заставило Бревина нахмуриться. — Тоже стерва приличная! Нет, чтобы остановить, отговорить. Черта с два! Езжай, милый, подыхай на необитаемом острове, зарабатывай миллион на Канары... Цапля тонконогая! Привыкла, что все в жизни ей задарма достается. Что платья, что косметика, что «пежо». Привыкла сидеть на моей шее, свесив ножки...»

Кажется, он нашел первопричину и его неудачного дебюта в качестве «робинзона», и холодных бессонных ночей, и пустого желудка. «Что же это получается? — все больше распалял он себя. — Я, как последний бомжара, сплю на земле, накрывшись каким-то вонючим одеялом, а она в это время нежится на перинах итальянской спальни? И с нетерпением ждет, когда меня покажут по телевизору, чтобы вместе со своими глупыми подружками вволю посмеяться? А потом, как само собой разумеющееся, поедет на мой миллион копить свой худой зад на Канары?»

Не справившись с гневом, Бревин вскочил на ноги, кинулся к воде и, глядя на туманный берег, вскинул кулак вверх:

— Хрен тебе, а не Канары! Хрен!! Хрен!! Хрен!!

Злость помогла ему на некоторое время обрести прежнюю твердость духа. Он вернулся на свое место, сел на одеяло и крепко задумался.

«А в чем, собственно, проблема? Зачем я сам себя мучаю? Мне это надо? Да пропади этот остров пропадом! Позабавился немного, и хватит! Не для того я, как конь, пашу с утра до вечера, чтобы валяться под деревом и пухнуть с голода! Пусть бездельники и бомжи на этом острове сидят. А я человек цивилизованный, создавший себе достойные условия жизни своим умом и трудом!»

Бревин вытащил из пакета ракетницу и уже хотел, было, свинтить колпачок, как движения его застопорились, и он медленно опустил руки на колени.

«Нехорошо получается. Меня снимут с острова и на всю страну опозорят, вот, мол, полюбуйтесь, этот чмошник сдался первым, даже раньше, чем Лена, пустил соплю. А Ритка, стерва, наверняка обхохочется перед телевизором. Как ей потом в глаза смотреть? Она ж издеваться станет!»

Унижение, которое нарисовал в своем воображении Бревин, было просто убийственным, и у него мгновенно отпала охота вызывать моторную лодку. «Хоть бы кто-нибудь вышел из игры! — тоскливо подумал он. — Сдаваться вторым уже не так позорно...»

Бревин поднялся и двинулся в сторону восточного берега, поросшего тростником. Дойдя до места, остановился у самой кромки воды и долго смотрел на соседний остров, на котором обитал пенсионер Павлов.

Глава 7

Нервы как струны

Это был первый дождливый день с начала «Робинзонады». Пейзаж изменился до неузнаваемости. Поверхность озера, обычно голубая, покрытая легкими морщинками волн, сейчас напоминала огромное матовое стекло. Горизонт словно закрасили серой краской. Притихли некогда яркие, насыщенные цвета леса. Остро запахло сочной зеленью.

Ворохтин лежал на носилках в салоне «скорой» и разговаривал по телефону с женой.

— Я улетаю в Ниццу, — сказала она, неимоверно растягивая гласные. — Буду готовить выставку модернистов. Так что ты не очень волнуйся.

— Я не буду очень волноваться, — пообещал Ворохтин.

— Ты сейчас далеко? — голосом умирающей спросила жена.

— В Карелии...

Он не стал спрашивать, где сейчас она. Знакомые звуки посуды, телевизора, кофемолки говорили сами за себя. Конечно же, она на кухне. Готовит утренний кофе. Самое время! Первый час дня!

Ворохтин отчетливо представил себе Элю. Высокая, тонкая, болезненная, с вечными мешками под глазами, она неторопливо ходит по квартире в длинном халате, теплых и мягких тапочках, держа в одной руке пепельницу, а в другой — сигарету в мундштуке. Между ухом и плечом зажата трубка радиотелефона. В квартире вечный беспорядок, свойственный профессиональным дизайнерам. На многочисленных полочках стоят расписные пыльные тарелки, черные статуэтки, витиеватые, покрытые лаком корни деревьев и ветки, тряпичные куклы, керамические вазочки, миниатюрные копии Биг-Бена и Эйфелевой башни и прочий заграничный хлам, который Ворохтин на заре семейной жизни тщетно пытался выкинуть из квартиры. Лицо жены помятое, землистого цвета, волосы взлохмачены. Она часто затягивается, покашливает. Естественно, кофе убегает, и кухня

наполняется густым дымом. Эля неторопливо снимает турку с грязной, никогда не мытой плиты, выливает в крохотную японскую чашечку остатки кофе и, стоя перед окном, маленькими глотками пьет. Лохматый персидский кот шлифует ее ноги, потом беззвучно валится на кафельный пол и долго не подает признаков жизни...

— Тогда, па! — вяло сказала жена.

— Па! — ответил Ворохтин и отключил телефон.

Последний год он жил отдельно и в квартиру жены не заходил. Он знал, что несколько раз в ее доме появлялись мужчины — художники, критики, такие же странные и чудаковатые, как и она. Но ни один из них надолго не задержался.

Иногда Ворохтину становилось мучительно жалко Элю, но это было единственное чувство, какое он к ней еще испытывал.

Едва он затолкал телефон в карман безрукавки, как в салон заглянул помощник режиссера Гвоздев.

— Саркисян зовет! Четвертый остров на связь не вышел...

Ворохтин схватил сумку с красным крестом и выскочил из машины. На берегу происходило что-то необъяснимое. Одна из моторных лодок медленно дрейфовала вдоль деревянного причала, а Кира, сидящая в ней, как заводная, дергала тросик, пытаясь запустить мотор. Техники стояли на причале, размахивали руками и в один голос кричали:

— К берегу давай! Веслом гребь! Веслом, тебе говорят!

Кто-то услужливо держал над Саркисяном зонтик, и Ворохтин не сразу увидел главного режиссера.

— Ничего не понимаю! — нервничал Саркисян, наблюдая за развитием событий. — Что она делает? Куда ее понесло?

Он тотчас требовательно посмотрел на Ворохтина, будто тот мог знать ответ. Чекота заботливо придерживал полиэтиленовую пленку, которой была накрыта камера, хотя сам уже вымок до нитки. Но он стоически терпел пытку холодными каплями, сползающими по его щекам на дрожащую козлиную бородку.

— Не надо заводить! Веслом подгребай! — кричали мужики с причала.

— Она что, спятила? — все никак не мог найти ответа Саркисян. — Зачем она это делает?

Тут Ворохтин догадался, что все это значит. Кира пыталась в одиночку отправиться на Четвертый остров, но не смогла завести мотор. А почему одна?

Дрейф моторки благополучно завершился, лодка ткнулась кормой в причал, и стоящие на нем мужики тотчас ухватились за швартов. Кира опустила голову и осталась неподвижно сидеть на скамейке. Капюшон, по-

темневший от воды, закрывал ее лицо, и девушка напоминала грузинскую вдову, скорбящую над могилой мужа.

— Поехали! — скомандовал Саркисян и покатился на причал.

Помощник Гвоздев поспешил следом, добросовестно прикрывая лысину шефа от дождя раскрытым зонтиком.

Чекота, Саркисян и Гвоздев по очереди запрыгнули в лодку. Кира всем мешала, но даже не пыталась пересесть. Ворохтин со своей громоздкой сумкой забрался в лодку последний.

— Ты чего хулиганишь? — строгим голосом спросил Саркисян у Киры, отчитывая ее, как школьницу. — На берег высадить?

Кира молча покрутила головой.

— Она хотела остросюжетный репортаж отснять, — объяснил Ворохтин, включая зажигание и запуская мотор.

Кира кинула на него колючий взгляд, но возражать не стала. Моторка понеслась по серой неподвижной поверхности озера.

— По радиии пытались с ним связаться? — спросил Ворохтин у Саркисяна.

— Пытались... Сидит, наверное, в шалаше, под дождь выходить не хочет.

— Наблюдатели не проморгали сигнальную ракету?

— А кто его знает? Может, и проморгали...

Лодка проскочила мимо Первого острова. Над берегом низко стелился густой белый дым. Похоже, что дождь с успехом душил костер Лены, а она безуспешно пыталась его оживить.

На острове Лагутина признаки жизни не были заметны. Ни отблесков костра, ни дыма. Между стволов деревьев мелькнули контуры конического шалаша с крепкой крышей из древесной коры.

Моторка понеслась в пролив между Вторым и Третьим островами и, выскочив на чистую воду, взяла курс на узкий и длинный, как сигара, Четвертый остров.

— Пора кончать с этим! — объявил Саркисян. — Если каждый будет регулярно пропускать сеансы связи, мы на бензине разоримся! Высаживаемся на берег и снимаем Павлова с соревнований. Верно я говорю?

В ответ только Гвоздев кивнул. Кира чуть подалась вперед, глядя в серую мглу, откуда медленно проявлялся абрис Четвертого острова. Она напоминала охотничью собаку, взявшую след дичи. Помощник режиссера Гвоздев, студент ВГИКа, уже хорошо освоивший науку подхалимажа, сложил зонтик, от которого уже не было толку, и заботливо поинтересовался у Саркисяна, не дует ли ему в лицо. Саркисян ничего не ответил, он держал за козырек кепку, которую норовил сорвать крепкий сырой ветер.

— Что-то не видать, — пробормотал Чекота, когда моторка, сбавив ход, медленно поплыла вдоль берега острова.

— Спит, сукин сын! — уверенно произнес Саркисян и тотчас приосанился: — А ведь из этого получится неплохой эпизод! Спасатель бежит на помощь человеку, ищет его, видит залитый дождем костер, воткнутый в дерево тесак, валяющуюся в траве рацию... Ситуация нагнетается. Зритель ждет какой-нибудь страшной развязки, но... камера снимает шалаш, откуда доносится громкий храп. Идет наезд, и мы видим спящего нобелевского лауреата... Ворохтин! — Саркисян обернулся и поднял вверх указательный палец. — Ты слушаешь? Это в первую очередь касается тебя!

— Сначала я должен убедиться, что с Павловым ничего не случилось, — ответил Ворохтин.

— Он опять в ту же дудку! — покачал головой Саркисян. — Да что с твоим Павловым может случиться?

— Высадите меня на берег! — вдруг взмолилась Кира.

— Сейчас, дочка, сейчас! — ответил он, оглядывая заросли камышей. — Не лезь вперед батьки... А это что такое? Осторожнее!

Ворохтин уже успел заметить, что по курсу лодки из воды торчат колышки, образуя нечто похожее на большую стрелу с треугольным накопечником, и сказал:

— Это запруда, которую он показывал во время сеанса связи!

— Замечательно! — оживился Саркисян и толкнул оператора: — Камера готова? Начинай!

Чекота взвалил камеру на плечо и прильнул к окуляру видеоискателя. Лодка на малой скорости приблизилась к запруде.

— Павлов! — крикнул Ворохтин, оглядывая пологий песчаный берег.

— Не кричи! — махнул на него рукой Саркисян. — Разбудишь... Ребята, все делаем тихо. Сначала в кадре спасатель. Он выбегает на берег, замечает на песке следы и мчится по ним в глубь острова... Здесь очень важно подобрать соответствующий звуковой ряд...

— Смотрите!! — вдруг пронзительно крикнула Кира, показывая пальцем куда-то вперед.

— А что там? — стал крутить головой Саркисян.

— Плавает что-то... — неуверенно проговорил Гвоздев, протер глаза и снова посмотрел на запруды.

Еще никто не разобрался, что привлекло внимание девушки, как Ворохтин заглушил мотор и прыгнул с лодки. Ухнув в воду по пояс, он, насколько мог быстро, пошел к плавающему на поверхности воды предмету, схватил его обеими руками и потащил к берегу.

— Мотор!! — опомнился Саркисян. — Где микрофон?! Черт возьми, почему он еще не готов?

Суется, Гвоздев едва не перевернул лодку. Чекота направил объектив на Саркисяна. Тот уже вошел в роль и голосом паникера торопливо заговорил:

— И вот Четвертый остров... Спасатель вытаскивает на берег какой-то предмет, обнаруженный нами только что. Может, он прольет разгадку...

— Мамочка... — прошептала Кира. — Это человек!

— Человек?! — артистическим голосом воскликнул Саркисян, тоже поворачиваясь лицом к берегу. — Да, действительно. Этот предмет здорово смахивает на человека. Но кто он? Что с ним случилось? Спасатель хладнокровно продолжает выполнять свою работу. Создается впечатление, что он идет в теплой воде. А ведь вода в озере практически ледяная! Вот спасатель вытаскивает человека на песок. Какой ужас! Мы видим знакомую униформу... Никаких сомнений! Никаких! Это Павлов!.. Сейчас оператор приблизит картинку, и вы сможете сами убедиться, что это игрок под номером четыре!.. Но что с ним случилось? Он без сознания?..

Ворохтин опустился на колени перед неподвижным телом, торопливо расстегнул пуговицы на куртке и прижался ухом к груди. Он на мгновение застыл в такой позе, затем резко выпрямился, провел ладонью по лицу Павлова, приоткрыл его веки...

— Что же с Павловым? Что же? — надрывным голосом говорил Саркисян в микрофон. — Сейчас спасатель вынесет свой вердикт. Я даже боюсь высказать предположение. У всех нервы натянуты до предела. Кажется, еще секунда — и они лопнут, как струны...

Ворохтин медленно поднялся на ноги и глухо произнес:

— Павлов мертв.

Глава 8

Удовлетворение толпы

— Павлов мертв! — едва ли не восторженно повторил Саркисян. — В это трудно поверить, но это факт. Наша экстремальная игра выдала первую жертву!.. От волнения мне трудно говорить. Перед нами остров-убийца. Его географическое название — Падыш. Площадь — три квадратных километра. Этот остров открыл счет жертвам «Робинзонады»!.. А сейчас мы прервемся для рекламного блока. Оставайтесь с нами! Мы покажем все подробности. — Он опустил микрофон и вытер платком мокрое от дождя лицо: — Замечательно! Ворохтин молоток, сыграл, как надо... Гребни к берегу!

Последние слова были обращены к помощнику, который с раскрытым ртом пялился на берег. Кира с недоумением посмотрела на Саркисяна:

— Вы говорите — сыграл? А разве... разве все это игра?

— Что наша жизнь? Игра... — задумчиво пробормотал ведущий, голыми глазами глядя на остров, как бездомная псина смотрит на колечко колбасы. — А ты не спи, щелкай, щелкай фотоаппаратом! Твое дело щелкать...

Гвоздев несколько раз сильно взмахнул веслом, и моторка ткнулась носом в прибрежный песок. Он первый прыгнул на берег и подал Саркисяну руку.

— Теперь надо снять лагерь и поэтапно восстановить картину несчастного случая! — сказал Саркисян, проходя мимо лежащего на песке Павлова и даже не взглянув на него. — Быстрее, погода портится! Микрофон мне!

Кира сошла с лодки последней. На ее лицо страшно было смотреть. Не в силах оторвать взгляда от бездыханного тела, она приблизилась к Ворохтину и негромко спросила:

— Это правда?

Лицо его было мрачнее тучи. Он пытался набрать номер на мобильном телефоне, но связь была неустойчивой и все время срывалась.

— Что — правда? — раздраженно переспросил Ворохтин.

— Он... умер?

— Уже окоченел, — едва разжимая зубы, ответил спасатель и пошел вслед за Саркисяном.

Кира продолжала смотреть на босоногий труп, распостертый на мокром песке. Она вспоминала, как еще вчера видела лицо Павлова на экране монитора. Рыбак строил планы на будущее и обстоятельно рассказывал перед телекамерой о своем уникальном способе ловли рыбы. Обходя покойника на почтительном расстоянии, она едва не наступила на пару высоких ботинок, стоящих рядышком на песке. Осмотрелась, чтобы, не дай бог, еще на что-либо не наступить, потом торопливо вынула фотоаппарат из кофра и сделала несколько снимков: покойник, пустынный пляж, моторка...

Саркисян уже вовсю комментировал перед камерой:

— Вот его жилище... Как видите, Павлов не слишком беспокоился о комфорте. Крыша выложена из листьев лопухов. Подстилки под одеялом никакой... По всей видимости, он сначала решил построить запруду, чтобы обеспечить себя едой, а потом уже обустроить шалаш. Увы, его планам не суждено было сбыться. Загадочная смерть внезапно оборвала его жизнь...

Ворохтин, не обращая внимания на съемку, вышел на середину поляны и присел у очага. Потрогал угли — холодные. Заглянул в котелок. Он наполовину был заполнен зеленоватой жидкостью.

— А вот и спасатель! — сымпровизировал Саркисян. Появление спасателя в кадре пришлось как нельзя кстати. — Он пытается найти причину столь неожиданной смерти Павлова. Изучает содержимое котелка. Похоже, что там уха. Настоящая рыбацкая уха! Значит, Павлов незадолго до смерти наловил рыбы и приготовил уху. Но что же случилось потом?

Ворохтин встал. Только слепой не догадался бы, что спасатель едва сдерживает свои эмоции.

— Выключи камеру! — резко бросил он Чекоте.

Тот медленно отступал, но камеру не выключал — не было команды от Саркисяна.

— У спасателя сдают нервы! — на высокой ноте проговорил Саркисян, сразу поняв, что самые ценные кадры начинаются только сейчас. — Еще бы! Такое эмоциональное напряжение! Ситуация становится нешуточной! Игра идет уже не по сценарию...

И тут вдруг Ворохтин несильно ударил рукой по камере. Оператор, едва не выронив свой дорогостоящий инвентарь, испуганно оторвался от окуляра и, отскочив назад, забормотал:

— Ты что?! Спятил, что ли?

— В чем дело? — закричал Саркисян. — Почему камера выключена?

— Имей совесть, Арам Иванович, — повернулся к нему Ворохтин. — Не из всего же можно шоу делать!

— Стоп! — примирительно произнес Саркисян, выставив вперед ладонь. — Дальше не надо! Твоя позиция мне ясна. Предлагаю объясниться и расставить все точки над «i»... Чем ты обязан заниматься по договору? Оказанием помощи участникам соревнований. Вот этим и занимайся, а в мои дела не лезь!

— Я — спасатель, а не артист! И не хочу быть в кадре!

— А никто не просит тебя играть роль, милый мой, — с полуулыбкой произнес Саркисян, широко распахнув глаза. — Выполняй свои обязанности так, как велит тебе совесть, а наше дело — снять это и донести широким слоям населения героикку будней профессионального спасателя через средства массовой информации...

— Не уверен, надо ли это видеть широким слоям населения, — заметил Ворохтин. — И вообще, я не собираюсь удовлетворять толпу. — Подобрал с травы одеяло, он быстро пошел к берегу.

— Мотор! — как ни в чем не бывало, выкрикнул Саркисян. — Продолжаем!

Глава 9

Почем лавры победителя?

Ворохтин расстелил на песке одеяло рядом с трупом.

— Все отсняла? — спросил он Киру, которая, ничего не ответив, тотчас демонстративно отвернулась.

Он перевалил тело на одеяло, закинул края внутрь, накрыв страшное лицо покойника. Съёмочная группа работала в лагере добросовестно, и возвращаться на берег не торопилась. Из-за деревьев время от времени доносился приглушенный голос Саркисяна: «Мотор!.. Стоп!.. Крупный план!..»

— Что, у Павлова не оказалось богатых родственников? — съязвила Кира и тут же добавила: — Если бы я смогла завести лодку, то успела бы его спасти!

Ворохтин с любопытством взглянул на девушку: надо же, какая глупая и самоуверенная особа!

— Он умер как минимум двенадцать часов назад, — пояснил он, чтобы вывести ее из глубокого заблуждения.

— Это еще надо доказать!

Ворохтин сел в лодку, завел мотор, отплыл метров на сто, сделал круг и снова причалил к берегу. Это подействовало. Гвоздев, будучи самым молодым и старательным, бежал к воде впереди всех. За ним, активно работая руками, будто лыжник, бежал Саркисян. Чекота, отяжеленный своей ношей, замыкал забег, с трудом переставляя свои худые, нескладные ноги.

— Ты решил оставить нас здесь? — в шутливом тоне крикнул Саркисян, не желая раздувать конфликт.

— Хорошая идея, — ответил Ворохтин, выходя на берег. — Представляешь, как бы обрадовались зрители? Саспенс!

Он велел Гвоздеву взяться за один край одеяла, сам ухватился за другой, и они вдвоем понесли покойника к лодке. Студент, судя по его напряженному лицу, надрывался, ноги его зарывались в песок, и непонятно было, почему он не упал. У самой лодки он по щиколотку зашел в воду, из последних сил приподнял свой край и без предупреждения кинул его на передок лодки.

Раздался неприятный глухой стук. Мертвец, ударившись о железную окантовку головой, выскользнул из одеяла и, подняв брызги, упал в воду. Молодой человек проворно отскочил в сторону и принялся стряхивать с себя капли.

Это окончательно вывело Ворохтина из себя. Выйдя из воды, он схватил помощника за мягкий ворот свитера, тряхнул его и, едва ли не касаясь его лица своим тяжелым небритым подбородком, процедил:

— Не боишься, что с тобой когда-нибудь будут обращаться так же, сопляк?

Саркисян, желая вернуть доверие спасателя, не замедлил отругать студента:

— Ты что себе позволяешь? К умершим надо проявлять уважение!

Тот зарделся, но вовсе не оттого, что его отругал шеф. Причиной жгучего стыда стала Кира, которая видела, как Ворохтин таскал молодого человека за ворот. Поклявшись отомстить спасателю за унижение, он зашел в воду, взял тело под мышки и потянул наверх. Без помощи Ворохтина он все равно не смог ничего сделать, но оставалась надежда, что девушка по достоинству оценит его порыв.

Вымокшая компания, наконец, заняла места в моторке, и Ворохтин, как прежде, сел за управление. Саркисян с оператором разместились на средней лавке, ближе к корме, а студент, желая держаться от своего обидчика подальше, устроился рядом с Кирой.

Первая половина пути прошла в напряженном молчании. Саркисян, не желая развития конфликта в творческом коллективе, затеял, было, разговор о погибшем бедолаге, но беседа, однако, не завязалась. Ворохтин вообще объявил бойкот шоуменам, Кира была слишком потрясена случившимся на Четвертом острове, Чекота вообще немногословен от рождения, а студент был поглощен мыслями о своем растоптанном достоинстве. Так бы и причалили к базе, не проронив ни слова, если бы вдруг в кармане Ворохтина не запиликала радиостанция.

Он торопливо взял ее, воткнул в ухо крохотный наушник и надавил на кнопку:

— Спасатель на связи!

— Это Пятый остров вас беспокоит... Александр Бревин.

— Что у вас стряслось, Александр?

— Ничего! Живу как у Христа за пазухой. Заготавливаю грибы и ягоды, копчу уток, сушу рыбу. Уже нет места, куда складировать...

— Вы только это хотели сказать?

— Видел, как вы на Четвертый высаживались. Значит, Павлов сошел?

— Да, к сожалению...

— И больше никто?

— Этого достаточно.

— Как сказать... А вы не могли бы передать аппарат ведущему? Мне надо кое о чем с ним поговорить...

Ворохтин протянул станцию Саркисяну.

— Меня? — удивился тот и стал торопливо пристраивать наушник в ухе. — Чего тут нажимать? Куда говорить?

Ворохтин показал: нажимаешь на красную кнопку и говоришь, отпускаешь — слушаешь.

— Саркисян на связи! — начальственным голосом выкрикнул шеф.

— Приветствую вас! Бревин! — услышал он в ответ. — Виноват, забыл как вас по имени-отчеству. Но это не так важно. Я собираюсь сделать вам деловое предложение. Знаю, что рядом с вами много ушей, поэтому отвечайте мне только «да» или «нет». Договорились?

— Да, говорите.

— Признаюсь, что я уже вдоволь наелся вашей «Робинзонады». Я от души повеселился и хочу вернуться к нормальной жизни... Тем не менее, проигрывать я не собираюсь. Вы должны незаметно снять меня с острова. Я поселюсь неподалеку, на какой-нибудь базе отдыха, построю в лесу шалаш, в котором вы будете снимать меня два раза в день, будто все это по-прежнему происходит на острове...

— Нет, нет! — категорически возразил Саркисян и стрельнул взглядом в сторону Ворохтина — не догадывается ли спасатель, о чем идет разговор. — Это невозможно!

— Опять перебиваете! — мягко укорил его Бревин. — За это я вам отстегиваю миллион рублей наличными. Меня не столько интересует выигрыш, сколько нужно удовлетворить свое тщеславие. Понимаете? Вы неплохо заработаете, а я получу лавры победителя. Не спешите с ответом, подумайте над моим предложением. Надеюсь, что не позднее двенадцати ночи вы снимете меня с острова. Конец связи!

Саркисян нахмурился и возвратил Ворохтину рацию:

— Спрашивает, можно ли ему перенести камеру в глубь леса. Ветер ему, мол, мешает... — Он сам не понял, почему солгал.

— Там может быть хуже освещение, — задумчиво произнес Чекота.

— Он же ничего не понимает в телевидении! — вставил Гвоздев и постучал себя по голове. — Поставит камеру против солнца, и будет на экране черное лицо!

— Так я об этом сразу подумал! — оживился шеф и как можно убедительнее добавил: — И вообще, условия для всех участников должны быть одинаковыми. А то дай волю, они занесут камеры кто в шалаш, кто в землянку. Я ему запретил это делать!

Давать задний ход было уже поздно, и Саркисяну ничего не оставалось, как погружаться в ложь все глубже и глубже.

Глава 10

Идиот

Лена сидела перед камерой на земле, накрыв ноги одеялом. Костер горел плохо, он давал не столько тепла, сколько дыма, но женщине это и надо было. Дым, словно вуаль, прикрывал ее лицо, и Лена надеялась, что зрители не заметят синяков под ее глазами, бледных губ и покрытого испариной лба.

Ей было очень, очень плохо.

— Лена, чем вы собираетесь сегодня ужинать? — спрашивал ее по рации Саркисян.

Она слушала, чуть придерживая наушник, а потом медленно ответила:

— На ужин?.. Я приготовила пюре из стеблей борщевика...

Лена держалась из последних сил. Мысли ее путались. Ее бросало то в жар, то в холод. От едкого дыма слезились глаза.

— А какое меню вы составили на завтра?

На завтра... Первого сентября Лешка пойдет в первый класс. Все ли она купила?.. Список дали огромный: тетрадки, циркули, линейки... Что-то очень важное сказал ей Игорь. «Я вернусь из командировки и...» Что «и»?.. Лешка уже видел свою учительницу, и она ему не понравилась... Дождь, сегодня весь день дождь... А мальчишки просто обожают шлепать по лужам... И ботинки на осень ему надо покупать. Кому «ему»? О ком она думала — о Лешке или об Игоре?..

— Завтра я буду есть... — произнесла Лена в микрофон и замолчала. Сердце колотилось в груди со страшной силой. Огромным усилием воли она сдерживала себя, чтобы не закричать, не схватиться руками за лицо.

— Похоже, что этот вопрос вас не слишком волнует, — пищал в наушнике голос Саркисяна. — Ваше спокойствие вызывает у телезрителей восторг!..

Какой восторг? О чем он?.. Лена смотрела на красную лампочку, горящую над объективом камеры. Эта лампочка гипнотизировала ее и напоминала лазерный прицел. Может быть, это и есть настоящий прицел!.. Она опустила взгляд на косметичку, лежавшую на ее коленях. Черная кожаная сумочка с молнией. Маленькая, черная дрянь, весом в товарный состав.

«Я схожу с ума! Откуда здесь косметичка? Я же оставила ее на базе!»

— Вам снятся по ночам сны? — неожиданно спросил ведущий.

— Сны... — повторила она, и ей показалось, что это сказала не она, а какая-то другая женщина, сидящая рядом с ней. — Мне снится... мой сын Лешка...

— Невероятно! — комаром зудел Саркисян, сидящий в ее ухе. — Только женщина может в таких условиях думать о своем ребенке! Небывалое самоотречение... Спасибо, Лена! Конец связи!

Она с трудом поднялась на ноги. Пошатнулась, но устояла. Сделала шаг, второй. Наступила в угли, в воздух взлетели красные мухи. Расплодились, твари! Надо выключить камеру. Хватит демонстрировать себя любителям подглядывать в замочную скважину!.. Что же с сердцем? Куда оно торопится, куда несется?..

Лена приблизилась к камере и выключила ее. Руки ее тряслись, по лицу градом катился пот... Она долго не выдержит. Возьмет ракетницу и дернет за шнур. И в небе загорится звезда... «Небывалое самоотречение...» Идиот! Что он знает про самоотречение?..

Глава 11

Срочный вызов

Саркисян заполнял собой кадр, а на заднем плане два санитара загружали в медицинский фургон носилки с телом Павлова, накрытым простыней.

— Мне трудно комментировать... Игра слишком накалилась. Не прошло и четырех суток, как число участников сократилось на одного человека. Тем не менее, оставшиеся четверо «робинзонов» по-прежнему полны решимости бороться за победу до конца...

Захлопнулись дверцы фургона. Вспыхнули малиновые габариты. Переваливаясь из стороны в сторону, машина медленно поехала по разбитой грунтовке. Это должно было задеть зрителей за живое: ведущий в мокрой куртке, понурый лес с застрявшими в нем клочьями тумана и удаляющаяся машина с телом погибшего участника «Робинзонады».

Чекота выключил камеру, осветители погасили фонари. На площадку, окруженную зачехленными машинами и палатками, опустились сумерки. Мужчины, поддавшись тягостному настроению, закурили и вполголоса стали обсуждать печальное событие, выражая сочувствие вдове и детям покойного, но тут раздался бодрый голос Саркисяна:

— Хватит курить, друзья мои! За работу! Не готов саундтрек третьей подачи! Надо заново монтировать четвертую, там четыре минуты лишние! Вперед, вперед! По рабочим местам!

Тягостное настроение, с каким он предстал перед камерой, было лишь игрой. На самом же деле Саркисян едва не прыгал от радости. Только что ему звонил продюсер. Со свойственной ему сдержанностью он сказал, что

первые две подачи «Робинзонады» вызвали небывалый зрительский интерес. Рейтинг передачи сразу взлетел и прочно зацепился за третье место.

Ворохтин догнал Саркисяна у входа в аппаратную и протянул ему лист бумаги.

— Что это? — весело спросил ведущий и, прищурившись, склонился над текстом: — «Разрываю договор в одностороннем порядке...» Ага! Замечательно! Я принимаю твою отставку. Но хочу напомнить, что тебе придется возместить мои убытки, включая упущенную выгоду.

— Счет пришлешь в МЧС, — ответил Ворохтин и уже повернулся, чтобы уйти в темноту, как вдруг в небе над озером вспыхнула красная ракета. Стремительно поднимаясь вверх, она вонзилась в низкие облака, и, достигнув зенита, повисла на парашюте и стала опускаться настолько медленно, что напоминала необыкновенно крупную звезду.

— Чекота!! Камеру! — взревел Саркисян. — Осветители! Гвоздев! Бегом в моторку!

— Это где-то совсем рядом!.. На Первом острове, должно быть! Точно на Первом! — раздались голоса.

Ворохтин вынул из кармана радиостанцию, установил частоту Первого острова и нажал кнопку вызова. Лена не отвечала.

У тамбура палатки началась толчея. опережая съемочную бригаду, Ворохтин побежал к причалу, но уже у самой воды остановился. Он вспомнил про записку, которую перед отправкой на остров дала ему Лена: «Если получите от меня сигнал о помощи, пожалуйста, прихватите с собой черную кожаную косметичку, которая лежит во внутреннем кармане моего рюкзака». Зачем ей косметичка? Она хочет навести макияж до того, как ее станут снимать на камеру? Это так важно?

Решив, что просьбы женщин не всегда можно объяснить логически, он развернулся и побежал назад. Сумки и рюкзаки участников «Робинзонады» хранились в микроавтобусе. Ключ от него — у Гвоздева.

У тарахтящего генератора Ворохтин увидел Саркисяна. Они встретились взглядами, но ведущий ничего не сказал.

— Ключ от машины! — требовательно обратился Ворохтин к Гвоздеву, который торопился вслед за шефом.

— Ключ? Зачем ключ? — машинально спросил тот, опуская руку в карман.

Ворохтин ничего не стал объяснять и выхватил ключ. На берегу в свете прожекторов торопливо и нервно, как при панике, штурмовала моторную лодку съемочная бригада. Саркисян командовал. Затарахтел мотор. Кто-то промочил ноги и громко выругался по этому поводу.

Ситуация была настолько противоречивой, что Ворохтин даже остановился в нерешительности, чего с ним никогда не случалось раньше. Если

сейчас он побежит за косметичкой, то бригада уйдет на остров без него. Можно было взять косметичку и отправиться на второй моторке, которая в полной готовности покачивалась на волнах у причала. Можно было проигнорировать просьбу Лены как малозначимую блажь — темно, какой тут, к черту, макияж?! Но если косметичка была всего лишь капризом, то почему Лена не сказала о ней открыто, а с таинственным видом передала записку?

Ворохтин положился на интуицию и заспешил к микроавтобусу, приспособленному под камеру хранения. Он слышал треск лодочного мотора, и по тому, как изменился его тембр, догадался, что бригада отчалила. По большому счету, ему было плевать на бригаду. Он работал независимо от Саркисяна и договора. На Первом острове по каким-то причинам стало худо молодой женщине, и у него были возможности и желание помочь ей.

Ворохтин отпер дверь микроавтобуса, зашел внутрь и включил лампочку на потолке. Сумки стояли в проходе, на каждой висела бирка с фамилией. Рюкзак Лены, несмотря на то, что он был единственным, который принадлежал женщине, не выделялся ни объемом, ни весом. Испытывая некоторые моральные затруднения, Ворохтин сунул руку в рюкзак. Он не сразу нащупал кожаную сумочку, названную Леной «косметичкой», извлек ее и затолкал под куртку.

Выйдя из микроавтобуса, он вдруг столкнулся с улыбающимся помощником Саркисяна. Студент стоял спиной к большой осветительной лампе, и его чрезмерно оттопыренные уши просвечивались насквозь.

— По чужим вещичкам шарим? — сказал он, как бы давая понять, что шутит, и в то же время как бы оставляя Ворохтину шанс в этом усомниться.

Ворохтин не нашелся, что ответить на глупую реплику, и молча зашагал к машине «Скорой помощи» за своей сумкой. Студент откровенно последовал за ним.

— Саркисян велел передать, что он разрешает вам сегодня переночевать здесь, — произнес он, выполняя свои обязанности старательно и не без гордости. — А завтра утром, будьте добры, покиньте базу...

Забрав сумку, Ворохтин вышел на берег. Моторная лодка покачивалась на слабой волне и тихо постукивала носом о деревянные сваи.

Не успел он закинуть сумку в лодку, как помощник, следовавший за ним тенью, изрек:

— Довожу до вашего сведения, что Саркисян запретил вам пользоваться лодками и прочим инвентарем съемочной бригады.

Ворохтин сел в лодку и стал отвязывать ее от крюка.

Студент постоял посреди причала, затем опустил на корточки и многозначительно сказал:

— Я вас предупредил.

Ворохтин взялся за кольцо, дернул, но мотор не схватился. Дернул еще раз — тот же результат. Пришлось снять кожух и на ощупь проверить провода.

— Свечу ты свинтил? — посмотрел он на Гвоздева.

Тот немедленно вскочил на ноги, быстро пошел вдоль берега и крикнул уже из темноты:

— Я выполняю распоряжение режиссера!

Ворохтин двинул кулаком по кожуху мотора.

«Можно послать их всех, сесть в машину и уехать домой! Можно! — в сердцах подумал он. — Но там же одни режиссеры и операторы! Я уже не говорю про врача, но хотя бы занюханного фельдшера с собой взяли. На крайний случай, ветеринара! Ни бинта, ни зеленки...»

Он наклонился и поднял с пола весла.

Глава 12

Во мраке ночи

Лучи фонарей скользили по стволам деревьев, и длинные черные тени ползали по песку, как гигантские черви. Ворохтин шел на свет, где стояла группа. Этот остров в отличие от Четвертого был пологим, больше напоминая большую песчаную отмель. Широкий пляж протянулся почти на двадцать метров и упирался в густые колючие кусты.

Чем ближе Ворохтин приближался к группе, тем отчетливее слышал оживленные голоса. Время от времени они словно взрывались, и дружный смех эхом катился над озером. «Наверное, ничего страшного не случилось», — подумал он, невольно замедляя шаг. А когда вышел на полянку, освещенную светом нескольких фонариков, Чекота, увидев его, облегченно вздохнул:

— Уф-ф! А я подумал, что это медведь!

— Господин спасатель решил напоследок еще раз выполнить свой долг? — беззлобно произнес Саркисян и по-свойски добавил: — Представляешь, а мы не можем ее найти! Она не отзывается!

— Как это — не можете найти? — не понял Ворохтин и огляделся: — Вы осмотрели остров?

— Это ж не Тверская! — отозвался один из техников. — Здесь темно!

— Надо прочесать остров, — решительно проговорил спасатель, но группа восприняла это предложение без энтузиазма. Над скомканным одеялом повисла тишина.

— Мы уже отсняли все, что надо, — за всех высказался Саркисян. — Страху нагоним — будь здоров!

— Да и слишком темно уже, — поддержал его Чекота.

— Мы с рассветом продолжим, — сказал Саркисян.

— Извините! — вдруг раздался в темноте женский голос, и в первое мгновение все подумали, что это Лена. Но в круг вышла Кира. Она часто дышала, словно ей пришлось пробежать немалое расстояние.

— И тебе тоже не сидится в теплой палатке? — с умилением произнес Саркисян, узнав Киру. — Вот молодежь! Ни сна, ни покоя!

— Вы меня даже не подождали! — обиженным голосом произнесла журналистка. — Мне пришлось за вами на веслах...

— Зря приплыла, — хмыкнул Саркисян. — Мы возвращаемся.

— А как же Лена? — удивленно протянула Кира. До нее только сейчас дошло, что группа вовсе не собирается искать пропавшую женщину.

— А что Лена? Что мы еще можем сделать? — пожал плечами Саркисян. — Мы остров два раза оплыли, и кричали, и свистели... Надо дожидаться рассвета. Так что, малыш, поехали на базу греться.

— Оставь мне фонарик, — сказал Ворохтин.

— Конечно, нет проблем! — охотно согласился Саркисян. — А ты, значит, попытаешься найти иголку в стоге сена?

— И мне тоже фонарик! — попросила Кира.

— Тебе лучше вернуться, — посоветовал ей Ворохтин. Он взял протянутый оператором фонарик и осветил в глубь леса.

— Если найдешь что-нибудь интересное, — негромко произнес Саркисян, желая примирения, — не сочти за труд позвонить мне. Я буду здесь через пять минут.

— Я сам справлюсь, — ответил Ворохтин, вглядываясь в кусты, освещенные фонариком.

Саркисян помолчал и сделал еще одну попытку:

— Может, будем считать, что никакого заявления ты мне не писал?

Ворохтин повернулся к Саркисяну и осветил ему в лицо:

— Я никогда не отказываюсь от своих слов, запомни это!

— Почему тогда приплыл сюда?

— Потому что, кроме меня, здесь никто не способен оказать квалифицированную медицинскую помощь.

— Ах, да! — усмехнулся Саркисян. — Конечно. Клятва Гиппократа. Понимаю... — Он повернулся к своей свите, терпеливо ожидающей его, и коротко сказал: — На базу!

Группа пошла к воде. Еще некоторое время по прибрежному песку прыгало световое пятно, затем раздался звук мотора. Он постепенно слабел, пока не утих совсем. И воцарилась тишина.

— Тебе захотелось приключений? — спросил Ворохтин. Он медленно шел напролом через заросли, направляя луч света то вправо, то влево.

— Просто мне стало жалко эту женщину, — едва слышно отозвалась Кира из-за его спины.

Она тоже светила фонариком, но не столько себе под ноги, сколько по сторонам. Глаза ее были широко раскрыты и полны напряженного ожидания. Скорее всего, она жалела о том, что осталась на острове, душа ее леденела от ужаса.

Ворохтин так резко остановился, что Кира едва не наступила ему на пятки.

— Лена-а-а!! — неожиданно крикнул он и замер, прислушиваясь.

Какая-то птица, громко хлопая крыльями, взмыла в черное небо.

— Мне показалось... плачет кто-то, — прошептала Кира.

— Плачет?

Они замолчали, вслушиваясь в тишину. Ворохтин вынул из кармана радиостанцию и нажал вызов. Но кроме биения их сердец ничего слышно не было.

— Почему она не отзывается? Как вы думаете? — спросила Кира и тут же добавила: — Может, ее тут уже и нет, — очень желая, чтобы именно так и оказалось.

— А куда ж она делась? — спросил Ворохтин.

Кира лишь плечами пожала. Чем дальше они углублялись, тем тревожнее становилось на душе у девушки. Она представила, что участвует в «Робинзонаде» и живет на этом острове. Ночь, одиночество, непроглядная темень. Она накрывается одеялом с головой в своем ветхом шалаше и, вздрагивая от каждого шороха, умирает от ужаса...

Ворохтин остановился и приказал ей не дышать. Надавил кнопку вызова на радиостанции и прислушался.

— Хуже, если она утонула, — произнес он.

— Да? А почему?

— Тогда ее рация уже не подаст сигнала.

Он пошел дальше, наступая тяжелыми ботинками на сухой валежник, и Кира последовала за ним.

— А почему вы решили оставить шоу? — неожиданно спросила она.

— Я же не спрашиваю тебя, почему ты решила написать про шоу?

— Мне приказал главный редактор... Ой, крапивы сколько! А вы когда уедете?

— Когда приедет другой спасатель... Осторожнее, здесь лужа!

Спокойный голос Ворохтина отвлекал Киру от гнетущего страха, и она потихоньку приходила в себя. Вдруг Ворохтин остановился и опустился на корточки.

— Посвети-ка сюда, — попросил он, показывая на размытую дождем кучку земли, набросанную кротом.

В его просьбе не было ничего настораживающего, и все же Кира сразу уловила в его словах тревожную интонацию. Она посветила в то место, куда он попросил, и Ворохтин, присмотревшись, произнес:

— Это след ботинка.

— Ее ботинка? — Кира с опаской покосилась влево и вправо.

— Конечно, ее. Протектор такой же, как и у всех участников, размер маленький, женский... Вот только...

— Что «вот только»?

— След не полный и смазанный. Такое ощущение, что она шла, шата-ясь, как пьяная...

— Мамочка, — прошептала Кира и еще раз огляделась по сторонам. — Вы так говорите, что у меня аж мурашки по коже... А почему она шаталась?

Ворохтин посветил фонариком впереди себя. Несколько веток малины были сломаны.

— Ну-ка, попробуем еще раз, — сказал он, в очередной раз вынимая из кармана радиостанцию и нажимая кнопку вызова.

Не успели они замереть и прислушаться, как совершенно отчетливо услышали тонкий писк вызова, доносящийся из ближайших зарослей.

— Прекрасно! — Ворохтин направил луч в ту сторону, откуда доносился звук. — Во всяком случае, ее радиостанцию мы найдем точно.

— Мне страшно, можно, я возьму вас под руку? — чуть не плача, попросила Кира.

— Если хочешь, останься здесь, — предложил Ворохтин.

— Что?! Здесь?! Одной?! Да я сразу же умру!

— Тогда иди со мной.

— И с вами страшно!

— Ну, вот что! — рассердился Ворохтин.

— Молчу, молчу...

Они пошли на писк радиостанции. Точнее, шел только Ворохтин, а Кира как бы болталась на его руке. Чем ближе они приближались к источнику звука, тем сильнее она подгибалась ноги, и он едва не волочил ее за собой. Вдруг луч света осветил темный предмет, лежащий на земле, и Кира так истошно закричала, что у Ворохтина прошел мороз по коже. Испуганные криком птицы дружно сорвались с веток и с оглушительным галдежом взлетели в небо.

— Что ж ты так орешь! — пробормотал он, вытянув руку с фонариком вперед.

— Господи... Что это? — сдавленным голосом произнесла Кира. Скорчившись, как от удара в живот, на траве лежала Лена. Она была мертва.

Глава 13

Пора вызывать полицию

Кира пережила настоящий шок. Она на время утратила способность говорить, и ее так сильно трясло, словно она с приличной скоростью ехала на телеге по шпалам.

Ворохтин скинул свою медицинскую сумку на землю и опустился перед покойницей на корточки.

— Не нравится мне это все, — пробормотал он. — Хватит дрожать! Возьми фонарик и свети сюда!

Он перевернул неподатливое тело на спину. Лицо Лены было искажено гримасой боли. Пальцы ее были сжаты, и правой рукой она крепко сжимала пустую ракетницу. Ворохтин убрал коченеющие руки с живота. Под ними чернело большое неровное пятно. Куртка между пуговицами была порота насквозь, и на рваных краях засыхали комочки крови.

Ворохтин встал и посветил вокруг трупа. Трава была забрызгана кровью, и кровавая дорожка упиралась в поваленную сухую ель, лежащую в нескольких метрах от несчастной. Он подошел к дереву и сразу обратил внимание на острый короткий сучок, торчащий вертикально вверх.

— Никогда такого не видел, — прошептал спасатель, рассматривая залитый кровью ствол, на котором, напоминая смолу, застыли крупные вишневые капли.

— Как же она так... Упала на сук и поранилась?

— Не знаю. Но похоже на то.

Ворохтин обошел место происшествия, внимательно глядя себе под ноги, но никаких следов больше не нашел. Потом посветил вверх. Луч света уперся в плотное сплетение крон деревьев, и он, покачав головой, произнес:

— Не понимаю, как ракета могла пробить такую густую листву.

Кира тоже посмотрела вверх и робко заметила:

— Но пробила же.

— Выходит, пробила... И все-таки мне кажется, что не мешало бы вызвать полицию, — вслух подумал Ворохтин.

— Полицию? А зачем ее вызывать? — удивленно заморгала глазами Кира.

Ворохтин не ответил. Он не мог сказать точно, что его насторожило, но не давала покоя смутная тревога.

Большую часть обратного пути они шли молча, каждый погруженный в свои раздумья. А когда вышли к берегу, Ворохтин неожиданно спросил:

— Ты случайно не заметила, пользовался ли кто-нибудь сегодня вечером моторной лодкой?

— Не заметила, — настороженно взглянула на спасателя Кира. — А почему вы об этом спрашиваете?

— Да так, — уклончиво ответил он, привязывая весельную лодку к моторке. — Всякие несуразные мысли в голову лезут.

— Что же теперь делать?

— Пора заканчивать это идиотское шоу! — Ворохтин поднес к губам рацию: — Саркисян, это Ворохтин! Лена мертва. Вызывай полицию.

Глава 14

Релаксация по полной программе

Казалось, что лодка неподвижно стоит на зеркальной воде, а остров, как гигантская баржа без сигнальных огней, плавно приближается к ней, и Бревин, стоя у борта, готов кинуть швартов. Под днищем лодки заскрежетало, и нос мягко въехал в песчаный берег.

— Наконец-то! — трубным голосом возвестил Бревин, потряс кулаками у себя над головой и схватился за передок лодки, оттаскивая ее подальше от воды.

— Все в порядке? — шепотом спросил Гвоздев, озираясь по сторонам. Едва различимый в темноте остров черным исполином нависал над ним.

— Да чего ты шепчешь, братишка! — рассмеялся Бревин. — Здесь хоть глотку надорви — ни одна собака не услышит... Жрать привез?

— Привез, — сказал Гвоздев, выходя из лодки на берег с увесистой сумкой на плече.

— Так давай быстрее, не трави душу, конспиратор!

Студент опустил сумку на песок, включил фонарик и стал выкладывать пакеты с едой и вещами Бревина. Тот, не выдержав, схватил пакет, из которого шел головокружительный запах колбасы, разорвал его и вцепился зубами в кольцо «Одесской».

— Мама родная... — стонал он, откусывая огромные куски и торопливо жуя. — А вкусно как... Сдохнуть можно... Тебе этого не понять... Ой, блин, не могу... хобыэо уя ао офиеэ ао... ммм...

Последние его слова разобрать было невозможно, но Гвоздева не слишком интересовали ощущения Бревина, мысли его были заняты ответственным и архиважным заданием, которое возложил на него Саркисян. Гвоздев все подготовил и продумал до мелочей и все же здорово волновался. Риск был слишком велик.

Бревин, утолив голод, шумно засопел:

— Хорошо-то как! Но тебе этого, братишка, не понять. Ты не пережил того, что пережил я. Такое ощущение, что я год на этом поганом острове просидел! Я уже забыл, что такое мягкая постель...

Через несколько минут, погрузив немногочисленные вещи Бревина в лодку, Гвоздев столкнул ее на воду, сел за весла и поплыл к детскому лагерю, где взял лодку напрокат, ориентируясь по двум фонарям, освещающим огороженный забором пляж. Подплыв к причалу, он помог Бревину выбраться из лодки и пошел по главной аллее к воротам. На стоянке у административного корпуса стояла забрызганная грязью «девятка».

— Теперь запоминайте, — сказал Гвоздев, открыв машину и предложив Бревину сесть за руль. — Проедете по этой дороге километр и свернете налево. Там будет дачный поселок. Найдете гостиницу «Охотник». Администратору скажете, что Гвоздев забронировал и оплатил для вас номер «люкс». Заселяйтесь, отсыпайтесь, а завтра в половине двенадцатого мы с оператором за вами заедем. Только, пожалуйста, не брейтесь!

— Ну да! Конечно! — развеселился Бревин. — А то будет приколы, да? Три дня ходил бородатым, а на четвертый вдруг оказался бритым!

— А самое главное — поменьше гуляйте по поселку. Мало ли, вдруг попадете на глаза спасателю! Этот сразу поднимет шум.

— Кто поднимет шум? — скривился Бревин. — Врач, что ли? А что, у вас не хватает сил поставить его на место? Могу помочь...

— Пока не надо, — отмахнулся Гвоздев. — И последнее: Саркисян просил передать, что деньги, которые вы ему должны, подготовьте к завтрашнему вечеру. Он сам заедет к вам в четыре часа.

— Без базара, командир! — по-деловому произнес Бревин. — Завтра утром я позвоню своим браткам, и они уже к обеду подвезут всю сумму.

— Договорились, — кивнул Гвоздев.

— Слушай! — вдруг осенило Бревина. — А почему бы нам не завалиться сейчас в какой-нибудь ночной кабак? По такому случаю я угощаю! Прихватим с собой девочек, устроим релаксацию по полной программе!

В другой обстановке Гвоздев согласился бы на столь заманчивое предложение, не задумываясь. А сейчас он спешил на базу, где его с нетерпением ждал Саркисян, поэтому лишь вздохнул и отказался.

— Напрасно, напрасно, — сказал Бревин, запуская мотор машины. — А я отвяжусь на всю катушку. Заслужил! Так, да?

Гвоздев кивнул и пожал Бревину руку, которую тот подал через окно.

Глава 15

Отсюда и никуда

Ворохтин проснулся так, словно рядом с ним взорвалась граната. Он вскочил и ударился темечком о потолок кабины. Сотовый телефон, покачиваясь на шнурке у окна, насвистывал болеро Равеля. Потирая ушибленную голову, Ворохтин схватил телефон:

— Слушаю!

— Это я! — раздался безжизненный голос Эли. — Я уже в Ницце. Такой миленький отельчик! Балкон, вид на Лазурный берег...

— Извини, я сейчас на совещании у министра! — ответил он и, отключив телефон, посмотрел на часы. Без четверти десять! Опоздал!

Главное действие, развернутое на берегу, уже подходило к концу. Машина с глухим металлическим фургоном и красным крестом на борту задним ходом въезжала на причал. Четверо мужчин выгружали из пришвартованной моторки завернутое в одеяло тело Лены. Центр этого кадра занимал Саркисян. Он медленно шел на камеру и с глубокой скорбью в голосе говорил в микрофон:

— ...Сегодня ночью осиротел Первый остров. Игра снова демонстрирует свой крутой нрав, снова убеждает в своей жестокости и беспощадности. Она не выбирает себе жертву. Комок в горле застревает от мысли, что трагическая случайность, досадная нелепость лишили жизни единственную женщину, осмелившуюся бросить вызов природе... И я обнажаю голову и склоняюсь перед мужеством этой хрупкой женщины...

Сегодня Саркисян был явно в ударе и даже выдавил из своих глаз слезы. Дождавшись, когда Чекота выключит камеру, он надел кепку и снова превратился в главного режиссера и автора программы, энергия которого хлестала через край, словно лава из жерла извергающегося вулкана.

— Снимаем погрузку тела в фургон! Крупным планом показать руку, выглядывающую из-под простыни. Еще крупнее — кольцо и облупившийся на ногтях лак... Пожалуйста, всем покинуть причал!

Последняя команда относилась и к Ворохтину, стремительной походкой идущему прямо на Саркисяна. Едва не сбив его с ног, Ворохтин схватил главного режиссера за воротник куртки:

— Ты когда прекратишь кощунствовать?! Почему ты разрешил вывезти тело с острова?! Где полиция?!

— Ты чего разорался? — подчеркнуто спокойно произнес Саркисян, часто моргая, отчего его пушистые ресницы качались, словно опахало. — Никто не кощунствует. Мы глубоко скорбим, и миллионы зрителей вместе с нами. А полиция уже давно здесь!

Он улыбнулся и кивнул на берег. За пластиковым столом, на который падала тень от большого красного зонта с надписью «Робинзонада», завтракали два молодых человека в форме. Бутылка армянского коньяка торчала посреди стола, словно гора Арарат. За горками зелени невозможно было увидеть стаканы. У мангала, источающего ароматный дым, суетился Гвоздев. Видать, шашлыки уже подоспели, и студент снял с жара четыре тяжелых шампура. Стараясь не задеть раскаленными пиками дорогих гостей, он аккуратно и торжественно разложил угощение по тарелкам, присыпал колечками сырого лука и полил сверху кетчупом.

— Кстати, они интересовались тобой, — с каким-то скрытым смыслом произнес Саркисян и, казалось, вмиг забыл про спасателя. — Все готовы? Мотор! Начали!

«Если интересовались, значит, легче будет начать разговор!» — подумал Ворохтин и направился к полицейским. Они, видно, ждали его и немедля проявили настораживающее радушие. Один из них, старший лейтенант, кивнул и придвинул стул, приглашая Ворохтина сесть за стол, а другой, сержант, щелкнул пальцами, призывая Гвоздева обслужить гостя, как положено.

Студент с иезуитской улыбкой подал Ворохтину тарелку с шашлыком.

— Мы — сотрудники местного РОВД, — начал старший лейтенант, хитроумно сплетая пучок зелени. — Моя фамилия Зубов. Саркисян сказал, что ты первым обнаружил труп женщины и в связи с этим высказал беспокойство. И что именно тебя насторожило?

— Все это показалось мне очень странным.

— Что — все? — уточнил Зубов.

— Она напоролась на сук, а потом каким-то невероятным образом сняла себя с него.

— Поработал бы ты с нами, не такое бы увидел! — заметил сержант.

— Я пять лет работаю в спасательном отряде, — ответил Ворохтин, — и тоже многое видел. С такой глубокой колотой раной человек погибнет практически мгновенно.

— Что еще тебе показалось странным? — спросил Зубов. Радужное выражение на его лице постепенно уступало место выражению злой иронии.

— Я нашел след ее обуви. Незадолго до своей смерти она шла, шатаюсь, можно сказать, едва держась на ногах.

— Ты пришел к такому выводу на основании следа ее обуви? — переглянувшись с сержантом, уточнил Зубов.

— Да.

— Извини за любопытство. Ты по образованию криминалист?

— Нет, по образованию я врач.

— А зачем тогда пытаешься с умным видом говорить о вещах, в которых разбираешься, как мартышка в очках? — Зубов уже не скрывал своей неприязни.

— Ладно, бог с ним, со следом, — ответил Ворохтин. — Но как объяснить то, что ракета, запущенная из-под огромной сосны, не задела ни одной ветки и взлетела в небо вертикально?

— А как она еще должна была взлететь? — спросил сержант.

— Как угодно, но только не вертикально. Малейшее соприкосновение с веткой сразу бы изменило траекторию полета. Скорее всего, ракета вообще не вырвалась бы за пределы кроны.

— И об этом должен судить специалист по трассологии! — все более раздражаясь, сказал Зубов. — Успокойся, спасатель. Делай свое дело, а в чужой огород не лезь. Все это бред! Понял? Бред!

Ворохтин внимательно посмотрел на него, потом перевел взгляд на сержанта:

— Может, мне написать заявление?

— Заявление? А о чем, интересно знать, ты хочешь заявить? — чуть прищурившись, ехидно проговорил Зубов.

— Я уверен, что гибель Лены — это не просто несчастный случай.

— А что же?

— Убийство.

Сержант присвистнул, а старлей расплылся в широкой ухмылке:

— Пора нам, Коля, уходить на пенсию. Видал, какой Шерлок Холмс на нашу голову свалился!

— А я, кажется, понимаю, почему господин спасатель так переживает, хочет писать заявление, раздувает шумиху, — произнес сержант, пристально глядя на Ворохтина. — Не потому ли, что чувствует свою вину и боится наказания?

— Я виню себя только за то, что согласился работать на Саркисяна, — ответил тот, не понимая еще, куда сержант клонит.

— И все? — недоверчиво произнес Зубов. — А разве ты не несешь ответственность за две смерти? Какой же ты, к черту, спасатель, если у тебя

люди гибнут каждый день? Ты за что деньги получаешь? За что коньяк лакаешь и шашлыки ешь? На тебя же люди надеются!

— Саркисян сказал, что после сигнала о помощи ты прибыл на остров полчаса спустя после него, — начал давить с другой стороны сержант. — Это так?

— В моторной лодке не оказалось свечи, — объяснил Ворохтин, — и мне пришлось плыть на веслах.

— Это не оправдание, — покрутил головой Зубов.

— Знал бы, что здесь такой спасатель, — произнес сержант, — даже за миллион баксов не согласился бы в «Робинзонаде» участвовать. Проще сразу застрелиться.

— Ох, хитрый же ты мужик! — сказал Зубов и погрозил Ворохтину пальцем: — Хитрый! И мысли у тебя недобрые...

— Я думаю, что у прокуратуры на этот счет будет несколько иное мнение, — ответил тот, поднимаясь со стула.

— Стоять! — крикнул Зубов. — Тебя еще никто не отпускал! Ты что, угрожать нам вздумал? А ну, иди за мной! — И быстро направился в сторону «скорой». — Вы здесь спите? — официальным тоном спросил он, кивая на машину, и потребовал: — Откройте!

Ворохтин распахнул задние створки. Он был спокоен. В лице старшего лейтенанта ему виделся Саркисян, который неугомонно продолжал ставить ему препоны. Зубов бегло осмотрел салон и, не прикоснувшись ни к чему, загородил его спиной. Теперь он смотрел в глаза Ворохтину пристально, явно намереваясь подавить его волю. Наверное, в его практике уже был случай, когда одним только взглядом Зубов «колол» преступника, и потому он столь решительно прибегнул к этому проверенному приему. Но Ворохтин смотрел на него без напряжения, взгляд не опускал и в истерику не впадал. Этот поединок продолжался до тех пор, пока к машине не подошли техник и Кира в сопровождении сержанта.

Зубов вздохнул, оперся коленом о порожек машины и взял лежащую в изголовье носилок черную сумочку Лены.

«Так вот откуда ноги растут!» — дошло до Ворохтина, и он вспомнил ухмыляющуюся физиономию Гвоздева и его реплику: «По чужим вещичкам шарим?»

— Это ваша сумочка? — спросил Зубов, положив косметичку на ладонь и приподняв ее так, чтобы видел техник.

— Нет, — ответил Ворохтин. — Эта сумочка принадлежит Лене.

— Почему в таком случае она лежит в вашей машине?

Ворохтин уже понял, что его дальнейшие объяснения прозвучат неубедительно. Но лгать было бы еще хуже.

— Лена просила меня привезти ее на остров, если подаст сигнал о помощи.

— Кто-нибудь еще слышал об этой просьбе? Может, Лена оставила по этому случаю письменное распоряжение?

Ворохтину ничего не оставалось, как отрицательно покачать головой. Записку, которую передала ему Лена, он давно выбросил.

— Мертвая не может ни опровергнуть, ни подтвердить ваши слова, — подытожил Зубов. — А потому будем считать, что убедительного объяснения вы не дали. Что в этой сумочке?

— Думаю, что косметика, — пожал плечами Ворохтин.

Похоже, что Зубов думал так же, потому как, вытряхнув содержимое на пол салона, замер и на короткое время потерял дар речи.

— Мать честная! — пробормотал он, склонив голову над резиновым кольцом, упаковкой одноразовых шприцев, ампулами с прозрачной жидкостью и маленькими пакетиками, наполненными белым порошком. — Это еще что за косметика? По-моему, это называется по-другому...

Он отошел на шаг, чтобы «косметику» увидели сержант и понятые. Сержант, присвистнув, сдвинул фуражку на затылок, а техник и журналистка без всяких эмоций пялились на шприцы и ампулы.

— Так чья это была сумочка? — пробормотал Зубов, двумя пальцами приподнимая почти невесомый пакетик с порошком.

— Лены, — повторил Ворохтин, удивившись содержимому сумочки не меньше, чем старлей.

— На мертвую теперь можно все валить, так? — ухмыльнувшись, заметил Зубов.

— Это может доказать Гвоздев, — возразил Ворохтин и с недоверием добавил: — Разве он вам не рассказывал, как следил за мной? Как увидел, что я достаю эту сумочку из рюкзака Лены?

— Гвоздев? — заморгав, переспросил Зубов и посмотрел на сержанта: — Ты знаешь какого-нибудь Гвоздева?

— Не знаю, — уверенно солгал сержант.

«А вот теперь начинаются серьезные неприятности», — подумал Ворохтин.

— Понятые! — волнуясь от столь неожиданной удачи, сказал старлей. — Что вы здесь видите?

— Шприцы, — ответила Кира.

— И наркота, — добавил техник.

— То, что это наркота, конечно, еще не доказано, — мягко поправил его сержант. — Наверное, вы видите белый порошок и ампулы с прозрачной жидкостью?

— Да, белый порошок и ампулы, — послушно закивал техник.

Зубов с победным видом посмотрел на Ворохтина.

— Вот так, спасатель... Ампулы и порошок мы отправляем на тестовый экспресс-анализ. Понятые подпишутся под протоколом. А вы дадите подписку о невыезде.

— О невыезде откуда и куда? — уточнил Ворохтин.

— Отсюда и никуда! — рявкнул Зубов.

Глава 16

Кровавый ручей

Ворохтин лежал в салоне «скорой» и думал о том, как ему выпутаться из неприятной истории. Общение с полицией могло бы закончиться относительно благополучно, если бы он не ляпнул о своем желании обратиться в прокуратуру. Ошибку уже не исправишь. На сумочку Зубова навел подонок Гвоздев. Больше некому. Хотели приписать Ворохтину мелкую кражу, а нарвались на наркотики. Сами не ожидали такой удачи! Теперь Ворохтин, как марионетка, привязан к веревочкам, а управляет ими Саркисян. И этот кукловод будет пользоваться своей властью до тех пор, пока не закончит шоу.

Он знал, что прав, но никак не мог придумать, как отмазаться от наркотиков. После напряженной умственной работы Ворохтин пришел к выводу, что ему ничего не остается, как тайно перевезти Гвоздева на один из опустевших островов и держать его там до тех пор, пока тот не подпишет бумагу, что черную сумочку Ворохтин взял из рюкзака Лены.

— Вы один? — вдруг услышал он шепот.

В окно заглядывала Кира. Видимо, надо было благодарить теплый и солнечный день за то, что она была без своего вечного платка. Оранжевые волосы весело торчали во все стороны. Ее широко раскрытые глаза хранили в себе какую-то страшную тайну, и эта тайна была столь тяжела, что чудом не пролилась слезами.

Ворохтин на всякий случай посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что он действительно один в салоне. Кира открыла дверцу и сунула ему в руки плоский, но довольно тяжелый портфель. Посмотрела по сторонам и, быстро юркнув в салон, снова прошептала:

— Закройте шторы!

— Ты что, от минувшей ночи еще не отошла? — удивился Ворохтин, но просьбу выполнил.

— Сейчас я вам такое покажу, что вы три дня отходить будете! — пригрозила она. — Нас тут никто не подслушает?

— А ты считаешь, что за мной следят? — небезосновательно спросил Ворохтин.

— Следят! — презрительно фыркнула Кира. — Да вся база только и говорит о том, что на вас уголовное дело завели! Удивляюсь, как вас только в отделение не увезли!

Ворохтин многозначительно почесал покрытую жесткой щетиной щеку и вздохнул. Он хотел спросить, почему же Кира так доверительно относится к подозреваемому в преступлении человеку, но не решился. А она опустила на колени, торопливо вынула из портфеля портативный компьютер, подняла экран и включила загрузку. Пока компьютер тихо урчал и гудел, выкидывая на экран цифры и буквы, девушка смотрела в окно, чуть сдвинув шторку в сторону.

— Я просматривала снимки, которые сделала на Четвертом острове, — наконец сказала она, — и вот что заметила...

Кира склонилась над компьютером, нажала несколько клавиш, и на экран стало медленно наползать изображение песчаного берега и освещенных солнцем величественных сосен.

— Что это? — спросил Ворохтин, не видя ничего, что могло вызвать у девушки такое сильное волнение.

— Это берег Четвертого острова. Я сняла его в тот момент, когда вы нашли и вытащили на берег труп Павлова.

— Ну да, — кивнул Ворохтин. — Узнаю. Песок, кусты, сосны...

— Вот и я сначала видела только кусты и сосны. А потом увеличила контраст до максимума... Вот так...

Она загнала стрелку мыши на панель управления и сдвинула в сторону виртуальный ползунок. Картинка стала ослепительно яркой, словно рядом с берегом взорвалась атомная бомба. Кусты и деревья превратились в рваные черные пятна, а песчаный пляж стал напоминать снежную целину с проявившимися на ней черными цепочками следов.

Ворохтин изо всех сил пялился на экран, но ничто не привлекало его внимания.

— Я сделала снимок в тот момент, когда Саркисян, Чекота, Гвоздев и вы ушли на поляну. — Кира даже стала задыхаться от волнения. — Обратите внимание на следы! Вы оставили за собой четыре цепочки. Все верно. Больше следов нет. Пляж девственно чист...

— Черт возьми! — наконец дошло до Ворохтина. — А где же следы Павлова?

— Ну вот! — с облегчением произнесла Кира. — Значит, я не сошла с ума. Следов Павлова нет! Будто он перепрыгнул пляж и сразу плюхнулся в воду.

— Конечно, перепрыгнул пятидесятиметровый пляж! — усмехнулся Ворохтин и сбросил контраст. Песок на экране потемнел, приобрел желтый оттенок, следы на нем утратили четкость и слились с общим фоном. — А это случайно не игра света и теней?

— Нет! — обиженно воскликнула Кира и тотчас испуганно прижала ладонь к губам. — Контраст выделяет то, что сливается по цвету с фоном. Я всегда так работаю со снимками, чтобы улучшить качество важных деталей. Например, морщины на лбу старика или рябь на поверхности воды.

Ворохтин снова увеличил контраст и надолго застыл у экрана.

— Странно, — произнес он. — Выходит, Павлов ни разу не ходил по этому пляжу.

— А как же он попал в воду?

— Может, спустился на пляж в другом месте, а сюда пришел по прибою?

— И так он делал каждый раз, таская из леса колья для запруды? Дураку семь верст не крюк?

— М-да, — согласился Ворохтин. — Нелепость... Может, песок очень сыпучий, и его быстро разравнивает ветер?

— Я тоже так думала. Но вот видите следы, похожие на елочки? Это по берегу ходили вороны. Почему их следы сохранились, а следы Павлова нет?

— Чертовщина какая-то! Получается, что Павлов по какой-то причине избегал ходить по этому участку.

Кира, по всей видимости, получала удовольствие, ставя перед Ворохтиным неразрешимые задачи. Убедившись, что спасатель в разгадывании этой загадки окончательно зашел в тупик, она под села к клавиатуре, коснувшись Ворохтина плечом, и стала работать с опциями.

— Это еще не все. Здесь есть такая функция, как подмена одного цвета другим. Допустим, я возьму образец цветового оттенка из этого места, где по всем законам должны были остаться следы Павлова, и заменю ярко-красным... Смотрите, что получилось!

По пляжу поползли красные пятна. Казалось, что компьютер, отыскивая заданный оттенок, стал заливать его кровью. В некоторых местах появились лишь «капли», в других — «мелкие лужицы», а посреди пляжа, между водой и кустами, протянулся «кровавый ручей».

— Откуда взялась эта полоса? — спросил Ворохтин, коснувшись пальцем «ручья».

— Песок сам по себе желтый, — стала пояснять Кира, — но рельеф, даже невидимый глазом, дает тени и рефлексy. А это уже другие цветoвые оттенки. Челoвеческий глаз не всегда их различает, а компьютер — всегда. Вот тут он обозначил определенный оттенок красным цветом.

— Значит, на месте этой красной полосы песок имеет единый оттенок?

— Правильно. То есть, на протяжении этой полосы нет теней. Следовательно, нет рельефа.

Она замолчала, полагая, что теперь Ворохтин сам обо всем догадается. Но спасатель предпочел перестраховаться.

— А теперь сделай вывод! — потребовал он.

— Песок в этом месте разглажен! — выпалила Кира с досадой, что Ворохтин оказался таким недотепой.

— Разглажен? — с некоторым разочарованием повторил Ворохтин. Он ожидал, что Кира скажет: «Песок в этом месте был залит кровью!»

— Да, разглажен! — Она вернула изображение в первоначальный вид. «Дорожка» исчезла. — Павлов шел к воде и ветками заметал за собой следы!

— Зачем?

— Не знаю, — пожала плечами Кира. Она выключила компьютер, вынула из него дискету и протянула ее Ворохтину: — Здесь записан файл этой фотографии. Спрячьте дискету в надежное место. Вдруг со мной что-нибудь случится...

Глава 17

А что внутри?

«И опять давно забытые ощущения!» — подумал Бревин, с трудом разлепляя веки и облизывая пересохшие губы.

В окно светило веселое солнышко, тюлевая штора колыхалась на сквознячке, на березе, которая без усталости мела подоконник своими ветвями, чирикали воробьи.

Он перевел взгляд на середину кровати и увидел кудрявую голову. Особь женского пола сидела к нему спиной, накинув простыню на плечи, и смотрела телевизор. «Как же ее зовут?» — не слишком напрягая память, подумал Бревин.

— Воды подай! — попросил он.

Девушка взяла с журнального столика начатую бутылку минералки и протянула ему. Он глянул на ее лицо и постарался ничем не выдать своих эмоций. «А страшная-то какая! Вот что значит три дня на необитаемом острове посидеть!» Лучше бы она не поворачивалась! Голова яйцевидная, как у гуманоида, маленькие глазки посажены близко к переносице, губ вообще нет, зато щеки — ого-го! — как у хомяка.

Бревин закрыл глаза, чтобы не видеть этого кошмара, и медленно сполз с кровати. Вдруг в дверь постучали, и в номер вошел Гвоздев.

— Как спалось? — со свежей улыбкой спросил он и поднес Бревину свою ладонь. — Хорошо выглядите!

— Ну да... Лучше некуда, — проворчал Бревин.

— Ой! — вдруг пронзительно запищала девушка и стала тыкать пальцем в экран телевизора. — Это кто?! Это же ты!!

Бревин вскочил со стула и посмотрел на экран. Так и есть. Лесная полянка, валежник, похожий на медвежью берлогу, на котором Бревин мучился две ночи, и он сам, «робинзон» Пятого острова. Потухший взгляд, серое и почему-то несимметричное лицо. А какая тяжеловесная фигура!

— ...Я хочу передать всем своим знакомым, в том числе и Ритке, что намерен победить...

— Это не я! — Бревин быстро выключил телевизор.

— Как не ты! Как не ты! — принялась доказывать свою правоту девушка. — Я же сама видела! У меня знаешь, какая зрительная память!

— Это не он, — заступился за Бревина Гвоздев. — Это его брат.

— Нет, это мой сын, — мрачным голосом сказал Бревин, натягивая на себя вонючий камуфляж.

— Сын?! — ахнула девица.

— От третьего брака, — добавил Бревин. — Ну-ка, освобождай номер! А то у меня настроение портится, как на тебя гляну...

Девушка медленно оделась и нехотя покинула номер, пообещав Бревину порадовать его своим визитом еще раз.

— Позавтракать хотите? — предложил Гвоздев, надеясь, что Бревин угостит его за свой счет.

— Какой завтрак! — поморщился Бревин. — У меня вчерашний ужин еще в горле стоит! Где будем снимать? Шалаш готов?

— Шалаш готов. Поляна — копия той, что на острове, — перешел на шепот Гвоздев, когда они оба вышли в коридор. — А эта девушка никому не расскажет, что узнала вас?

Гвоздев головой отвечал за конспирацию и потому был обеспокоен. Попросив Бревина на минуту задержаться в вестибюле, он вышел на улицу, посмотрел по сторонам, сделал несколько кругов между стоящими на

парковке автомобилями, еще мокрыми от ночного тумана, и лишь потом махнул Бревину.

Они сели в джип, за рулем которого был Чекота, выехали из поселка и свернули на лесную дорогу.

— На островах сейчас туман, — напомнил оператор Гвоздеву. — А здесь ясно и сухо.

— Распалим костер и кинем сырую хвою, — с ходу нашел выход Гвоздев.

Машина свернула с грунтовки, углубилась на пару сотен метров в лес и остановилась на поляне. Посреди нее стоял наскоро сделанный шалаш. Ветки торчали во все стороны, отчего шалаш напоминал небольшого замшелого динозавра, покрытого шипами.

— Время, ребята, время! — поторопил Гвоздев и предупредил Бревина: — Имейте в виду, что на пленку мы снимаем первый и последний раз. Потом будем перегонять сюжет напрямик в аппаратную без всяких дублей!

Оператор принялся устанавливать треногу и протягивать кабель от камеры к джипу, в который была загружена телевизионная аппаратура. Бревин, потягивая пиво, кругами бродил по полянке, стараясь не приближаться к шалашу. Эта уродливая постройка вызывала у него неприятные ассоциации.

— Я готов! — доложил Чекота.

Гвоздев, сидя на корточках, пытался поджечь сырые ветки. Спички обжигали ему пальцы, он кряхтел и дул на них. Наконец над полянкой поплыл жиденький дымок.

— Годится! — махнул рукой оператор, глядя в видеоискатель. — Никто не подкопается!

Бревин сел на траву перед шалашом. Брючный ремень впился в тело с такой силой, что пришлось его тут же ослабить на пару дырок.

— Вы слишком радостный, — озабоченно произнес Гвоздев, рассматривая Бревина. Не забывайте, что пошли четвертые сутки вашего пребывания на острове.

— Хорошо, — кивнул тот, насупив брови и скорбно скривив губы.

— Не то, — покрутил головой Гвоздев. — Понимаете, у вас стал какой-то неестественный вид. Вы будете резко отличаться от остальных игроков, и зритель может заподозрить фальсификацию.

— Вид! — фыркнул Бревин. — А что мне, по-вашему, землю жрать, чтобы вид стал нормальным?

Чекота приник к видеоискателю и долго молчал, но было понятно, что внешность «робинзона» ему не нравится.

— Надо лицо смазать глиной, — сказал он. — Как Лагутин сделал. Тогда к нам никто не придерется.

Гвоздев наковырял в ближайших зарослях крапивы сырой глины и стал размазывать ее по лицу Бревина. В конце концов они с оператором удвоветворились его обликом, и студент, демонстративно взглянув на часы, поторопил:

— Если вы готовы, тогда начнем.

— Да уже давно готов, — ответил Бревин. — Это вам мое лицо почему-то не нравится.

— Скажите своими словами, что жизнь на острове изменила вашу сущность, — подсказал Гвоздев. — Что вы познали себя, свои возможности, определили запас прочности...

— Поехали! — махнул рукой Бревин, присев у шалаша.

— Мотор! — скомандовал Гвоздев.

— Что я могу сказать? — начал Бревин, с вдохновением пересказывая те слова, которые ему сказал Гвоздев. — Я познал себя. Свою суть. Много чего там было. Но теперь я знаю, что у меня внутри, и по этому поводу могу сказать определенно...

И вдруг оператор, отвалившись от камеры, согнулся в три погибели и неистово захохотал. Он держался за живот, задыхался и тряс головой, отчего его козлиная борода мелко дрожала, словно хвост трясогузки. Чекота хохотал до слез и все никак не мог остановиться.

Глава 18

За что ненавидят журналистов

День выдался по-настоящему теплым. База расслабилась. Над палатками и машинами плыл дымок мангалов. На песчаном пляже обслуживающий персонал азартно играл в волейбол. Мяч то и дело падал в воду, и его вытаскивали длинным удилицем. Подвыпившие технари, схватив какого-то несчастного за руки и ноги, прямо в одежде сбросили его с причала в воду. Закачались на легкой волне, постукивая друг о друга бортами, две моторные лодки. Дежурный наблюдатель, торчащий на спасательной вышке, словно мулла на минарете, с тоской смотрел на острова и зевал.

Кира сидела в шезлонге в тени сосны и читала журнал. Она была в наглухо застегнутой штормовке и умирала от жары. По мере того как солнце уходило в сторону, она время от времени переставляла шезлонг и поти-

хоньку добралась до Ворохтина, который, сидя на пне, с самым серьезным видом строгал ветку. Лезвие ножа легко вонзалось в мягкую и сочную древесину, ветка быстро уменьшалась в размере, и когда от нее оставался огрызок размером с карандаш, он выбрасывал его и поднимал с травы новую.

Наконец ему надоело сорить стружками, он отшвырнул ветку в сторону, вогнал нож в рыхлую сердцевину пня и повернулся к Кире:

— Смотрела последние репортажи с островов?

— Смотрела, — ответила Кира, опустив журнал на колени.

— Что нового?

— Ничего. Бревин обмазал лицо глиной, чтоб комары не кусали. Лагутин невозмутимый какой-то стал, ничто его не волнует, не беспокоит, и говорит тихо, чуть не засыпая перед камерой.

— А Ботаник?

— Тот умница. Из березовой коры сплел корзинки, повесил к дереву и хранит в них стратегический запас ягод и кореньев...

— Кто из них будет следующим?

— Что? — не поняла Кира.

— У меня не выходит из головы Гвоздев. В том, что за всем этим стоит Саркисян, я не сомневаюсь. Но чьими руками он все это делает? Руками Гвоздева? Ты что думаешь? Что Павлов шел по пляжу к воде и заметал за собой следы? Чушь! Это убийца Павлова, уходя с пляжа, заметал за собой следы. Павлов и Лена были убиты. И он будет убивать дальше. Рейтинг передачи взлетит еще выше, рекламодатели начнут давить друг друга в очереди, а продюсер будет грести деньги лопатой, пока не останется последний «робинзон»... Интересно, Саркисян уже решил, кто останется?

— Неужели это мог сделать Гвоздев? — произнесла Кира. — Такой интеллигентный молодой человек! А как же он добирался до островов? Моторки ведь у всех на виду. Попробуй, заведи — такой треск начнется!

— А зачем моторка? Он, как и ты, мог приплыть на обычной весельной лодке.

— До Первого еще можно доплыть на веслах. А сколько придется грести до Четвертого? — возразила Кира.

— Для здорового парня это не проблема, — ответил Ворохтин. — Кстати, а где ты брала лодку?

— Вон, видите постройки? — махнула рукой куда-то в сторону Кира. — Это детский лагерь. Там же есть лодочная станция. Хотите, я схожу туда и спрошу, кто и когда брал напрокат лодку?

— Так тебе и скажут! — скептически посмотрел на нее Ворохтин.

— Скажут! — заверила она, загоревшись этой идеей, и вскочила с шезлонга.

— Очень хочется?

— Как вы не понимаете! Это же настоящее журналистское расследование!

— Понимаю. Жареных фактов захотелось. Сенсации.

— Скажите мне, пожалуйста, за что вы так ненавидите журналистов? — сквозь зубы процедила Кира.

— А ты мне скажи: что ты все время паришься в своей штормовке?

— Не ваше дело! — обиженно бросила она и, повернувшись, быстро пошла по берегу в сторону детского лагеря.

Глава 19

Безымянный

— Твои соперники, поди, сейчас с голодухи пухнут, а ты кашу с мясом жрать будешь, — сказал Безымянный, помешивая ложкой в котелке. — Совесть не мучает?

Примус тихо гудел, бездымное синее пламя было неподвижным, словно выточенный из лазурита конус, перевернутый кверху дном.

Лагутин натянуто усмехнулся, пожал плечами и пробормотал:

— Каждый по-своему устраивается в этой жизни.

— Ах, сукин ты сын! — покачал бритой головой Безымянный, зачерпнул ложкой кашу и подул на нее. — Устраивается! Да если бы не я, жрал бы ты сейчас заячью капусту вприкуску с мухоморами!

— Будем считать, что мне повезло, — мягко отступил Лагутин.

— Вот именно, повезло! — согласился Безымянный, раскладывая кашу по мискам. — «Пол-лимона» заработаешь, не голодая и ничего не делая! Такой халявы мне даже во сне не увидеть! Я вот таксиста ножиком припугнул и какие-то гребаные десять тысяч рублей из его карманов вытряхнул. А получил за это девять лет с конфискацией. Считай, по году за каждую тысячу. Сколько тебе пришлось бы сидеть за пятьсот тысяч? Пятьсот лет? Эх, мама не горюй! — Он тихо засмеялся, показывая мелкие гнилые зубы, и в уголках его хитрых, жестоких глаз веером собрались глубокие морщинки.

— А почему ты говоришь «пол-лимона»?.. — осторожно спросил Лагутин, принимая из рук рецидивиста миску с горячей кашей. — Мы же договорились, что я отдаю тебе четыреста, а себе оставляю шестьсот.

— Инфляция, фраерок, — ответил Безымянный. — Каша с сегодняшнего дня здорово подорожала на нашем острове. Если не нравится — иди, поищи дешевле.

Лагутин молча пожал плечами, словно хотел сказать: будь по-твоему, пятьсот так пятьсот. Он боялся спорить с Безымянным. Этот уголовник, бежавший из колонии строгого режима, вызывал у него страх и брезгливость. О первой их встрече Лагутин не мог вспоминать без содрогания. За несколько минут до сеанса связи на него неожиданно напал какой-то жуткий небритый человек с гнилыми зубами, привязал к дереву, стал бить в живот и при этом истерически кричать: «Мент поганый!! Выследил меня, да?! Месяц никто выследить не может! Ах, ты, гнида! Падла! Ну, признайся же, что ты мент, а то кишки выпущу!!»

Лагутин тогда здорово сдрейфил, и мысленно уже распрощался с жизнью. Он клялся, убеждал, доказывал, что он всего лишь участник шоу «Робинзонада», и никто не догадывается, что помимо него на этом острове есть еще кто-то... Безымянный как будто поверил. Но едва Лагутин попросил, чтобы тот дал ему возможность включить камеру и выйти на связь с базой, как все началось сначала. «Ты меня продать хочешь, хорек вонючий?! — орал Безымянный. — За фраера меня держишь?» Тут уже и у Лагутина нервы не выдержали. «Да ты себе только хуже делаешь! — крикнул он. — Если я не выйду на связь с базой, сюда спасатели припрутся!»

Увидев моторку, которая приближалась к острову, Безымянный заволновался и отвязал Лагутина. «Делай что хочешь, — сказал он ему, — но чтобы на остров никто не высадился. Иначе перережу тебе горло быстрее, чем лодка причалит!»

К счастью, все обошлось. Лагутин крикнул спасателю, что у него все в порядке, и в помощи он не нуждается.

Мало-помалу Безымянный начал доверять Лагутину. С наступлением темноты он привел его к маленькой рыбацкой палатке, рядом с которой, в засыпанной листьями яме, хранились дюжина консервных банок, пакеты с крупой, чай, сахар и супы быстрого приготовления, а также примус и канистра с бензином.

Первую ночь Лагутин спал под открытым небом, привязанный веревкой к дереву. Наутро Безымянный накормил его гороховым супом с сухарями, а на десерт предложил кружку чифиря.

«Ладно, убедил, что ты не мент! — примирительно сказал он. — Можешь сваливать отсюда, я тебя отпускаю. Но имей в виду: одно слово про меня вякнешь — я тебя из-под земли достану!» Лагутин объяснил, что у него нет никакого резона сваливать с острова, потому как он намерен

выиграть деньги, и предложил сделку: «Если ты поделишься со мной едой, то потом я поделюсь с тобой выигрышем».

Услышав про огромные деньги, Безымянный заволновался. «Сколько вас на этом озере таких шизиков? Пятеро? И как долго надо ждать, пока все опухнут с голодухи и на берег попросятся? Месяц?» Лагутин уклончиво ответил, что, может, и месяц, а может, и меньше, если поторопить события. Безымянный долго молчал, потом взглянул на Лагутина и, сплюнув, уточнил: «Это что? Намек? Или просьба? Может, ты меня на «мокруху» подталкиваешь?»

Прошло два дня, и Лагутин, уминая утром гречку с тушенкой, как бы невзначай сказал: «Двое уже выбыли из игры».

«А что так?» — сдержанно поинтересовался Безымянный.

«Погибли. Один в воде захлебнулся, а вторая на сучок напоролась».

«Эх, мама не горюй! — с притворным сочувствием протянул Безымянный, хитро поглядывая на Лагутина. — А может, это твоя работа, фраерок?»

«Нет, это не я», — ответил Лагутин и посмотрел на Безымянного таким же хитрым взглядом.

«На меня думаешь? — усмехнулся Безымянный. — Правильно делаешь!»

Так они и жили в относительном мире и согласии, играя в одну и ту же игру.

— ...Ты скоро свалишь, а мне здесь до первого снега сидеть, — сказал Безымянный, облизывая миску. — Надо приличный запас хавки сделать. Сегодня опять дуй в поселок! Да и бензина закупи побольше, мне его много понадобится, ведь ночи становятся все холоднее. И не бойсь, фраерок, все у нас получится!

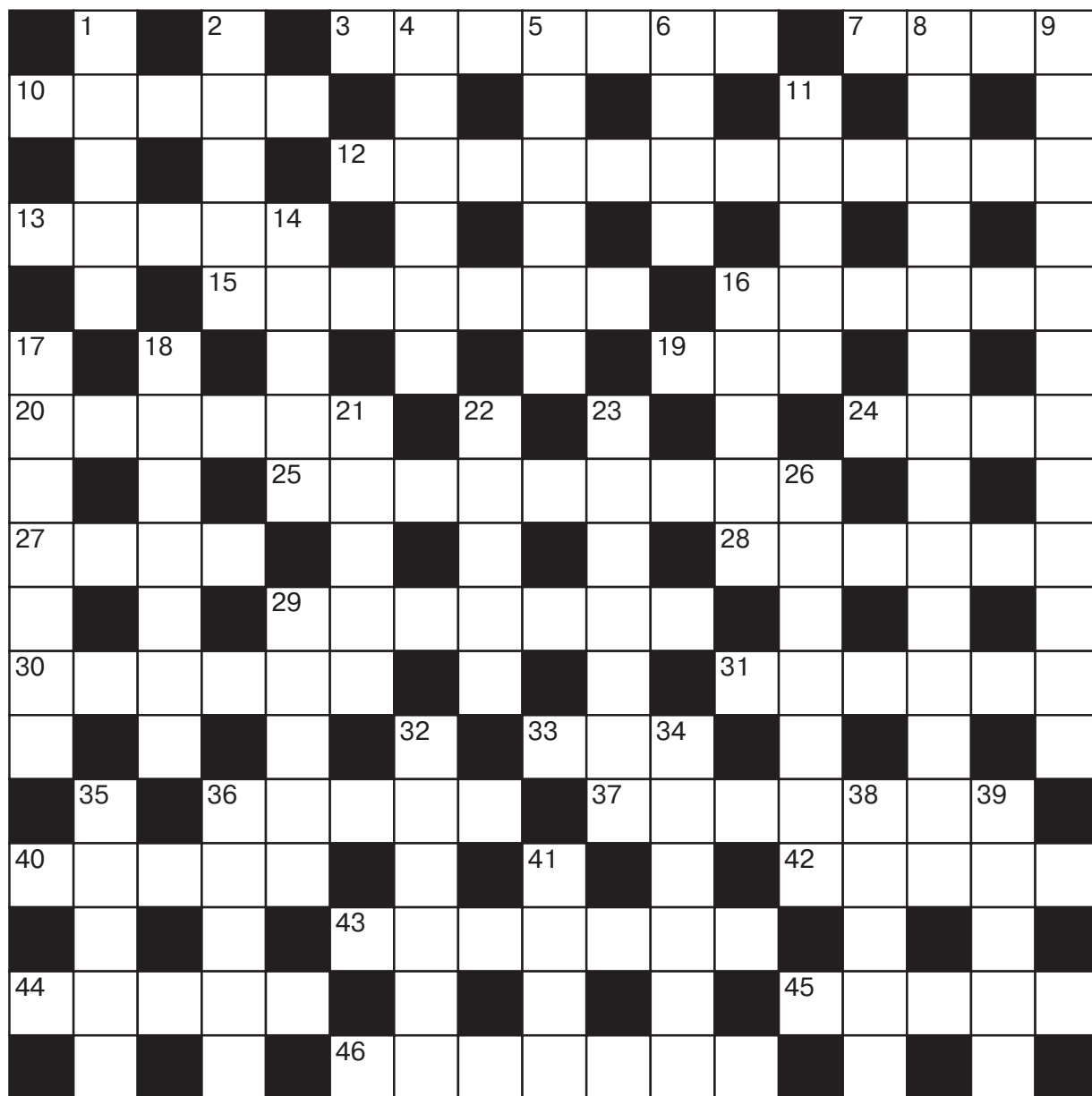
Он дождался, пока Лагутин пристроит свои ноги в тесной лодке, кинул ему пару коротких пластиковых весел и оттолкнул лодку от берега.

«Хрен он от меня сбежит! — подумал Безымянный, приглушая вспыхнувшее вдруг подозрение. — Не такой уж он дурак, чтобы отказаться от пятисот тысяч, которые уже сами падают в руки. Вот только слишком много знает, а это плохо...»

Когда лодка исчезла за песчаной отмелью, он еще долго стоял на берегу, пристально глядя на соседний остров, похожий на плывущего по озеру ежа. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Маскировка для дырки. **7.** Кто в «Вишневом саду» обращается к «многоуважаемому шкапу»? **10.** Военская «конституция». **12.** Республика вокруг Уфы. **13.** Где улов «прохлаждается»? **15.** «Дворцовая учтивость». **16.** С какой запеканкой сказочную Алису познакомили в Зазеркалье? **19.** «Аж

... захватывает». **20.** Чего нельзя, единожды сняв, надеть на голову обратно? **24.** «Оркестр веселое играет, и улыбаются ... Но сердце знает, сердце знает, что ложка пятая пуста!» **25.** Витамин Е из зерен злаков. **27.** У Андрея Кончаловского есть фильм «Курочка ...» **28.** Жительницы столицы страны, расположенной в двух

частях света. **29.** «А на белой табуретке да на вышитой салфеточке ... стоит». **30.** Какую валюту Александр Гамильтон сделал национальной? **31.** Маленькое завихрение в отдельно взятой голове. **33.** Какой знак японцы мистически наделяют душой? **36.** Яйцо, сваренное «в мешочек» без скорлупы. **37.** Шляпа мистера Фикса из мультсериала «80 дней вокруг света». **40.** Не только нагревательный прибор, но и соперник олимпийцев. **42.** «И осень тихую вдовой вступает в пестрый ... свой». **43.** Каждый из обитателей таблицы имени Дмитрия Менделеева. **44.** Над чем вытяжку на кухне устанавливают? **45.** Врач для тех, кто плохо слышит. **46.** Таня из магической школы Тибидохс.

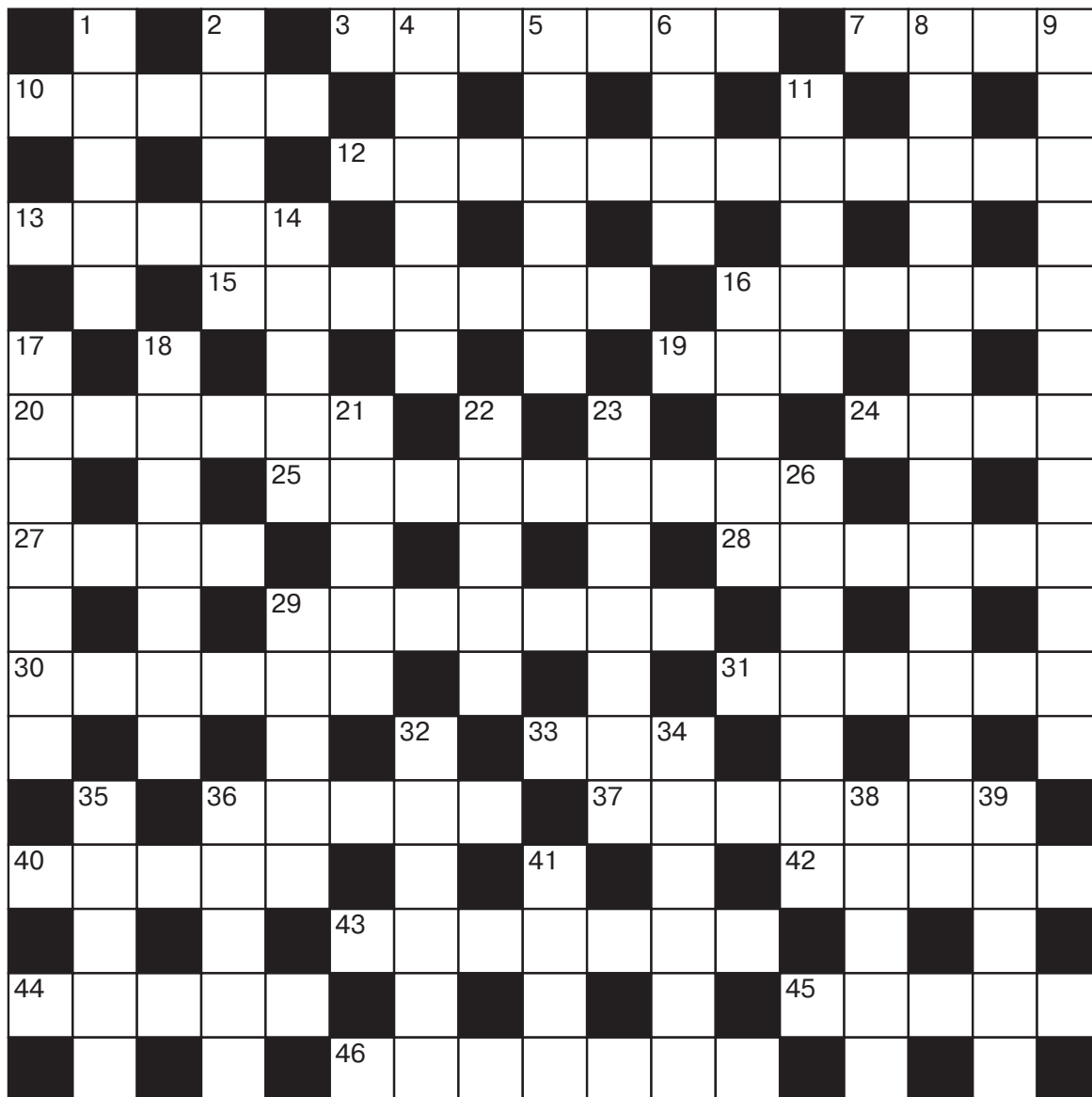
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какая вера в Мекку ведет? **2.** Пальто для русской купчихи. **4.** Что превращает автомобиль в металлом? **5.** Ганнибал, принесший «Оскар» англичанину Энтони Хопкинсу. **6.** Чем запускают в знаменитостей члены «Международных пирожных бригад»? **8.** Тренер из школы водителей. **9.** Кто обучал ска-

зочного Чиполлино сапожному ремеслу? **11.** Какое растение натолкнуло швейцарца Жоржа де Местрала на создание липучей застежки? **14.** Американцы уверены, что Бог создал людей разными, но полковник Сэмюэл ... «уравнял шансы»! **16.** Рыночная мера зелени. **17.** Искусство, чьи достижения в нашей стране поощряются премией «Овация». **18.** У какой рыбы оба глаза на одной стороне? **21.** Что едва не погубило Останкинскую телебашню в 2000 году? **22.** Чего нельзя отыскать нигде в мире, кроме своего сердца? **23.** Хозяин обручального кольца. **26.** В какую клинику из казармы попадают? **29.** «Мужчине красота дает выигрыш в две недели» (французский классик). **32.** Приманка при ловле на спиннинг. **34.** Светило, проглоченное сказочным крокодилом. **35.** Любимая группа Стива Джобса. **36.** Львиный вход для головы дрессировщика. **38.** Какое слово связывает леди Гагу с Бараком Обамой? **39.** Какой молочный продукт весьма ценил космический пират Весельчак У? **41.** Кто, даже умирая, не готов поделиться последним?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Спрей. **7.** Храп. **10.** Дефицит. **12.** Злосчастье. **13.** Географ. **14.** Исчисление. **15.** Динамит. **17.** Карманник. **20.** Комик. **23.** Дреды. **24.** Рояль. **25.** Багет. **28.** Рукав. **29.** Яство. **30.** Астероид. **32.** Синатра. **35.** Вертеп. **37.** Хаси. **38.** Тельняшка. **41.** Ривз. **42.** Нетребко. **43.** Гений. **44.** Трап. **45.** Хлопотун.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Телевизор. **2.** Биография. **3.** «Титаник». **5.** Полусумрак. **6.** Евстигнеев. **8.** Рутина. **9.** Плевел. **11.** Таблоид. **16.** Тау. **18.** Красс. **19.** Вдова. **21.** Монтировка. **22.** Кларнет. **25.** Будильник. **26.** Гаранян. **27.** Разворот. **28.** Рис. **31.** Фрукт. **33.** Гамбит. **34.** Микоян. **36.** Пепел. **39.** Шерл. **40.** Арап.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Какого великого художника при рождении посчитали мертвым? **7.** Стиль Джими Хендрикса. **10.** «Славянский Дионис». **12.** Что получил Леонардо Ветра? **13.** Какому великому алхимику из Германии история приписывает открытие фосфора при поиске «философского камня»? **15.** Дере-

венская плетуха. **16.** Традиционные серьги индийских танцовщиц. **19.** Какой Бернардо в XIV веке сочинил «настольную книгу инквизитора»? **20.** «Танец тигра» у индонезийцев. **24.** Макаронная «перловка» из Италии. **25.** Первый русский солдат. **27.** Какой греческий сыр полезен при пищевых отравлениях? **28.** Прой-

доха ушедших времен. **29.** Степь в Новой Зеландии. **30.** Северный олень в подростковом возрасте. **31.** Призраки убитых из корейских мифов. **33.** Мужские штаны эпохи Средневековья. **36.** Второй титул в борцовой иерархии сумо. **37.** «Лучезарное Я» из оккультизма. **40.** Парчовый карп. **42.** «Могучий лев» среди мужских имен у казахов. **43.** Американский генерал, получивший Нобелевскую премию мира. **44.** Антилопа, попавшая на монеты из Ботсваны. **45.** Что очаровательная Коко Шанель танцевала с таким исступлением, что рвала на себе жемчужные ожерелья? **46.** Чувства грешного стрела.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Золотые пески Афганистана и стеклянную ... Бухары». **2.** Телепортация на короткое время в компьютерных играх. **4.** Раунд бейсбольного матча. **5.** Чье вторжение вызвало гибель цивилизации Инда? **6.** Какое экстравагантное имя придумал для своего сына поэт Демьян Бедный? **8.** Система уп-

равления ставками в азартных играх. **9.** Из-за какого научного метода овечка Долли «попала в историю»? **11.** Горноалтайские скифы. **14.** Вываренный сок для приготовления халвы. **16.** «Король шутов, но не шут королей». **17.** «Маскировка» для хакерской атаки. **18.** Техника выпрыгивания из воды у самураев. **21.** Немецкая слобода в Москве петровских времен. **22.** Летнее кимоно. **23.** Испанский романс с пляской. **26.** В каком имени князя Путятина русский художник Николай Рерих познакомился со своей будущей женой? **29.** Военачальник второго ранга у японцев. **32.** Магический трактат, откуда сбежало заклинание прямо в голову волшебника Ринсвинда из романа «Цвет волшебства» Терри Пратчетта. **34.** «Хранитель мудрости и векового покоя» среди драгоценных камней. **35.** Краска, чтобы усы чернить. **36.** Фанат аниме. **38.** Кому отдал свое прощальное стихотворение Сергей Есенин? **39.** Феодалный князь из Страны Восходящего Солнца. **41.** Дагестанская флейта.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кайши. **7.** Угги. **10.** Одзисан. **12.** Аберкромби. **13.** Жесткач. **14.** Эсфендиари. **15.** Обелиск. **17.** Кавалерка. **20.** Арбиф. **23.** Трайк. **24.** Ганаш. **25.** Копие. **28.** Марич. **29.** Нитон. **30.** Иеровоам. **32.** Кенгуру. **35.** Сумтри. **37.** Руте. **38.** Калазирис. **41.** Манд. **42.** Никарета. **43.** Бетил. **44.** Аким. **45.** Вавилиом.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Адлерберг. **2.** Миртиллин. **3.** Саранск. **5.** Амбассадор. **6.** Шершеневич. **8.** Гумбай. **9.** Ибибио. **11.** Продукт. **16.** Кап. **18.** Ардил. **19.** Айдов. **21.** Баррамунди. **22.** Фахверк. **25.** Камерарий. **26.** Пингвин. **27.** Киссумба. **28.** Мак. **31.** Хрчик. **33.** Гумели. **34.** Бехайм. **36.** Иапет. **39.** Рика. **40.** Сати.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс – П2431 — для всех подписчиков.
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал в магазине «Московский дом книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2016 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на 2016 год или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2016 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получают денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

